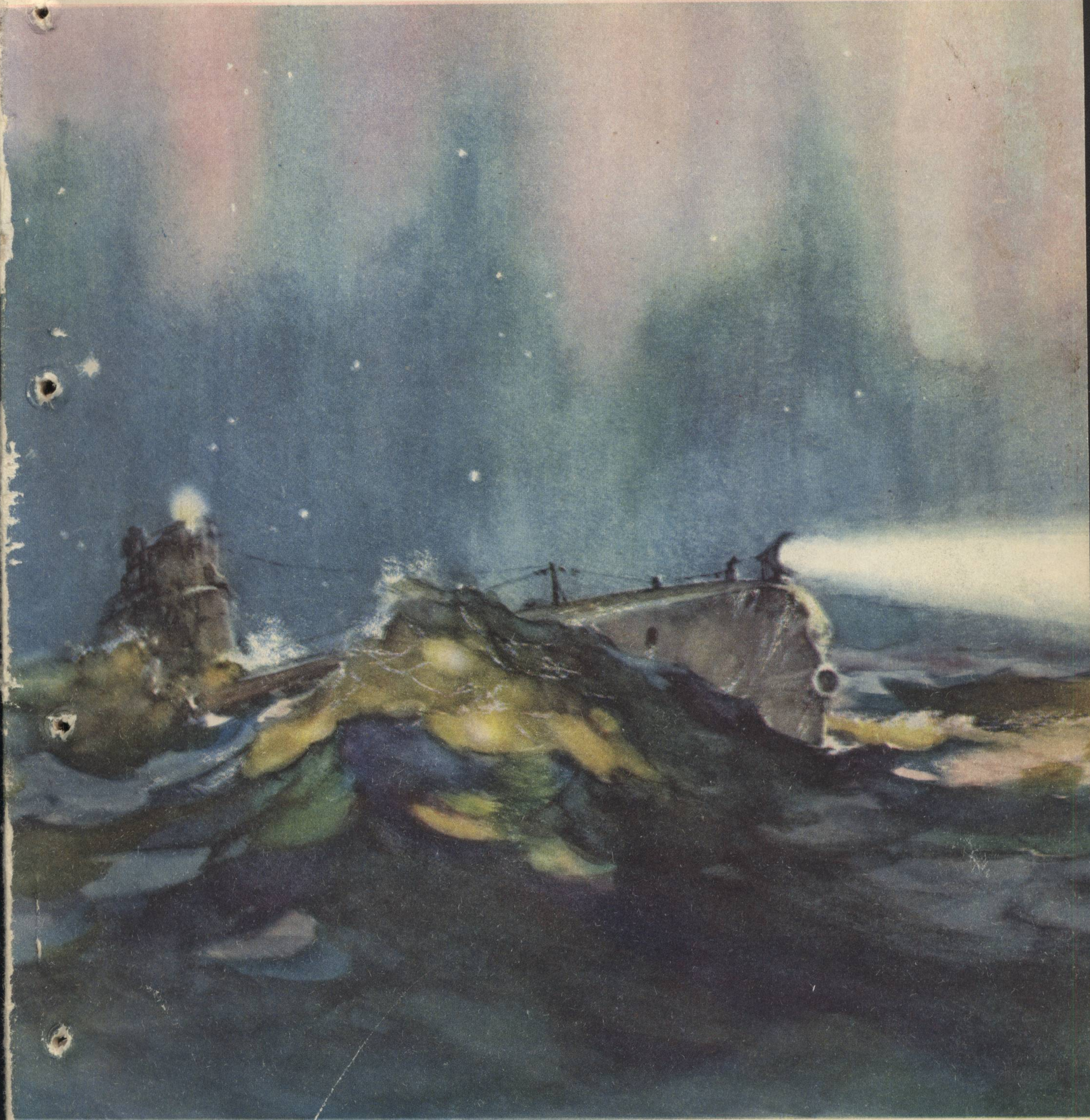
ПИОНЕР

АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1959 год.

4

ВНИМАНИЕ! БОЕВАЯ ЛИНЕЙКА!

Когда нужно выполнить срочное, ответственное поручение, совет дружины по цепочке собирает боевую линейку.

Сейчас пионеры выполняют самое важное задание: помогают семилетке.

Внимание! Проводим боевую линейку!

Читатели «Пионера» рапортуют о своих делах.

Пионерская разведка донесла: работники стайкинского лесничества просят убрать и сжечь опавшие листья и сучья. Задание выполнено: мы очистили пятнадцать гектаров леса. В каникулы наш отряд окрасил парты во всех классах и сберег школе три тысячи рублей.

Председатель совета первого отряда 57-й школы *Владимир Хоханов*. гор. Минск.

Отряд добивается права стать «отрядом — спутником семилетки». Будем учиться так, чтобы никто в классе не остался на второй год. Двойкам — войну! Каждому собрать по тридцать пять килограммов металлолома, по пятнадцать килограммов золы и по пять килограммов макулатуры. Свой класс убирать самим. Самим пилить и колоть дрова для класса. Тимуровскую работу продолжать.

Совет отряда 5-го класса «Б». Святозеро, Карельская АССР.

Рапортую: собрал и сдал тысячу сто тридцать пять килограммов металлолома для постройки экскаватора «Пионер Таджикистана».

Мирзо Маршрапов, ученик 5-го класса. Октябрьский район Сталинабадской области.

Наш рапорт короткий: вырастили тысячу восемьдесят три кролика.

Пионеры Акмянской средней школы Литовской ССР.

Заводы Днепродзержинска должны были выплавить сталь для Китайской Народной Республики. Пионеры нашей школы срочно собрали девятнадцать тонн лома. А все дружины города собрали металл на целую пионерскую плавку — четыреста восемьдесят шесть тонн. Сталь, выплавленную из лома, отправили в Китай.

Председатель совета дружины 29-й школы *Людмила Скрипник*. гор. Днепродзержинск.

Мы обязались вырастить три с половиной тысячи кроликов, десять тысяч голов домашней птицы и откормить тридцать четыре свиньи. Каждый школьник района сдаст государству не меньше десяти килограммов мяса.

Пионеры Уваровского района Московской области.

Воспитанники детского дома № 51 построили свинарник на шестьдесят голов.

Юрий Черкасов, председатель детсовета. Пречистинский район Ярославской области.

Предоставляем слово нашему гостю — машинисту комсомольского экипажа экскаватора «Воронежский пионер» ПЕТРУ РОДИНУ:

Большое спасибо воронежским пионерам, которые собрали металл для нашей машины! Докладываю: экскаватор «Воронежский пионер» круглые сутки роет котлован для фундамента нового большого здания в Зарядье, у Красной площади, в самом центре Москвы.

БОЕВАЯ ЛИНЕЙКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ! О ЧЕМ БУДЕШЬ РАПОРТОВАТЬ ТЫ? КАК ТЫ ПОМОГАЕШЬ СЕМИЛЕТКЕ?

Год издания
36-й

ПИОНЕР

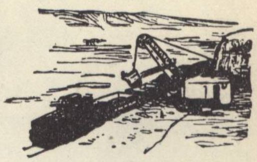
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

№ 4

1959

В этом номере:

На вклейках:

Октябрьский ветер. Картина М. Девятова (фрагмент).
За каменной стеной. Картина И. Тартановского.
Кадры из фильма «Звероловы».

На обложке:
Рисунок Н. Кольчицкого «Северянка», научно-исследовательская подводная лодка.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ленин с детьми.

Рисунок В. Коновалова.

БУДЬ ГОТОВ!

Письмо Надежды Константиновны Крупской к пионерам

Всякий пионер на призыв «Будь готов!» отвечает: «Всегда готов!», но далеко не всякий пионер знает, откуда взялся этот призыв и этот ответ.

«Будь готов!» — это был призыв Ленина к членам партии, борцам за рабочее дело.

23 года тому назад, в 1902 году, у рабочего класса России не было еще своей партии. Правда, в 1898 году состоялся первый съезд социал-демократов. На нем было лишь несколько человек представителей рабочих организаций. На съезде постановлено было организовать Российскую социал-демократическую рабочую партию, даже выбран был ЦК.

Но полиция выследила съезд, переарестовала всех его участников, и дело распалось, осталось одно название. По отдельным большим городам были небольшие социал-демократические организации, которые вели ра-

боту среди рабочих, но они были слабы и почти не связаны между собой. Одна организация работала так, другая иначе. Больше всего эти организации помогали рабочим устраивать забастовки. Некоторые социал-демократы думали, что задача партии только в том и состоит, чтобы помогать рабочим вести борьбу с хозяевами, а о том, что надо царя сбросить и всю жизнь построить по-иному, рано еще говорить. Другие говорили, что совсем неважно даже, чтобы была партия, важно только поднять рабочих на восстание против царизма, а что для этого надо сорганизоваться — забыли.

Тов. Ленин написал тогда книжку. Она называлась «Что делать?». В этой книжке он объяснял, что надо работать над тем, чтобы сделать рабочих как можно более сознательными, говорил о том, какое громадное значение имеет организация. Он писал, что надо, чтобы партия, передовой отряд рабочего класса, как можно лучше разбиралась в том, что кругом нее делается; надо, чтобы она ясно видела дорогу, понимала хорошенько, что в каждую минуту надо делать. И надо, чтобы партия представляла из себя дружную организацию, которая, когда надо, умела бы выступать как один человек. Тогда только можно победить и царизм и буржуазию. Сознательность и организованность с неба не падают. Надо не покладая рук учиться разбираться в окружающем, надо учиться действовать организованно, дружно во всем.

«Мы должны всегда,— писал тов. Ленин в 1902 году в своей книжке «Что делать?»,— вести нашу будничную работу и всегда быть готовыми ко всему» (т. V, Собр. соч., стр. 264).

Должны быть готовы вести работу тайком от полиции, печатать листовки в тайных типографиях, пользоваться всяким удобным случаем, чтобы помогать рабочим стать сознательными и организованными, должны быть готовы идти за это в тюрьму и на каторгу. Должны быть даже готовыми и к тому, чтобы, когда придет подходящий момент, восстать с оружием в руках.

«Будьте готовы»,— говорил тов. Ленин членам партии, и ленинская партия не боялась никакой самой черной, самой скучной работы. И когда пришло время, удобное для революции, ленинская партия «была готова» и повела за собой рабочих и крестьян.

Юных пионеров не было еще на свете, когда Ленин звал борцов за рабочее дело быть готовыми, но юные пионеры твердо решили быть верными заветам Ленина, они неустанно учатся, они неустанно организуются, ставят себе целью организовать всех ребят, сделать их всех сознательными, умелыми; юные пионеры хотят научиться строить новую жизнь, они хотят продолжать дело Ленина.

1925 год.

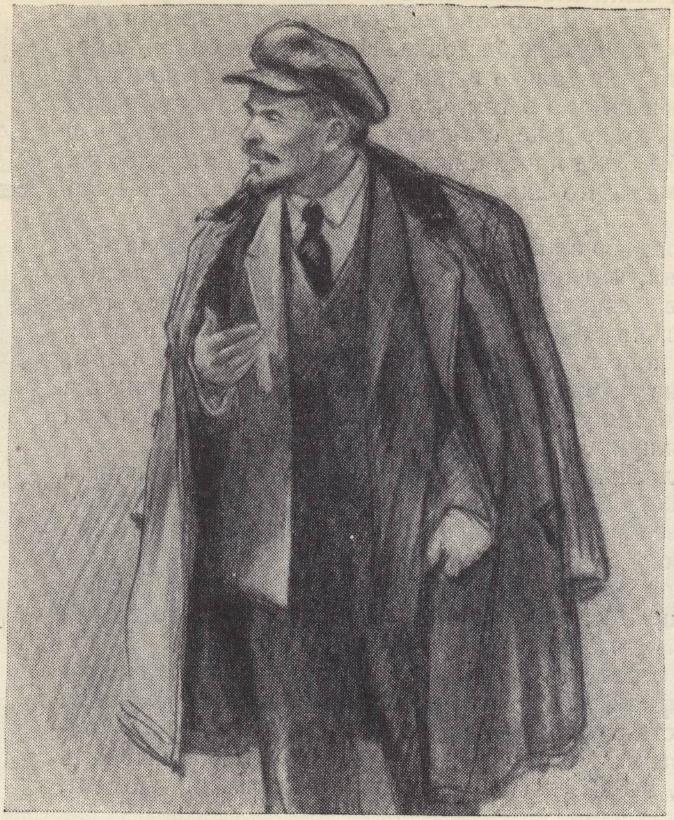
Это письмо и к вам, будущие строители коммунизма!

Всегда, сколько существует пионерская организация, коммунисты учили ребят быть настоящими ленинцами, выполнять революционные ленинские заветы.

Вы прочитали сейчас письмо Надежды Константиновны Крупской, жены и верной соратницы Владимира Ильича. Письмо «Будь готов!» написано давно, когда вас еще не было на свете, а пионерами были ваши папы и мамы. Но каждое слово письма адресовано и к вам, ребята, к теперешним пионерам. Ведь вы тоже верны ленинским заветам. Вы тоже хотите продолжать дело Ленина. А продолжать дело Ленина — значит строить коммунизм. И теперь, когда началось осуществление великого семилетнего плана, отряды юных пионеров, как всегда, будут надежными помощниками старших.

Юные пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

В. И. ЛЕНИН.
Рисунок Н. Жукова.

АПРЕЛЬ

В апреле 1917 года В. И. Ленин написал знаменитые «Апрельские тезисы», в которых был указан путь к победе социалистической революции.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

По лужам подошвами шаркая,
Толпится народ дотемна.
Весна в Петрограде неяркая,
Но все-таки это весна.

То дождь забредет неприкаянный,
То скроет туман без следов
Кирпичную скуку окраины
И прозу торговых рядов.

Дома нежилые и хмурые
Теснятся над грозной толпой.
И песню «На сопках Маньчжурии»
Играет шарманщик слепой.

Но близится час правосудия,
И так насторожена мгла,
Как будто «Аврора» орудия
На Зимний уже навела.

Вот гаснут последние окна там,
Вот город забылся во сне.
И Ленин в пальто незастегнутом
Выходит навстречу весне.

И в память народную врежутся
Простые, как правда, слова.
И дышит апрельскою свежестью
Еще ледяная Нева.

Пусть кажется, будто бы спит она,
Пусть ветер колюч иногда,
Но Лениным точно рассчитано
Движение этого льда.

И завтрашний день ему грезится
За этой сырой пеленой...
Недаром «Апрельские тезисы»
Написаны были весной.

Знамя с силуэтом Ленина

В. ТРЕТЬЯКОВ

Рисунок Г. Колганова.

1

Четверо... Галя увидела их из окна. Потом услышала их тяжелые шаги в коридоре. Ближе, ближе. Вошли фашисты без стука, просто рванув дверь.

Мать встала, прижимая к груди недомытое блюдце. Галя видела, как задрожали ее губы. Из спальни тотчас вышла старшая сестра, Вера...

Один шагнул к матери:

— Рябинин? Елисафет?

Мать кивнула...

— Твой сестра коммунист! Что оставил тебе сестра?

— Ничего.— Она широко развела руками.— Ничего...

— Это будем проверить. Пройдем сперва та комната. Ты, Елисафет, ты, юный девушка.— Он кивнул Вере.

На Галю не обращали внимания, будто ее не было в комнате.

Когда они ушли в спальню, девочка опустилась на корточки и сунула руку за спинку дивана. Сверток не поддавался, застрял между стеной и диваном. Она рванула изо всех сил. Еще раз... У нее захолодело в груди: так громко зашуршала бумага. Пряча за спиной сверток и не сводя глаз с двери, Галя попятилась к выходу, потом быстро побежала в конец коридора, к чулану, где стояла кухонная посуда. Торопливо сунула сверток на полку и заставила его кастрюлями. Нет, здесь найдут! С трудом запихала под сундук, в котором хранились старые вещи. Сдерживая дыхание, спокойно вернулась в комнату.

Посреди перерытых, раскиданных по полу вещей стояли эти четверо. Они забавлялись заводной игрушкой — поросенком, играющим на скрипке. Самый высокий щелкнул жестким ногтем по «пятачку» поросенка и опустил игрушку в широкий карман.

— Матка с нами пойдет. Шнель! Шнель! — И толкнул ногой дверь.

2

Мать не вернулась ни к вечеру, ни на следующий день, ни через неделю.

Вера обнадеживала сестренку: отпустят, ведь ничего не нашли.

Отпустят ли?.. Галя часами неподвижно сидела, уронив на стол голову, зажмурив глаза. Снова и снова вспоминала она утро, когда стало ясно, что наши войска уходят, что придется оставаться в захваченном городе.

...Галя не помнит, почему она выбежала в то утро на улицу, зачем побежала к своей школе и как оказалась у крыльца этого по-

луразбитого снарядами дома. Она только ясно видит опять красное полотнище за проемом сорванной двери...

Галя кинулась к нему, расправила тяжелое полотнище — силуэт Ильича, вышитый золотой гладью, засверкал в лучах льющегося из дверного проема солнца.

Она не раздумывала, как поступить. Она не стала даже тратить время на то, чтобы снять знамя с древка. Она схватила его и побежала домой.

Город казался мертвым. Но это только казалось. То там, то здесь поднимались углы занавесок. Люди смотрели на бегущую со знаменем в руках девочку.

Она уже вбегала в ворота, когда в конце улицы, поднимая клубы пыли, появились серые фигурки мотоциклистов. Они приближались, заполняя улицу, как мутный поток.

Враг входил в город.

3

Елизавету Васильевну выпустили через полмесяца. Галя мыла пол. Выронила тряпку из руки и, прошлепав босыми ногами по сырым половицам, притихла у матери на груди. Они долго стояли молча. Мать все щупала дрожащими пальцами мягкие волосы дочери. Потом оглядела комнату, точно попала сюда впервые. Тихо спросила:

— Где оно?

— В чулане,— подняла глаза Галя.

— Они все знают. Знают,— повторила сурово мать.— Только улик нет... А то бы не вернулась.

Галя вдруг представила себе это «а то бы не вернулась», и ей стало жутко.

— Придется его распороть.— В голосе матери что-то дрогнуло.— За Верку, за тебя страшно. Не помилуют.

Галя только теперь заметила, как изменилась мать за эти полмесяца, будто постарела на десять лет: осунулась, глаза потускнели.

— Но как же так можно, мама?! На знамени — Ленин!

Ленин... С тех пор, как Галя помнит себя, она знала Ленина. Была октябренком, октябрят ласково называли внучатами Ильича. Потом стала юным ленинцем — пионеркой.

...За окнами моросил мелкий дождь. По середине улицы прошли трое солдат — патруль. Голые акации не шелохнутся. И вдруг где-то близко раскатилась автоматная очередь. Галя вздрогнула и отпрянула от окна.

Она прошла в чулан, достала из-под сундука сверток. Помедлила, будто что-то могло измениться за этот короткий срок. Тусклый сноп света тянулся от крохотного оконца, было холодно и тоскливо.

Вернулась в комнату и рывком развернула сверток. От огненно-красного цвета полотнища в комнате вдруг посветлело.

— Я спрячу так, что они не найдут! Не найдут, мама...

Чуть брезжил рассвет, когда Вера разбудила сестренку.

Галя должна была это сделать одна: девчонка, с нее меньше спроса... Мать с вечера выстирала лучшую скатерть. В нее завернули знамя, туго перевязали бечевкой.

На дворе было еще полутемно. Галя прокралась к сараю, огляделась — никого. Юркнула в темную щель двери, ощупью отыскала лопату, которой весной вскапывала в палисаднике клумбы. Плотно утрамбованная земля не поддавалась. Галя изо всех сил налегала на лопату — спешила. Было страшно: вот распахнется вдруг дверь и немец залает отрывисто: «Хальт! Руки вверх!»

...От Баренцова до Азовского моря не затихали бои. Наши дрались за каждую пядь. А сюда, в захваченный врагом Таганрог, вести о делах на фронте доходили скупые и путаные.

Галя часто приходила в сарай, садилась в углу и думала, думала... Когда же вернутся наши?! А время шло. Наступила зима. Фашисты становились все злее, участились аресты, казни, облавы...

И вдруг на стенах домов, на заборах появились листовки. Их расклеили подпольщики. Листовки рассказывали о разгроме армии Паулюса под Сталинградом. Фронт покатился на запад...

Ночь на 30 августа Галя никогда не забудет. Целые сутки остервенело и методично били из-за моря тяжелые гаубицы; с потолков осыпалась штукатурка, со звоном лопались оконные стекла.

Отсиживались в подвале. Тускло, неровным светом чадила коптилка, и по сырым стенам ползали лохматые тени. Свернувшись калачиком на старом материнском пальто, Галя забылась тревожным сном.

Проснулась она от наступившей вдруг тишины: пальба замолкла, и стало слышно, как звонко, с веселыми всплесками падают где-то капли воды.

В уголке дремала Вера, уронив на колени русую голову. Галя притронулась к ее теплой руке:

— Слышишь? Тихо...

Они вышли во двор. Птицы щебетали в акациях. За воротами было пусто, покойно.

— Немцы ушли! — закричала Вера и бросилась целовать сестру.— Ушли! Ушли!

Галя стояла растерянная, опустив руки. Почти два года ждала она этой минуты, и все-таки она пришла неожиданно, трудно было сразу поверить в такую радость...

— Что ты, глупая? — Вера вытирала ладонью мокрые щеки сестры.— Ну, что ты?

И вдруг показались советские танки. Они двигались не со станции Марцево, откуда их ждали, а со стороны моря.

Галя опрометью влетела во двор, распахнула дверцу сарая. Куда-то запропастилась лопата, нечем было копать. Вместе с Верой она стала разрывать землю руками. Выхватила сверток, рванула полуистлевшую бечевку — алое полотнище вдруг развернулось, затрепетав в руке, точно живое.

Вера оторвала от стены узкую доску; торопясь, они прикрепили к ней знамя.

Галя выбежала на улицу. Танки, громыхая стальными гусеницами, проходили по их улице. Обгоняя колонну, нарастал, ширился гул людских голосов: веселых возгласов, счастливого плача.

И вдруг на миг все замолкло: истомленные долгой неволей люди увидели в руках худенькой девочки красное знамя. Поднятое высоко над толпой, оно трепетало на ветру, и ярко выделялся на алом полотнище вышитый золотом силуэт Ленина.

А боевые машины все шли и шли. И танкисты, стоявшие в открытых люках, отдавали честь красному стягу.

* * *

Прошли годы. Залечены раны войны.

Галина Васильевна Рябинина выбрала самую мирную из существующих на земле профессий: она окончила педагогическое училище и работает воспитательницей в детском саду...

Галина Васильевна Рябинина со своей группой в детском саду.

Маленький великан

Анатолий МОШКОВСКИЙ

Рисунки П. Павлинова.

Из стада отец вернулся молчаливый и расстроенный. Не умывшись у рукомойника, он сел к низкому столику и сразу принялся за еду. Мяса он ел мало, больше пил чай. Ни жена, ни маленький Сейко ничего не спрашивали у него. Когда отец громко ставил на стол стакан, жена торопливо брала с печки закопченный чайник и наливала. Одним глазом она все время следила за отцовским стаканом, и только он пустел, бросалась к чайнику, даже из другого конца чума. Так уж было заведено: если хозяйка в чуме, она и наливает чай, и режет хлеб, и ставит миску с мясом.

Отец торопился: пока Сейко, обжигаясь и морщась, успевал выпить один стакан, отец выпивал целых три. Мальчик заглядывал ему в глаза, просительно хмурил бровки, доверчиво улыбался: авось, отец сжалится, перестанет молчать и расскажет, что случилось. Но как он ни открывал вопросительно рот, как ни ерзал нетерпеливо на скамеечке, — все было напрасно. Он словно не существовал для отца. И как это обидно: у отца всегда свои, взрослые заботы и огорчения, он, маленький мальчик Сейко, не имеет к ним доступа!

Наконец чаепитие кончилось, отец отставил в сторону стакан и быстро встал.

— Шей щитки,— сказал он глухо.— Пурга идет.

Брови Сейко полезли на лоб. Так вот в чем дело: пурга! В стаде начинался отел. И в ясные дни бывают утраты, а что уж говорить про отел в пургу! Мальчик знал, что пастухи долго искали для отела удобное место и нашли широкую и ровную долину, укрытую от северных ветров подковой невысокого хребта, — только что родившиеся телята не должны простыть на ледяном ветру ранней весны. Снег быстро сходил, ручьи наперегонки скатывались с сопок, тундра стала бурой, топкой, пестрея белыми пятнами уцелевшего снега, и тут — на̀ тебе — пурга...

— Срочно шей,— повторил отец и вышел наружу.

Женщины других чумов тоже побросали свою работу и принялись резать на куски брезент и шить в них гнезда для колышков. Щитки были большие: полметра на полтора. Сейко пытался помочь матери отрезать большими ножницами брезент, но мать сказала, что он только мешает, и мальчик, в сердцах бросив ножницы, вышел из чума.

Стадо было неподалеку. Оно паслось в долине, все время передвигаясь, собираясь в кучки и растягиваясь, поедая на ходу

низкий сизоватый ягель. Оно и не догадывалось, что из-за горизонта стремительно вырастает огромная белая туча, широкая и косматая, полная снега, ветра и стужи, и Сейко понял состояние отца и сразу простил ему все.

Ветер между тем уже давал о себе знать: он резкими порывами дул откуда-то из-под тучи, рвал на нем малицу, пробирал насквозь, и мальчик поневоле отворачивался от его ледяных ударов.

Из стада приехал дежурный пастух. Он подошел к отцу и показал на снежную тучу:

— Видал?

— А что я, слепой? Это каждый увидит.

— Неспокойное будет у тебя дежурство.

— Ну, слезай с нарт, — неласково сказал отец, — некогда мне тут с тобой язык чесать! — И, увидев сына, крикнул: — Сейко, беги за щитками!

Мальчик побежал по чумам. Он охапками выносил готовые брезентовые щитки и укладывал на нарты.

Снежная туча неуклонно росла, приближалась, и уже первые снежинки запорхали в воздухе. С каждой минутой они сыпались все чаще, слипались, и вот уже снег повалил крупными хлопьями. Отец ударил хореем быков, вскочил на нарты и понесся в белую снежную мглу, мгновенно застлавшую тундру.

Отъехав с километр от стойбища, он обернулся и вдруг увидел на задке Сейко. Он сидел на нартах, свернувшись калачиком, его сильно занес снег, и он напоминал маленький белый сугроб. Пастух не поверил своим глазам. Не хватало еще! Кто его звал? И без него хлопот не оберешься!

Пастух хотел уже хорошенько хлестнуть сына вожжой, чтоб не лез куда не следует, но скрипнул зубами и сдержался. Но зато здорово досталось из-за Сейко быкам: отец больно ткнул их хореем, и они ошалело поскакали галопом по припорошенной снегом земле. «А впрочем, бог с ним, с Сейко, — думал отец, — увязался поехать — ну и пусть едет. Хуже было б, если бы его и хореем не выгнать в такую погоду от печки. Пусть сидит, пусть смолоду привыкает, приглядывается. Как-никак, завтрашний оленевод...»

В стаде, куда они скоро приехали, многие важенки уже отелились, и на земле возле них лежали крошечные темные оленята. С восторженным изумлением и жалостью смотрел на них Сейко. Одни из них пробовали встать и подымались на свои непрочные, до смешного длинные и тонкие ножки. Чтоб устойчивей держаться, оленята расставляли их пошире. Они учились ходить, путали ноги и еще не знали, какую ставить и какую поднимать первой — левую или правую, заднюю или переднюю. Они ведь никогда еще не ходили по земле, но учились это делать невероятно быстро и толково. Куда до них человеку!

Важенки облизывали новорожденных широкими шершавыми языками, и шерсть на телятах слипалась, лоснилась, блестела. В огромных удивленных глазах впервые в их жизни отражались туманное тундровое солнце, далекое и холодное, падающий снег и бурые пятна болот и торфяников.

Туча уже стояла почти над головой. Из нее вовсю валил густой мокрый снег. Но туча не таяла, не уменьшалась: видно, снегу в ней было много. Ветер косо нес его над землей, сек щеки, мешал дышать, и важенки едва успевали стряхивать его со спин. Одновременно им приходилось слизывать хлопья со своих несмышленых малышей.

Ветер дул все сильней и порывистей, снег валил все обильней, и теперь уже вокруг почти исчезли темные пятна, и даже болотная вода не успевала пропитывать все нарастающий слой снега. Казалось, второй раз за год бесповоротно возвращалась в тундру зима.

Отец спрыгнул с нарт, снял щиток с колышками и воткнул с наветренной стороны возле лежащего теленка. Важенка не проявила особой заботы о нем, теленка заносила пурга, и поставленный щиток спасал его от снега и ветра. Отец с Сейко медленно двигались через разбредшееся стадо и ставили все новые и новые щитки. Скоро они кончились, и отец сказал:

— Съезди-ка за другими. И постели не забудь. Подстилать будем, а то померзнут.

Он остался среди новорожденных, а Сейко мгновенно повернул быков и, стараясь не беспокоить пасущихся оленей, помчался в стойбище. Подлетев к своему чуму, он быстро привязал быков и вскочил в чум.

— Мамка, давай новые! — нетерпеливо крикнул он. — А еще постели нужны.

Сейко побывал и в других чумах, забрал готовые щитки и постели, погрузил их на нарты, поспешно привязал и, захватив для помощи еще одного пастуха, галопом помчался назад. Ветер усилился. Он крутил снежные вихри, как пеной, обдавал Сейко, и временами мальчик не видел своих ездовых быков и не знал, куда едет: вокруг белым-бело.

— Чего так долго? — сердито встретил его отец.

Стало смеркаться. Ударил морозец. Сейко было холодно и знобко. Меховая малица и маличные рукавицы не спасали, и он горячим дыханием обогревал руки и щеки. Даже работа мало грела его, хотя он все время носился со щитками по стаду, подстилал под слабых телят бо́льшие куски оленьих шкур. Телята, не привыкшие еще к тундровому холоду, дрожали от ветра и снега, ежились, жалобно хоркали, но, как только перед ними на трех колышках вырастал плотный брезентовый щиток, смотрели на мальчика большими благодарными глазами.

Отец с пастухом, помощником бригадира, работал в другом конце стада, и Сейко оставался один. Он, как велел отец, заставлял вставать и отряхиваться от снега лежавших телят. Уже было почти темно, а он бегал от одного белого бугорка к другому, трогал их рукой, и оленята, полузанесенные снегом и полузамерзшие, нехотя приподнимались на слабые ножки и больше не ложились. Иногда мальчик долго трогал рукой белый бугорок, но он никак не хотел двигаться. Сейко толкал его сильнее — бесполезно, и проходило несколько минут, прежде чем он догадывался, что это заметенная пургой кочка, и тогда мальчик тихонько смеялся про себя.

Сейко очень устал, работы у него было по горло: нельзя было пропустить ни одного замерзающего теленка. Опустилась ночь. Снег продолжал валить. Он отсвечивал и позволял видеть вокруг метров на десять. Стадо растянулось по долине, но пастухи не пускали его слишком далеко. Иногда менялся ветер и дул со стороны стойбища, и тогда до слуха Сейко долетал лай собак: во время отела их обычно привязывают и не берут в стадо: важенкам и телятам нужен полный покой.

К ночи снегопад прекратился, ветер приутих, но отел продолжался. Ноги у Сейко подкашивались от усталости, нижняя рубаха пристала к телу, коленки тяжело ныли, и он сам, как маленький новорожденный олененок, спотыкался, едва волочил и путал ноги, точно не ступал ими уже добрых четыре года по кочковатой тундровой земле. Это заметил и отец, часа через два подъехавший на упряжке к мальчику.

— Да ты и сам что теленок, — сказал он.— Не поставить ли и перед тобой щиток?

— Поставить, — сказал Сейко и устало улыбнулся.

В словах отца он почувствовал не только жалость и заметно приободрился. И снова Сейко волочил ноги от одного олененка к другому, трогал рукой их мягкую, теплую шерсть, дружески, а может, и чуточку снисходительно — ведь он-таки намного старше их! —похлопывал по спинкам, приказывал вставать, не грустить и, чтобы не замерзнуть, побольше шевелиться.

Стадо медленно двигалось по долине, отелившиеся важенки с телятами отставали, и пастухи осаживали стадо, чтобы разрыв не увеличивался. Над тундрой зажглись звезды. Они были не по-весеннему студеные и маленькие: точно привыкшие видеть в тундре весну, они вдруг увидели зиму и зажмурились от такой белизны, съежились от холода.

А внизу, под ними, в темноте тундры, затерялись три желтых огонька: это светились оконца чумов. И Сейко знал: крайний огонек, колеблющийся и неяркий, — огонек его чума. Видно, опять коптит лампа, хотя мама то и дело подрезает кромку фитиля ножницами. Эх, скорее бы попасть в чум, к раскаленной печке, на которой, наверное, греется сейчас чайник! Он видел в темноте этот крошечный уютный огонек, и ему стало как-то теплее. Потом огонек погас: мама легла спать. Измоталась за день, утомилась, пусть хорошенько отдохнет, пока они тут возятся с телятами...

Левый тобок у Сейко стал протекать. Он почувствовал голод и легкую тошноту, но ни слова не сказал отцу. Ведь отец-то не звал его в стадо, он поехал самовольно, а теперь хныкать?

Скоро мальчик пересилил усталость, и работать стало легче, но длилось это недолго.

Утром, когда из стойбища приехали два сменных пастуха и они с отцом двинулись к чуму, Сейко незаметно для себя уснул и проснулся только тогда, когда упряжка остановилась.

В чуме их ждали большая миска вареной оленины, вскипевший чайник и доброе дремотное тепло. Отец с сыном быстро сбросили малицы, весело фыркая и покряхтывая, помылись из рукомойника — остатки сна сразу смыло струями воды в таз,— насухо вытерлись мохнатым полотенцем и сели за столик, покрытый синей в белых снежинках клеенкой.

— Ох, и поработали ж! — сказал отец, довольно потирая красные от холодной воды руки. — Ну и денек!

— Ничего, — бросил Сейко.

Сейко заставлял лежащих телят вставать и отряхиваться от снега.

Он страшно хотел есть и, казалось, один бы запросто управился с целым оленем. Обычно Сейко первым хватал на лету жирный кусок оленины из миски, которую мать подносила к столу. Но сегодня как-то неловко было вскакивать с места, тянуться через стол и хватать мясо, будто оно убежит от него и нельзя покушать спокойно и деловито. Мальчик сдержал себя и терпеливо дождался, когда миска очутилась на столе. Он даже дотерпел, беспрерывно глотая слюну, когда первый кусок наколол на вилку отец, и только после этого неспешно потянулся своей вилкой к миске. И не взвизгнул, как обычно, не захохотал.

Как-то стыдно и неуместно было бы после такой долгой, утомительной ночи, после этой пурги и ветра ни с того ни с сего визжать и дурачиться за столом.

— Папа, а утраты будут? — спросил он.

— Не должны. Но в такую пургу все может быть.

— Хорошо, что хоть снег кончился.

— Неплохо, — согласился отец. — Тем, кто родится сегодня, будет лучше.

— И тундра не покажется им такой страшной.

— Ну да...

Вначале мальчик ел мясо, ел много и основательно, но все-таки не досыта, потому что вдруг вспомнил давний совет отца старшим братьям — сейчас они учились в школе-интернате — не наедаться до отвала: у рабочего человека всегда должно оставаться внутри свободное местечко, с ним и ходить не так тяжело, и оленей ловить легче, и больше тянет шутку придумать. А объевшийся человек — больной человек, что с него возьмешь: сам себя едва на ногах держит и думает, как бы скорее бухнуться на постель.

И Сейко было очень приятно остановиться и оставить на дне миски несколько кусков оленины.

Потом он помешивал ложечкой чай, поглядывал на плавающие в нем чаинки, едва заметные на темно-буром фоне, и чувствовал: да, он мальчик, но в чем-то очень схож с отцом, и отец это понимает и, как равному, глядит ему прямо в глаза, улыбается, шутит. Нет, все-таки он, Сейко, не такой уж маленький мальчик. Мальчики живут в соседних чумах — Ванька и Егорка с Титом: им бы целыми днями кувыркаться через голову и выть волчьими голосами, пугая девчонок. А он великан, огромный и всемогущий, руки его налились силой, глаза — зоркостью, сухожилия упруги, как кость, а кость тверда, как железо, и ничего на свете ему не страшно теперь. Радость распирала ему грудь, неожиданная спокойная радость вдосталь поработавшего человека.

А потом он ничего не помнил. Мать унесла его, этого маленького великана Сейко, уснувшего прямо за столом, унесла на оленьи шкуры, аккуратно прикрыла, и он проспал до вечера, и ни говор входивших и выходивших из чума мужчин, ни лай собак — ничто не могло разбудить его.

Лебединое крыло

Все было, как в настоящем стаде: одни мальчишки — пастухи,— как угорелые, бегали с ременными тынзеями; другие, изображавшие оленей, хоркали, прыгали, метались из стороны в сторону, увертываясь от летящих на них арканов. Пастухи же хитрили: бежали наперерез оленям, пугали их криками и метко бросали тынзеи. Так ведут себя и настоящие оленеводы, когда им нужно поймать в стаде ездовых быков для нарт.

И вдруг в этой мешанине и суматохе раздался крик Женьки Канюкова:

— Упряжка!

И тотчас ребята забыли, кто из них пастух, кто олень. Женька показывал рукой на гребень зеленого холма; по нему бежала пятерка серых, впряженных в нарты оленей.

— Плохо бегут, — сказал мальчишка с царапиной на носу. — Или быки устали, или груз большой.

Скоро все увидели на нартах две фигурки. Собаки с лаем бросились навстречу упряжке. Вот упряжка обогнула озерцо, скрылась в лощинке, вынырнула, и олени вынесли нарты к самым чумам. Ребята окружили их, замолкли, разглядывая нового человека.

— Чего вытаращились? — сказал, слезая с нарт, пастух дядя Ипат.— Товарища вам привез, чтоб не скучали.

— А нам и не скучно, — заявил мальчишка с косой царапиной на носу.

— Заткнись! — Женька замахнулся свернутым в моток тынзеем.

Небольшой человек, сидевший на нартах с пастухом, сдвинул с головы сюму — капюшон малицы,— и на ребят глянула краснощекая девчоночья мордашка с бойкими черными глазками. Девчонка поправила на затылке темные косички с синими бантиками и вздохнула.

— Голова прямо разболелась, — сказала она тоненьким голоском. — Как по морю.

Женька заинтересовался:

— А ты что, по морю плавала?

— Плавала, — сказала девчонка. — Из Архангельска в Нарьян-Мар на «Юшаре». Как ударит волна, как качнет, как подбросит вверх, а потом вниз — голова кружится и болит. А здесь вместо волн — кочки. — Девчонка тронула пальцами лоб.

— Это называется «морская болезнь»,— сказал Женька. — Я читал. А тебя звать-то как?

— Лена.

— А я Женька,— сказал он, протягивая руку.

— А я Женька,— сказал он, протягивая ей руку, как это делают взрослые, знакомясь.

Мальчишки почему-то громко захохотали, а Женька покраснел, как мак, и запнулся. И чтоб приятели не заметили смущения, он засыпал ее вопросами:

— Ты городская?

— Да,— почему-то грустно сказала Лена.

— И в тундре не была?

— Нет.

— И в чумах не жила?

— Не жила.

— А еще ненка! — засмеялся мальчишка с поцарапанным носом.

Женька уже хотел дать ему подзатыльник, но девчонка не обиделась, и все обошлось по-хорошему.

— Я в городе родилась, откуда же мне жить в чуме?

— В чуму,— поправил поцарапанный нос.

— Ой, сколько тут цветов! — вдруг вскрикнула Лена, оглянувшись, бросилась к небольшой лужайке, опустилась на колени и стала быстро рвать лиловые колокольчики и белые ромашки в букет. Их было много, и она все ползала на коленках и рвала. Собрав в пять минут целую охапку, она встала, окунула в них лицо — оно сразу заблестело от росы — и засмеялась.

Женьке почему-то стало досадно.

— Ну разве это цветы? — сказал он.— Остатки одни. Вот приехала бы весной — посмотреть больно.

— Правда? — удивилась она.

— А то вру, что ли!

Девчонка поровней уложила в букете цветы.

— А какое тут у вас небо! — неожиданно сказала она, закинув голову.

Небо было самое обыкновенное, и Женьке хотелось узнать ее мнение об их небе.

— Какое? — спросил он.

— Синее-синее! У нас такого не бывает.

— Ну, вот еще!

— Честное слово! Как стеклышко. Ясное очень. А я думала, оно везде такое, как у нас.

Женька почесал затылок.

— А сколько тут озер! Едешь, а они смотрят на тебя, как глаза, огромные глаза великана. Добрые такие и очень смелые.

Ни разу еще не попадались Женьке такие девчонки. В стойбище их было пятеро. Они качали люльки, подвешенные на ремнях к шестам, бегали за хворостом, носили с озера ведра с водой, шили пимы и паницы. Это были свои, привычные девчонки, и он просто не замечал их, а эта Ленка была какая-то странная и непохожая на всех. И небо для нее особое, и обычные озера кажутся великанскими глазами. А на цветы как налетела! Точно первый раз в жизни видит. И глаза у нее вырезаны как-то мечтательно и грустно, и они очень ясные и доверчивые: наверное, она никого еще не обманывала...

В это время из чума вышла жена Ипата и сразу увела Ленку в чум, и Женька даже не успел спросить, надолго ли приехала она сюда, в каком учится классе, страшно ли ехать по морю и что едет быстрей — оленья упряжка или пароход...

Вдруг его крепко дернуло, и он чуть не упал. Тугая петля тынзея захлестнулась на его груди. Он взвился на дыбы, захоркал по-оленьи и понесся в тундру: охота продолжалась. Женька играл и время от времени оглядывался на чум дяди Ипата: не выйдет ли из чума Ленка, не захочет ли поиграть в их любимую мальчишечью игру?

Другие девчонки вечно строят из палочек крошечные чумики, покрывают их кусочками шкурок, а внутри постилают меховые постели и укладывают тряпичных кукол, и их никаким криком не докличешься поиграть в олени и пастухи. А Ленка должна согласиться: она ведь не такая, как другие...

Но она не выходила из чума. Несколько раз Женька нарочно пробежал возле самого ее чума и даже остановился, сделав вид, что потерял что-то. Из чума донесся Ленкин смех, легкий перезвон ложечек о стаканы — чай пьют, говор дяди Ипата, и мальчишка еще раз пожалел, что она все сидит в чуме. Он даже легонько рассердился на нее за это.

Ночью Женьке приснился шторм: по клокочущему морю плывет пароход, его швыряет с волны на волну, все пассажиры попрятались внутрь, а Ленка пляшет на палубе. И чем сильней она пляшет, тем резче кренится пароход, и, очевидно, он потонул бы, если б не настало утро и Женька не проснулся бы...

Женька пил чай и думал, что хорошо бы ее расспросить про атомный ледокол «Ленин», который недавно спустили на воду, — она, наверное, знает. Но как увидеть ее? Почему она упорно сидит в чуме? Или она выходит тогда, когда он сидит в своем? Тысячи раз бывал Женька в жилище дяди Ипата, ничего не стоило сунуть туда голову и сейчас, но все же было как-то неловко: подумаешь, приехала из города девчонка, а он уже и бежит к ней! Почему-то вчера он так запросто познакомился и говорил с ней, а сегодня, после всех этих мыслей и сна, в котором она отчаянно плясала на палубе кренящегося парохода, было как-то неловко и стыдно.

И даже когда приятель Ванька чуть не силой потащил его в Ленкин чум, чтоб узнать, не привезла ли она из города интересные книги, Женька заупрямился, как необъезженный олень:

— А чего я там не видел?.. Не нужна мне книжка...

И он не пошел. Он вернулся в свой чум, задумчивый и недовольный собой и всем на свете, лег на шкуры, которые мать еще не успела скатать, смотрел в синее отверстие — макодан — над головой и долго-долго думал. Потом мать гоняла его за водой, и Женька послушно бегал, и снова валился на шкуры, и смотрел на круглый клочок неба, и думал. Затем взял «Библиотечку оленевода», книжечку с одной обложкой и четырьмя отдельными вставными брошюрками, и стал машинально листать ее. И вдруг он чуть не подскочил.

— Ты чего в чуме все? — раздался знакомый голос.

Женька страшно смутился.

На Ленке уже была не малица, а короткое черное платьице и синяя кофточка, и только на ногах оставались рыжие оленьи пимы.

— А ты чего?

— Я вот пришла... Знаешь, давай будем дружить.

У Женьки сильно забилось сердце, и он уже хотел тут же выпалить: давай, конечно, давай! Но он не выпалил, а помедлил и довольно равнодушно протянул:

— Хо-ро-шо... будем...

Глаза ее приветливо заблестели.

Увидев над головой длинную коричневую полоску, сушившуюся на веревке, Ленка от любопытства приоткрыла рот.

Женька сразу почувствовал облегчение: тут-то он может блеснуть! И он со всеми подробностями стал рассказывать, что с хребта убитого оленя сдирается одна такая лента сухожилий: с большого — длинная и широкая, с маленького — короткая и узкая. Она долго сушится на воздухе, потом

разрывается на отдельные жильные ниточки, и ими шьют обувь и одежду, шкуры, покрывающие чум, сумки и различные изделия из кожи. И в подтверждение своих слов Женька сорвал с веревки высохшую и покоробленную ленту, отделил ногтем от края одно волоконце, потянул, взял один конец в зубы, другой покрутил в пальцах и показал девчонке тонкую коричневую ниточку.

— Этим и мои пимы сшиты? — Она топнула ногой по деревянным половицам — латам.

— Ну да.

В ее узких глазах заиграло веселье.

— Серьезно? Из таких тонких?

Женька протянул ей нитку.

— На, разорви.

— Пожалуйста. Считай до трех. — Она намотала на пальцы рук жилку, закусила губу и, когда Женька сказал «Три!», дернула. Нитка не порвалась. Тогда Ленка стиснула зубы, дернула сильнее и сморщилась от боли: тонкая нитка чуть не до крови разрезала пальцы.

Женька похохатывал и ерзал от удовольствия на латах, но Ленка так легко не сдавалась. Минут пять еще рвала она, дергала, тянула эту скользкую нитку. На висках ее взбухла тоненькая синяя жилка, лоб повлажнел, она кривила и морщила губы, сопела, закрывала от натуги глаза, но все было бесполезно. Тогда Ленка протянула ему нитку.

— Ничего, — сказала она и вздохнула. — Крепкая.

— То-то.

В чум вошла мать. Она сунула в дверцу железной печки ворох хвороста, подожгла и принялась большим и грязным птичьим крылом подметать латы. Женька заметил, что девчонка пристально смотрит на крыло и брови ее странно вздрагивают, точно она усиленно думает о чем-то. Женька удивился: ну что Ленка нашла в нем? Грязное, обтрепанное, почерневшее от копоти, это крыло давно валялось у печки, и на него лишь тогда обращали внимание, когда нужно было вымести в чуме.

Как только мать вышла, девчонка схватила крыло и стала ощупывать и рассматривать его.

— Чье?

— Лебедя... Отец убил на озере. Мясо съели, а крылом вот подметаем...

Ленка как-то странно посмотрела на Женьку.

Потом она расправила крыло, и оно,

Ленка расправила крыло, и оно неожиданно оказалось огромным...

жалкое, с истертыми краями, похожее на тряпку, неожиданно оказалось огромным белоснежным упругим крылом, и даже потертые краешки перьев не портили его. Женька сразу вспомнил живых лебедей, когда, распуганные, они поднимаются с озера и, загребая воздух могучими, тугими крыльями, поднимаются вверх и уносятся вдаль. Никогда еще, видя это одинокое, потемневшее от пыли и грязи крыло, Женька не представлял живого сильного лебедя, которому оно когда-то принадлежало.

— И вот он летит! — воскликнула Ленка, приставила расправленное крыло к плечу, замахала им и пробежала по латам, обдавая мальчишку свежим ветром.

Он тихонько засмеялся. Нет, с ней не было скучно, с этой любопытной девчонкой из города! С ней просто замечательно было Женьке: ведь все вокруг, такое обыкновенное и привычное, вдруг становилось другим!

Она ушла к себе, а он валялся на свернутой постели, и, как веер, распускал лебединое крыло, и думал, что оно и вправду очень красиво и как не замечал он этого раньше. Потом Женька выбрался из чума.

Ромашки и колокольчики, унизанные росой, бросились ему в глаза и обдали тонким, чуть слышным запахом. Небо над стойбищем было удивительно высокое, прозрачное, и на него, не отрываясь, можно было смотреть часами. А озера? Они слепили его чистой и острой синевой и смотрели своими доверчивыми и ясными глазами...

И как не видел он всего этого раньше? Что с ним случилось? Почему так изменились тундра, небо, озера и даже это обшарпанное, валявшееся у печки крыло?

Часа три бродил Женька за стойбищем, трогал цветки и травинки, брал на зуб узкие листики полярной ивы и подолгу смотрел на бегущую, плетеную, как тынзей, струйку ручейка, с журчанием падавшую в маленькое озерцо. Мать, к счастью, никуда не гоняла его, и мальчишки не звали играть. Ему приятно было одному побродить по тундре, послушать тишину утра, постоять, подумать, ощутить лицом дуновение прохладного ветра...

Перед обедом Женька опять столкнулся с девчонкой.

— Пошли купаться, — вдруг предложила она.

Женька покраснел и пожал плечами.

— Что, не можешь?

— Не могу.— Голос его прозвучал както жалобно.

— А я, знаешь, хочу искупаться. Ох, как хочу!

— Ну хорошо, сейчас я позову ребят, — с готовностью сказал Женька, и скоро трое мальчишек и две девчонки шли к дальнему Утиному озеру, озеру с удобным песчаным дном.

День был теплый, солнечный, и вода в озере хорошо прогрелась, и все-таки Ленка взвизгнула от холода, когда прыгнула в озеро. Она плыла, высоко закидывая руки, и вода, расходясь в стороны, покачивала осоку. Никто из ребят плавать не мог: в тундре как-то не принято купаться, и поэтому все пришли посмотреть, как это можно по доброй воле влезать в воду да еще плавать.

Впрочем, плавала Ленка недолго. Она выскочила на берег вся посиневшая, кожа на руках и ногах ее покрылась маленькими пупырышками, и зуб не попадал на зуб. Она замахала руками, запрыгала по песку, потом торопливо отжала трусики, хохоча и напевая что-то, вприпрыжку пробежала по берегу и поспешно натянула на мокрое тело платье, которое никак не хотело надеваться, и приходилось силой расправлять каждую складку.

— Ну как, холодно? — спросил Женька.

— Очень, — призналась девчонка.

— Тогда мы поиграем в пастухи и олени — сразу согреешься.

— Можно, — согласилась Ленка.

Они вернулись в стойбище. Женька дал ей тынзей и объяснил, как надо бросать: один моток держишь в руке, второй, с особой косточкой, через которую пропущена петля, бросаешь; когда петля накроет жертву, нужно быстро дернуть к себе, чтоб захлестнуть петлю.

— Ну, я буду оленем, а ты — пастухом. Бросай! — И Женька побежал от нее.

Ленка швырнула тынзей, ударила мальчишку в спину, и ремень, раскрутившись только наполовину, упал на землю.

— Не так бросаешь! — крикнул мальчик, помогая ей сматывать тынзей.— Бросать надо чуть вперед, а не назад... Ну, давай! — И он опять помчал от нее.

Теперь тынзей перелетел через него и упал справа от мальчишки.

— Целиться надо, раззява! — с досадой крикнул Женька.

— Не получается у меня, и все!

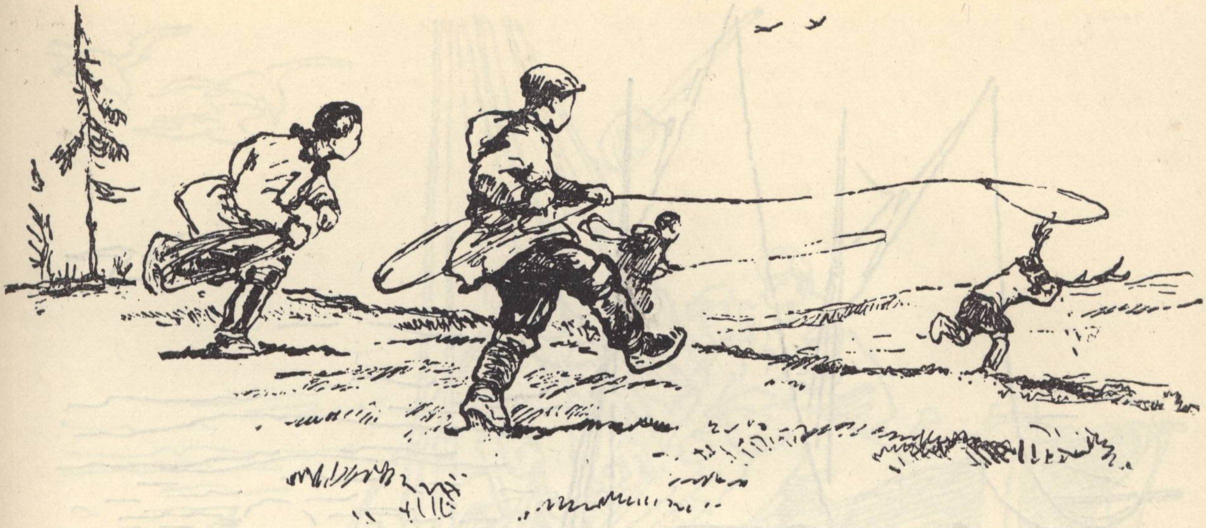
— А ты думаешь, мы сразу так и научились? А бригадир наш, рекордсмен колхоза по метанию тынзея, думаешь, сразу получил приз? Вот с такого возраста учился. — Женька отмерил вершок от земли. — Ясно?

Раз пять бросала она тынзей, и все неудачно.

— Я такая бестолковая, — сказала Ленка со слезой в голосе. — Давай уж лучше я буду оленем...

Олень из Ленки получился отличный. Она приставила к голове высокие ветвистые рога, сброшенные зимой важенкой, подпрыгнула по-оленьи и во весь опор полетела по тундре, перепрыгивая кочки и канавки, и не каждый олень, верно, обогнал бы ее. За Ленкой бросились сразу три пастуха: двое сзади и один наперерез — Женька. Вот он стремительно бросил тынзей. Заслышав свист, Ленка метнулась в сторону. Опять свист. Она ринулась в другую сторону, и петля скользнула по ее плечу. И вновь вверху мелькнула тень — девчонка взлетела на дыбы, но было поздно: толчок — и рога над головой рвануло в сторону, и мальчишка с поцарапанным носом потащил ее к себе, перебирая в руках туго натянутый тынзей. Тут же ее заарканил за плечи и Женька

— А ну, уходи! — заорал на него маль-

Заслышав свист петли, Ленка метнулась в сторону...

чишка. — Я первый поймал ее, на лету поймал, а сейчас и твой годовалый Васек справится.

— Ну, ты... потише! Видали мы таких! — процедил сквозь зубы Женька, выпутывая девчонку из петли, и вдруг улыбнулся и похлопал ее по плечу. — А олень ты хороший: ноги быстрые и рога красивые... Ветер, а не олень!

— Ну?! — обрадовалась Ленка.

— Точно. — Женька немного помолчал, потом спросил: — Согрелась?

— Еще как! — засмеялась девчонка. — Бежим опять купаться.

И олени с пастухами поскакали к озеру.

Так Ленка стала жить в стойбище. Она ездила с дядей Ипатом в стадо, прихлопывала в знойные дни деревянной лопаточкой оводов, которые беспокоили оленей, участвовала в ребячьей экспедиции по поиску волчьих нор. Незаметно летели дни, и вот однажды она сказала ребятам:

— Ну, мне пора. Уезжаю.

И через полчаса дядя Ипат повез ее на нартах к Печоре, откуда она должна была на пароходе уехать в свой город. Она опять была в малице и долго махала ребятам рукой, махала до тех пор, пока упряжка не скрылась за сопкой.

Женька смотрел на голую, опустевшую сопку и думал, что уехала она совсем напрасно. Жила бы здесь всегда...

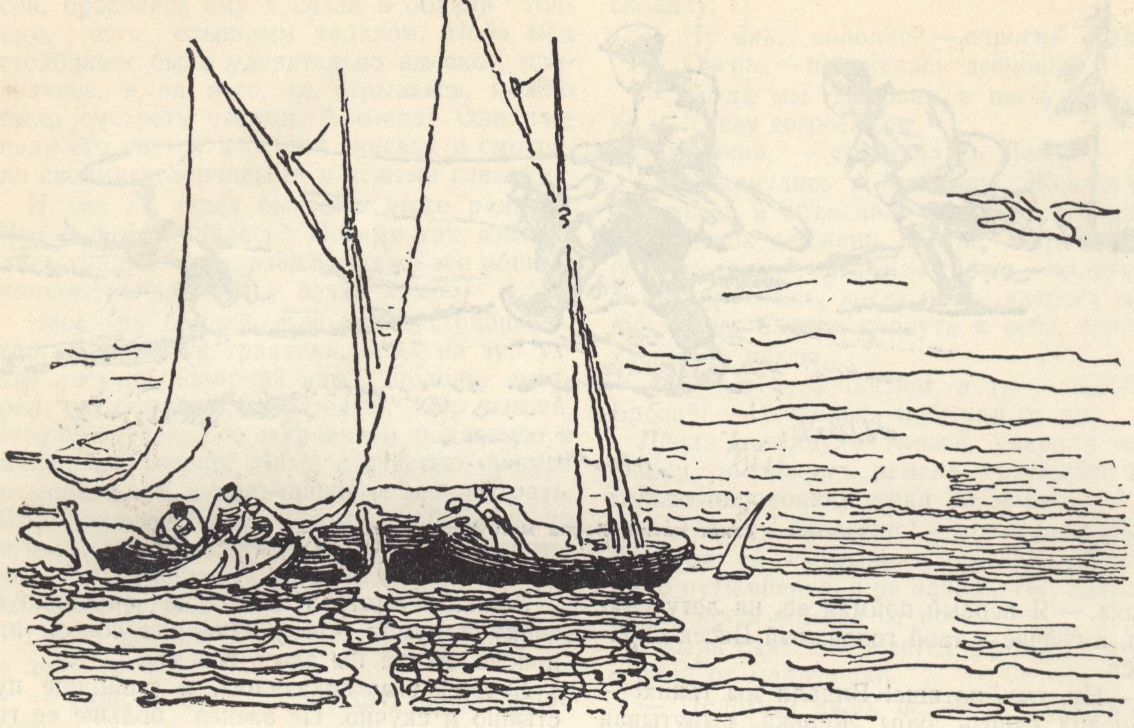
Утром ему показалось в стойбище пустынно и скучно. Не звенел больше ее голос, не раздавался ее смех и визг. Женька нигде не мог найти места. Оленина не казалась ему такой вкусной, чай — таким сладким. Он ел, пил и думал о другом. Мальчишка с поцарапанным носом встретил его горестным взглядом и, ковыряя ножом землю, спросил:

— Ты что?

— Ничего, — ответил Женька. — А ты что?

— И я ничего, — ответил поцарапанный нос и протяжно вздохнул.

Шли дни, и острота грусти стала сглаживаться и забываться, острота грусти по девчонке, которая ныряла в ледяном озере, ездила в шторм на пароходе, увидела в грязных, истрепанных перьях белоснежное лебединое крыло, была плохим пастухом, но отличным оленем. Уехала она. Уехала. Но после себя оставила она Женьке пахучие тундровые цветы, ликующе-синее звонкое небо над стойбищем и глубокие, задумчивые глаза озер — красоту и величие мира.

Баллада о рыбном промысле

Фазиль ИСКАНДЕР

Рисунки Н. Цейтлина

Ровно в четыре часа поутру, ровно в четыре часа,
Поворачиваясь, уходят пристань, берег, коса.
Белые вороны моря — чайки, крылами стуча,
С поджатыми красными лапками проносятся мимо, крича.
Пенится, колобродит, в страхе бежит от винта
Вывернутая изнанкой сиреневая вода.

Ноги поджав, как Будда, сидит на руле старик.
Крутая, крепкая шея, зубы, усы, башлык.
Сидит на руле не старый, совсем молодой старик,
Старухой, баркасом и морем командовать он привык.
Хитрый старик! Без улова он не приходит домой.
Не то чтобы приворот-слово,— с морем язык другой!
Он понял его коварство, рыб и ветров секрет,
И море, как государство, платит за выслугу лет...

Мы сачками работаем, выгребаем груз
Белесого тряского стада набухших водой медуз.
Чтоб сети не оборвало, рывками гребем и гребем,
Медуз водяное сало мы выгребаем с трудом,
Как будто бы роем море сачками вместо лопат,
Чтоб вырыть из ямины моря прохладный серебряный клад.

Пружиня широкие шеи, мерцающие, как медь,
Упругими перехватами двое выводят сеть.
Стойте! Забулькало море. Круги над водою. Кипит.
Рыба заговорила! Рыбина говорит!

Выныривает с наклонцем набитая рыбой гроздь.
По рыбам ударило солнце и отскочило вкось!
Сыплется, сыплется рыба! Падает на баркас!
Бьется о дно, куражит, шаманит, пускается в пляс!
Чует орда сырая неотвратимый конец.
Глухо стучат, замирая, тысячи рыбьих сердец!
Горбыль на сетях огромный с травою на плавнике,
Как будто бы дачник сонный запутался в гамаке.
Крàпчата барабулька, небесам удивлен карась!
Ставрида и пеламида лежат, судьбе покорясь.

Мы рыбу перебираем, сидим, как над грудой монет,
Чеканку с чеканкой сверяем, иную глядим на свет.
Водою соленой окачены, прощиты пóтом стократ,
Как будто морозом схвачены, рубахи и робы трещат.
Однако же баста! Довольно! Пора подкрепиться. Пора!
Мы досыта наработались. Мы голодны с утра.

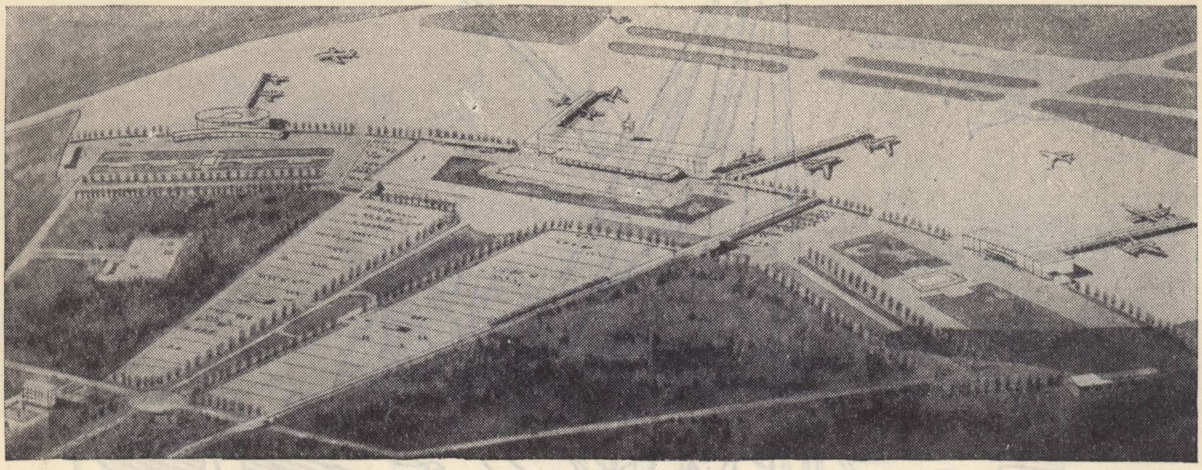
Сыр, вино и редиска... Это ли не благодать?!
Соль забыли — редиску будем в море макать!

Мы напились и наелись. Много ли надо нам?
Много ли надо, если хлеб и табак пополам?!

Славлю силу мотора, славлю удар весла!
Славлю простую мудрость рыбачьего ремесла!

Большое, доброе небо. Поскрипывает баркас.
Тысячелетнее море в люльке баюкает нас.

Девяносто новых аэропортов будет построено в нашей стране в предстоящую семилетку. Макет одного из них вы видите на этом снимке. Большое здание в центре — это центральный аэровокзал. Справа и слева от него — аэровокзалы поменьше. В зданиях, построенных из новейших строительных материалов, будет создан искусственный климат. Аэропорты будут соединяться с ближайшими городами шоссейными и железными дорогами, а на некоторые из них можно будет прилететь из города на вертолете.

ШАГИ СЕМИЛЕТКИ

Девяносто новых аэропортов • Лыжный трамплин без снега • Дом строится десять дней • Сарбайский клад.

Летом в городе Горьком будут проводиться соревнования по прыжкам на лыжах. Здесь будет сооружен летний трамплин.

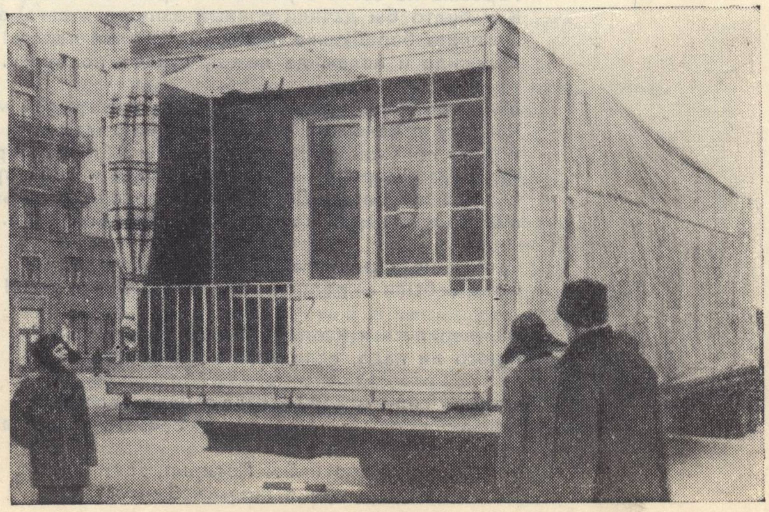
Но откуда же возьмут летом снег, чтобы покрыть им сорокапятиметровую дорожку трамплина? И что сделают, чтобы снег не растаял под жаркими лучами солнца?

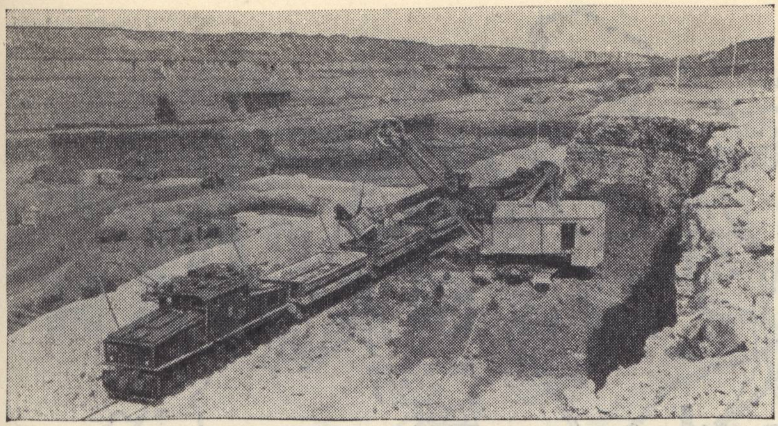
Инженеров, создавших проект летнего трамплина, это совсем не беспокоит. Они покроют трамплин циновками из полихлорвиниловой смолы, и по ним лыжи будут скользить не хуже, чем по снегу.

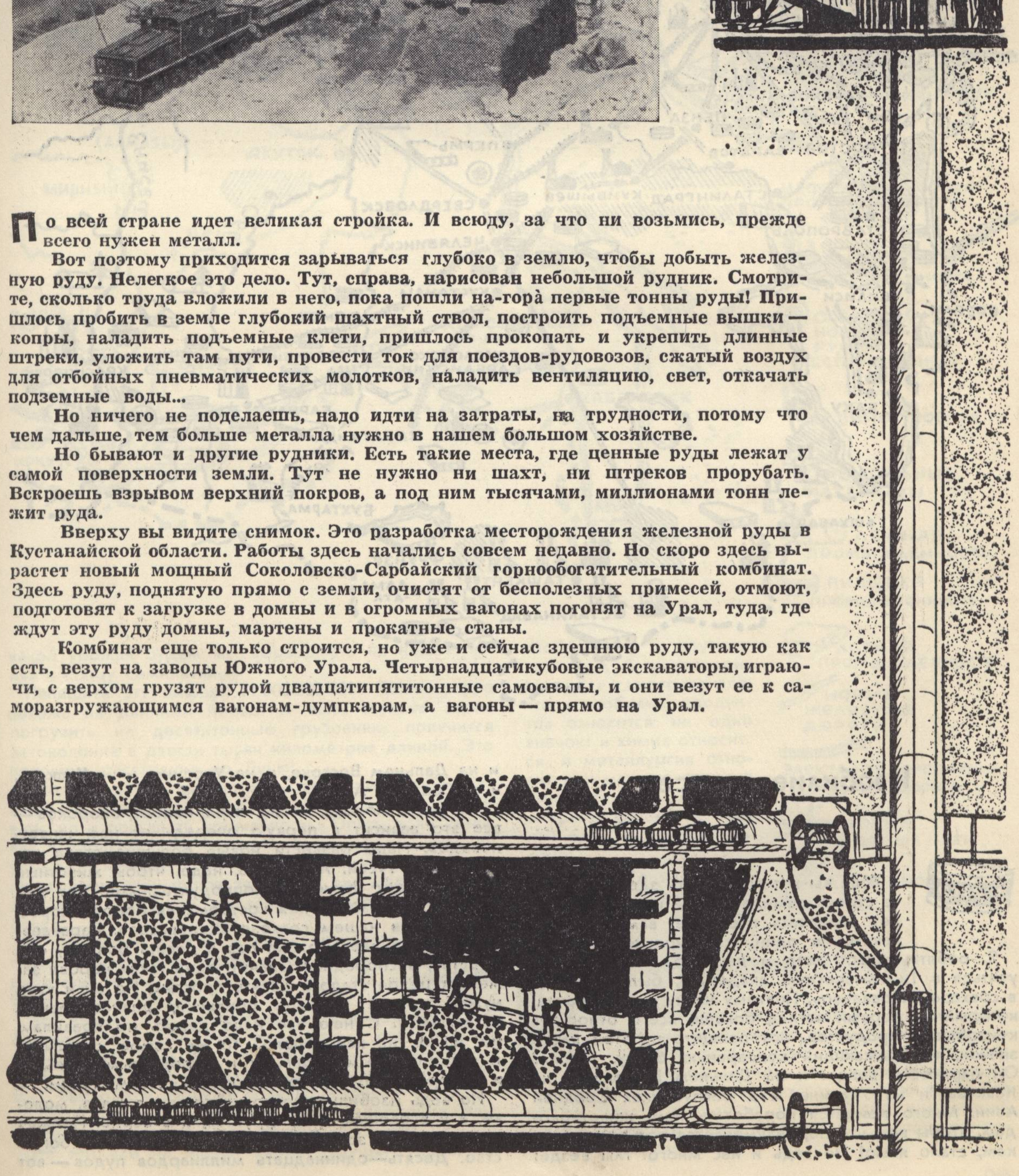

Совсем недавно по улицам Москвы ехала необычная машина Она везла на себе... готовую квартиру. Такая квартира делается на заводе. В огромной форме отливают четыре стены. Сверху приваривают тонкий лист — потолок, а снизу плиту потолще—пол. Затем рабочие оклеивают стены обоями, устанавливают двери, настилают пол из линолеума.

На строительной площадке огромный кран снимает квартиру с машины и ставит на фундамент. Рядом с первой ставят вторую квартиру, к ней приставляют третью. Так этаж за этажом и возводят новый дом всего за десять дней.

По всей стране идет великая стройка. И всюду, за что ни возьмись, прежде всего нужен металл.

Вот поэтому приходится зарываться глубоко в землю, чтобы добыть железную руду. Нелегкое это дело. Тут, справа, нарисован небольшой рудник. Смотрите, сколько труда вложили в него, пока пошли на-гора первые тонны руды! Пришлось пробить в земле глубокий шахтный ствол, построить подъемные вышки — копры, наладить подъемные клети, пришлось прокопать и укрепить длинные штреки, уложить там пути, провести ток для поездов-рудовозов, сжатый воздух для отбойных пневматических молотков, наладить вентиляцию, свет, откачать подземные воды...

Но ничего не поделаешь, надо идти на затраты, на трудности, потому что чем дальше, тем больше металла нужно в нашем большом хозяйстве.

Но бывают и другие рудники. Есть такие места, где ценные руды лежат у самой поверхности земли. Тут не нужно ни шахт, ни штреков прорубать. Вскроешь взрывом верхний покров, а под ним тысячами, миллионами тонн лежит руда.

Вверху вы видите снимок. Это разработка месторождения железной руды в Кустанайской области. Работы здесь начались совсем недавно. Но скоро здесь вырастет новый мощный Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат. Здесь руду, поднятую прямо с земли, очистят от бесполезных примесей, отмоют, подготовят к загрузке в домны и в огромных вагонах погонят на Урал, туда, где ждут эту руду домны, мартены и прокатные станы.

Комбинат еще только строится, но уже и сейчас здешнюю руду, такую как есть, везут на заводы Южного Урала. Четырнадцатикубовые экскаваторы, играючи, с верхом грузят рудой двадцатипятитонные самосвалы, и они везут ее к саморазгружающимся вагонам-думпкарам, а вагоны — прямо на Урал.

Изобилие во всем

Если вы хотите увидеть здесь, на карте строек семилетки, как наш народ будет создавать изобилие, вам придется искать не один, а несколько значков.

Я, ребята, животновод и до того, как приехала учиться в Тимирязевскую академию, была дояркой в совхозе «Караваево». Поэтому начну с того значка, который на первый взгляд больше всего относится к изобилию продуктов. Вот поищите на этой карте значок, изображающий консервную банку. Нашли? Он нарисован везде: и на Дальнем Востоке, и на Кавказе, и на Украине, и в республиках Средней Азии. Много придется поработать нам, животноводам, чтобы все, что подразумевается под этим значком, стало явью! Но ведь и нас много! Мы везде: и на Дальнем Востоке, и на Украине, и на Кавказе, и в Средней Азии.

Изобилие молока, масла, сыра, колбас, окороков — все это зависит в первую очередь от нас, животноводов. Надо развести новые большие стада коров, овец, гусей. А главное, надо, чтобы животные в этих стадах были высокопродуктивными. Вот вам пример: всем известная костромская порода коров, созданная в нашем совхозе «Караваево». Караваевская корова дает молока раз в десять больше, чем простая, беспородная. Значит, одна такая корова заменяет целое стадо в десять простых. Но ей и уход нужен другой и пища обильная, разнообразная, питательная. С нею все надо делать по правилам, по науке, не как попало. То же самое относится и к породистым овцам, и к породистым свиньям, и к породистым кроликам, курам, уткам, гусям.

Но ведь изобилие нужно не только в мясе, молоке, а и в овощах, и во фруктах, и в зерне. Прежде всего в зерне: золотое зерно — наше великое богатство. Десять—одиннадцать миллиардов пудов — вот

О ЧЕМ ГОВОРИТ ЗНАЧОК НА КАРТЕ

какой урожай будем мы выращивать на наших полях к концу семилетки.

Напишите эту цифру: 11 000 000 000. Даже цифра похожа на длинный поезд! А если столько зерна погрузить на десятитонные грузовики, получится автоколонна в двести тысяч километров длиной. Это половина расстояния до Луны!

Столько хлеба вырастить — дело непростое. Тут надо не только больше полей обрабатывать и засевать, но и повышать урожайность. Опять получается, как с караваевской коровой: если собрать двойной урожай — каждое поле превратится в два поля, а каждый миллион пудов зерна — в два миллиона. Но для этого надо за землей ухаживать, как велит наука.

Я и тысячи других доярок, птичниц, звеньевых пошли в институты, чтобы овладеть наукой и лучше работать. И вы в школе для того же учитесь. Вы тоже с нами заодно.

Вот видите, как много смысла раскрывается в маленьком значке. А если подумать, и еще больше раскроется! Ведь высокопродуктивное хозяйство требует во много раз больше удобрений, новых, быстрых и сильных полевых машин и даже самолетов, чтобы вовремя распылять удобрения, яды против вредителей, яды против сорняков.

Но это все на нашей карте будущего изобилия изображено другими значками. Я же говорила вам с самого начала, что к изобилию продуктов относится не один значок: и химия относится, и металлургия относится, и машиностроение относится, и электроэнергия относится. Вот как одно с другим связано!

Герой Социалистического Труда
К. В. Петрова.

Могущество химии

Карта маленькая, поэтому значки, отмечающие химическую промышленность, поставлены только там, где будут главные химические центры. На самом деле нужно бы поставить значки на двухстах семидесяти точках карты. Двести семьдесят предприятий химической промышленности будет построено и реконструировано за это семилетие!

Что же дадут нам эти предприятия? Какие богатства спрятаны за маленькими значками на карте?

Мы получим совершенно новые материалы и для нашего быта и для различных отраслей промышленности.

Вот, например, 120 тысяч деталей самолета «ТУ-104» сделаны из материалов, не встречающихся в природе, а созданных химиками. Наша мощная авиация была бы невозможна без этих материалов: на больших скоростях, с какими летают современные самолеты, металлы плавятся от трения о воздух. А для полярной авиации нужны материалы, стойкие к низким температурам. Там не поставишь на колеса обычную резину: от холода она станет хрупкой и непрочной.

Без синтетических материалов не оторвешься от Земли, не уйдешь в космос. И тут нужны особенные, неизвестные в природе материалы. Значит, и тут нужна химия.

Из «слоистых пластиков» отливают корпуса легчайших шлюпок, делают прочные речные суда. Легкие и теплые дома строят из пенопластов (пенопласты — это, по существу, пойманные и заключенные в пластмассовые ячейки пузырьки воздуха).

Пластмассы служат нам в воздухе, на земле, в воде, под землей. Из них делают изоляцию подземного электрического кабеля, сверхпрочные трубы для нефтепроводов. И все эти пластмассовые вещи будут делаться на станках, сделанных тоже из пластмасс. Одна тонна пластиков заменяет три тонны цветных металлов. Шестерни и подшипники из особой пластмассы очень прочны и работают бесшумно. Пружины и гвозди из пластмасс не уступают стальным.

По решениям XXI съезда производство этих ценных материалов — пластмасс — будет увеличено более чем в семь раз.

Может быть, вы думаете, что для таких замечательных материалов нужно какое-то необычайно ценное сырье?

Нет, пластмассы и синтетические волокна создаются из самых дешевых материалов. Наша страна обладает неисчерпаемыми источниками сырья для развития химической промышленности. Это газообразные продукты переработки нефти, природный газ, отходы переработки каменного угля и сланцев, древесина и отходы сельского хозяйства.

Из этого сырья путем сложных превращений химики получают тысячи ценнейших продуктов: пластмассы и синтетические каучуки, различные волокна для искусственных тканей и всевозможные лекарства, средства для ускорения роста растений и для борьбы с сельскохозяйственными вредителями.

Трудно бывает поверить, что чудесные шубки искусственного меха, такие легкие и пушистые, сделаны из нефтяных газов, которые раньше считались отходами и даже сжигались в факелах.

Возможности химии неограничены, и советские ученые работают над тем, чтобы создать еще больше новых материалов и этим еще увеличить богатство советского народа.

Воодушевленные историческими решениями XXI съезда Коммунистической партии, работники химической промышленности — ученые, инженеры, рабочие — принимают все меры для досрочного выполнения заданий семилетнего плана. И можно не сомневаться: советские химики успешно справятся с ответственными задачами, поставленными нашей партией.

П. И. Захарченко,
заместитель начальника Технического управления Государственного комитета Совета Министров СССР по химии.

Металл — сила страны

На московском заводе «Серп и молот», где я работаю прокатчиком, чугун превращают в железо и сталь. Прокатка — это заключительный процесс металлургического производства. На мощных машинах — блюмингах, слябингах, прокатных станах различного назначения — металл превращают в трубы, рельсы, балки, вытягивают в тончайшую проволоку или раскатывают в широкие и тонкие листы.

А знаете, сколько металла даст стране наша промышленность к концу семилетки?

Чугуна, например, 65—70 миллионов тонн. Семидесяти миллионов тонн чугуна хватило бы, чтобы отлить огромный столб толщиной почти в метр и в 12 095 километров длиной. Если бы продеть такой столб сквозь земной шар, над обоими полюсами еще остались бы «кончики» в 100 километров.

Стали металлурги дадут еще больше: 86—91 миллион тонн. Часть этой стали мы сварим из железного лома. А ведь тут и вы, пионеры, нам помогаете, собирая лом.

Для того, чтобы дать стране так много металла, надо построить много новых заводов, расширить старые, разведать новые залежи руды.

Рассмотрите значки на юго-востоке. Видите новые месторождения? Уголь, железная руда, цветные металлы — каких только богатств здесь нет! Тут создается теперь новая металлургическая база. Сооружается металлургический завод около Караганды, идет строительство Западносибирского завода, скоро развернется стройка в Тайшете и в Барнауле.

На XXI съезде партии я голосовал за эти цифры, потому что без металла ничего нельзя сделать. Он всюду нужен в народном хозяйстве. Чем больше металла, тем крепче становится наша страна, и я горжусь тем, что принадлежу к семье металлургов.

Я пишу вам эти строки перед началом своей смены. В прокатном цехе моего родного завода «Серп и молот» кипит работа. Грохочут валки. С прокатного стана то и дело сходят раскаленные докрасна полосы стали. Это уже идет металл первого года нашей великой семилетки.

Герой Социалистического Труда
Г. Н. Золотов.

Солдат Пьер Гюйо не будет воевать в Алжире

Гюстав АНСАР,
французский коммунист

Суд удаляется на совещание... Тянутся томительные минуты. И вот тяжело падают в зал слова приговора: «Пьер Гюйо осуждается на два года тюремного заключения».

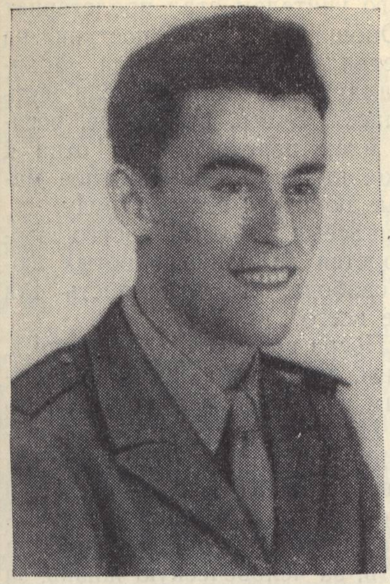
Осужденный — молодой человек в форме солдата. Ему двадцать лет. Он высок. У него сильная, ладная фигура. Темные волосы. Смелые глаза.

Он спокойно выслушал приговор и повернулся к залу. Там сестра, Раймонда... Она приехала из Франции в Алжир на этот суд.

За что же, за какое преступление судят здесь французского солдата Пьера Гюйо? Не за преступление судят его — за высокий, гуманный подвиг. Подвиг, к которому его готовила вся его жизнь.

Пьер Гюйо — коммунист и сын коммуниста. Отец Пьера — герой Сопротивления, бесстрашный борец против фашизма.

Когда Пьер был еще пионером, он провел лето в Артеке. Там началась его дружба с маленькими чехами, итальянцами, русскими — детьми рабочих разных стран.

Солдат Пьер Гюйо, борец за мир.

Там, где идет война

...Представьте себе обстановку накаленного дневной жарой подвала в убогом доме. Тут живет вдова Айни с четырьмя детьми. Они спят на овчинах, брошенных прямо на каменный пол. Нет никакой мебели, почти нет одежды. Живется трудно, голодно, главное, голодно. Об этой семье из квартала Дар-Сбитар рассказывает человек, сам проживший жизнь в таком городке.

«Когда-то, когда дети были совсем маленькие, Айни, чтобы успокоить их, пускалась на военную хитрость. Если в доме была хоть горсть угля, она вечером ставила на огонь котелок с водой, он вскипал. Дети терпеливо ждали еды, а мать изредка говорила:

— Теперь уже скоро!

Они глубоко вздыхали. Время шло.

— Еще минутку, и все готово!

Непобедимая усталость сковывала их, веки наливались свинцом. Детскому терпению приходил конец, и они засыпали. А в котелке была только... горячая вода».

Айни называла этот маневр «обманывать голод»... Так рассказал о жизни обычной алжирской семьи писатель Муххамед Диб в повести «Большой дом». Страшные картины алжирской действительности раскрыты этой откровенной книгой. И особенно горькой выглядит тяжелая жизнь детей. Тощие, босые, чумазые, они нищенствуют, они сидят

Этот рисунок сделал французский художник Борис Таслицкий во время своей поездки в Алжир. Молодая мать в нищенской лачуге бидонвиля. А бидонвили — это поселки бедняков, где люди живут в конурах, кое-как слепленных из старых ящиков и ржавых листов жести.

«Голые ноги на снегу» — так назвала одну из своих алжирских зарисовок французская художница Мирей Мьель.

Потом его учителем стал пролетариат Франции. Юноша Пьер Гюйо поступил на большой металлургический завод. Французские металлурги — это передовая часть рабочего класса. Здесь, на заводе, революционные идеи передаются от отца к сыну так же, как профессиональное мастерство, как любовь к своему труду.

Вместе со всеми рабочими своего завода Пьер борется за права простых людей. Мир, свобода, справедливость для него дороже всего.

Я видел Пьера в его последний отпуск. Он был таким, как всегда: сильным, ровным, веселым. Он играл в волейбол, плавал, шутил. Но я видел: мысли его омрачены. И я знал, почему. Французские капиталисты ведут войну в Алжире. Пьер понимал, что борьба восставшего алжирского народа справедлива. Это борьба за независимость, за человеческую жизнь, за свободу. Горят алжирские селения. Гибнут под пулями мирные люди. Французские капиталисты разорили Алжир, довели до нищеты и голода алжирский народ. Пьер понимал: несправедливую войну нужно прекратить. За это должен бороться каждый. Дело идет о чести французского народа.

Для Пьера пробил час испытания: после отпуска его ждал призывной пункт, служба в армии. Как надо ему поступить? Как выполнить свой долг коммуниста и француза?

в своих лохмотьях около уличных канав и стоков нечистот... Лишь немногие счастливцы могут учиться в школе.

Недавно в одном французском журнале я увидела странные фотографии. В алжирскую деревню, окруженную горами, спускается вертолет. В заметке рассказывалось, что в вертолете — разобранная на части школа с красивыми голубыми окнами, с серыми стенами, желтыми дверями. Через три часа она будет собрана, и сразу начнется учение. Описывая это «чудо», журнал крикливо заявлял: «Школа спустилась с неба!». В этой постыдной, скрывающей горькую истину заметке не было сказано главного: сколько же детей смогут учиться в этом «небесном подарке» и много ли таких благодеяний принесла разоренной стране французская цивилизация? Ведь из двух миллионов ребят школьного возраста в Алжире учатся только триста двадцать пять тысяч детей. Надо в шесть раз увеличить жалкие средства, которые уделяются на образование, чтобы все дети могли учиться хотя бы только в начальной школе.

Пьер решил. И когда солдатская форма заменила рабочую спецовку, он послал письмо президенту республики. Он писал: «Я работал на заводе вместе с алжирскими рабочими. Мы вместе смеялись, ели за одним столом. Мы были настоящими товарищами. Теперь хотят, чтобы я поехал воевать с семьями моих друзей, с их народом, с их родиной.

...Я хочу служить подлинным интересам Франции. И думаю, что единственное решение алжирской проблемы заключается в переговорах о мире. Вот почему, господин президент, я имею честь сообщить вам, как хранителю конституции Республики, о моем отказе поднять оружие против алжирского народа».

Но солдата не спрашивают. Вместе с другими, такими же, как он, Пьера отправляют в Марсель. Воинскую часть погружают на пароход и увозят в Алжир.

И снова он пишет письмо президенту и снова отказывается участвовать в грязной войне. Он знает, на что идет. Он знает, что впереди суд, тюрьма.

Пьер не один. До него были заключены в тюрьму и другие французские солдаты, так же, как он, боровшиеся против войны.

И вот алжирская тюрьма. Отсюда он посылает письмо отцу в день его рождения: «Я не могу тебе сделать ника-

кого другого подарка, кроме обещания всегда оставаться твердым и непреклонным и не участвовать в войне против алжирского народа. Я обещаю тебе следовать всегда твоему примеру активного коммуниста и человека, всю мою жизнь бороться так же, как боролся ты... Вот единственный подарок, дорогой отец, который я могу тебе сегодня сделать».

Когда-нибудь закончится эта грязная война. Алжирский народ станет свободным. Таков закон нашей эпохи — одна за другой освобождаются страны от капиталистического гнета. Придет день, недалекий, без сомнения, когда и мы узнаем радость и счастье жизни в социалистическом обществе, где нет тех, кто развязывает войны. И тогда наша молодежь поедет в Алжир, держа в руках цветы, а не винтовки. Франция будет не уничтожать, а строить для алжирских детей жилища, больницы, школы.

И в том, что наступит мир, что придет свобода, будет заслуга и Пьера Гюйо, принесшего сейчас в жертву общему делу свою свободу.

Привет тебе, Пьер, наш друг, наш товарищ! Гордись своим справедливым поступком, своею жизнью Человека, которую ты так хорошо начал! Ведь это и есть настоящая жизнь. Поэт сказал: «Не живет тот, кто не борется!».

Это занятия во франко-алжирской школе. Увы! Счастливцы, которые могут учиться, составляют лишь шестую часть маленьких алжирцев.

Ни голод, ни миллион безработных, ни неграмотные дети, ни высокая смертность населения, которому негде лечиться, не интересуют Францию, вот уже сто тридцать лет угнетающую Алжир.

Алжир и богат и нищ. В недрах страны много железа, фосфоритов, каменного угля, цинка... Только достается все это не самим алжирцам, а французским капиталистическим компаниям. В Сахаре есть нефть; к ней протянулись руки западногерманских, французских и американских богачей.

Алжир — страна щедрого солнца, но лучшими землями, на которых растет виноград и пшеница, табак и хлопок, владеют французские и испанские колонисты. Местные жители оттеснены в бесплодные горы. Трудящиеся алжирцы или батрачат или ищут работы в самой Франции, чтобы что-то послать своим голодающим семьям.

Уже четвертый год на этой многострадальной земле идет кровопролитная война. Против алжирских патриотов, борющихся за свободу своей угнетенной родины, брошена французская армия в шестьсот тысяч солдат. В военных операциях участвуют также сто двадцать тысяч полицейских и двести тысяч вооруженных французских колонистов.

Тяжелые испытания несет алжирский народ. Сколько убитых, посаженных в тюрьмы, сколько людей, вынужденных бежать из зон военных действий, как много вдов и сирот!..

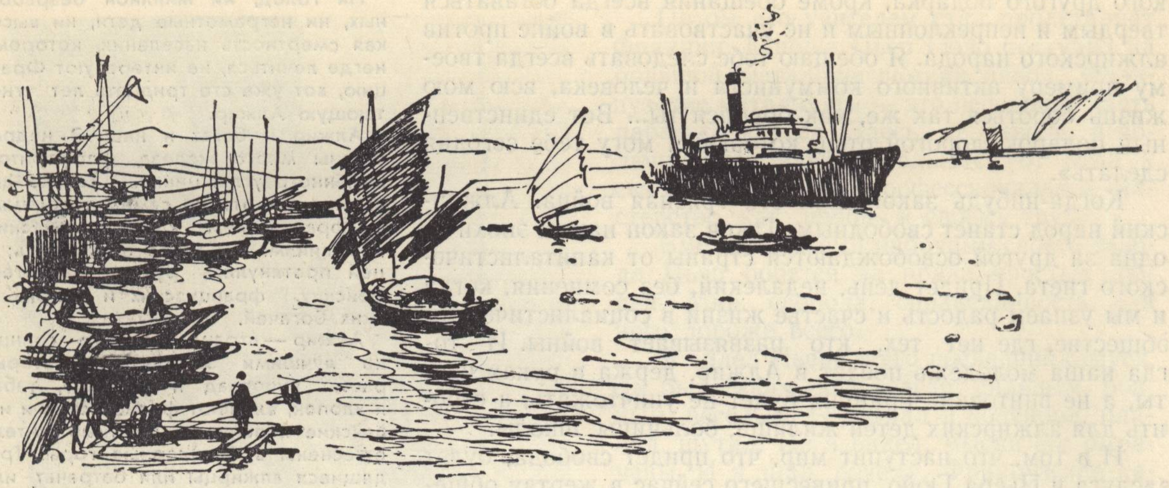
Несправедливая, грязная война! И передовые французы это понимают. Человека, попавшего в Алжир, не могут не взволновать жуткие картины жизни народа.

Вот почему молодой француз Пьер Гюйо отказался участвовать в этих преступных военных действиях.

«В этих узких, лишенных воздуха улицах,— пишет Гюйо в письме президенту Французской республики,— мужчины, и женщины, и дети живут в грязи. Сидя на земле с грудными младенцами на руках, женщины нищенствуют, просят хоть несколько грошей, кусок хлеба для детей. Это ли слава для Франции? Дети от четырех до пяти лет уже вынуждены думать о том, чтобы что-то заработать для семьи. Одетые в жалкие лохмотья, они чистят ботинки прохожим, выпрашивают монетки. Была ли у них когда-нибудь в жизни игрушка? Я в этом сомневаюсь... И это французская цивилизация в Алжире? И это я должен защищать?»

Пьер Гюйо не один отказался служить в колониальных войсках и посажен за это в тюрьму. Стрелять в алжирцев не захотели многие молодые французы.

Р. Измайлова

Чжунго, нинь хао!

(Продолжение.)

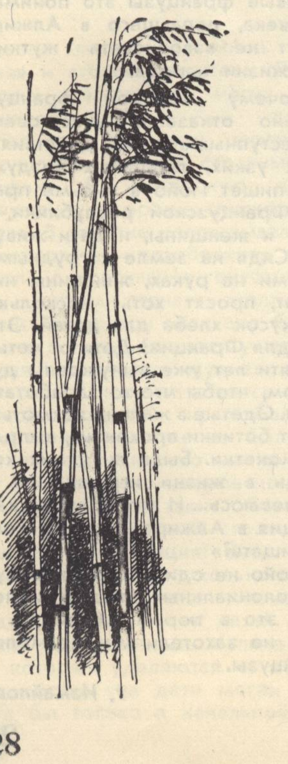
Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ,
Юлиан СЕМЕНОВ.

Рисунки В. Богаткина.
Фото Ю. Семенова.

Наш поезд идет по мосту через Хуанхэ.

Мы привыкли к тому, что Днепр впадает в Черное море, а Волга — в Каспийское. А вот Хуанхэ капризна, она меняет свое русло, как плохой человек друзей. То она впадала в залив Бохайвань, то в Восточно-Китайское море, то в море Желтое. И каждый раз смена русла несла наводнения, страшные бедствия людям...

— Река тысячи бедствий станет рекой тысячи радостей,— сказала нам товарищ Сюй Пын, когда мост через Хуанхэ кончился.— Раньше наши деды считали, что наводнений можно избежать, если задобрить бога реки Хуанхэ: принести ему в жертву корову. И с берега в желтые воды сталкивали сотни коров. Потом стали делать коров из железа, бронзы и бросать их в воду перед началом наводнения. Но и бронзовые коровы не помогали. Люди помогут. Мы оденем Хуанхэ в дамбы, окружим водохранилищами, расчистим дно. Мы сразимся с желтой водой, и мы укротим ее.

★

...Есть у китайцев старинная сказка. Отправился однажды крестьянин из селения в город. Сначала он шел по берегу реки, а потом тропинка увела его в джунгли.

Долго шел крестьянин. Устал. Решил прилечь отдохнуть. Снял со спины поклажу, с головы — широкополую соломенную шляпу. Лег в густую, пахучую траву, шляпу рядышком с собой положил да и уснул.

Сколько времени прошло, неизвестно. Проснулся крестьянин, открыл глаза, сладко потянулся, осмотрелся по сторонам, а шляпы-то и нет! «Э, что такое?!» — подумал он удивленно. Перевернулся на другой бок, шляпы и там нет. Поднял он тогда глаза, а шляпа над ним висит, на тоненьком стебельке чжуцзы.

— Чжуцзы, хэнь хао,— сказал он и повторил еще раз: — Хэнь хао!

Кто из читателей догадался, как шляпа крестьянина очутилась над землей? Кто знает, что такое «чжуцзы»? Никто не знает? Придется объяснить.

«Чжуцзы» — по-китайски «бамбук».

«Хэнь хао» — «очень хорошо».

Бамбук — очень хорошее растение.

Он растет так быстро, что даже заметить можно. Если, например, смотреть, как растут липа, сосна или тополь, сколько ни смотри — ничего не заметишь. А у бамбука рост сразу виден. За час чжуцзы вырастает чуть ли не на два сантиметра. На острове Ява бамбук с хитрым названием «дендракалиус гигантский» вырастает за день на полметра. Представь себе: утром посадил два бамбуковых семечка, а через два дня у тебя выросли две прекрасные лыжные палки.

Некоторые ребята думают, что бамбук похож на те лыжные палки, которые продаются в наших спортивных магазинах. Но в Китае некоторые травы бамбука (да, да, бамбук ведь не что иное, как огромная трава, он из семейства злаковых!) достигают сорока пяти метров высоты. Ну и травка! Повыше шестиэтажного дома!

Бамбук можно разогреть над огнем, а потом согнуть. Этим пользовались в Китае, когда делали из бамбука водопровод.

Бамбук так крепок, что не всякая пила может перепилить его. Из бамбука китайцы в старину делали ножи и охотились с ними на диких зверей.

Если ствол бамбука трудно распилить поперек, то вдоль он строгается, как сухая щепка. Китайцы делают подушки из бамбуковых стружек. В жару нет ничего приятней, как подложить под голову прохладную бамбуковую подушку. Конечно, не особенно мягко, но ведь раньше многие китаянки во время сна клали голову на фарфоровое блюдо, чтобы не портить прически...

В южных селениях, глубоко в джунглях, вокруг домов в землю втыкались острые, тонкие бамбуковые стрелы, совсем незаметные в высокой траве. Получалось своеобразное «минное поле», защищающее от диких зверей.

Бамбук для китайца — это обед, ограда, мебель, бумага, защита от дождя и жары, оружие...

Вот почему тот китаец, у которого побег бамбука утащил шляпу, не обиделся, не рассердился, а, наоборот, сказал:

— Чжуцзы, хэнь хао! Бамбук, очень хорошо!

Леса вокруг строящегося дома тоже из бамбука.

Строят новый дом в Пекине,
И леса на нем.
Как в бамбуковой корзине,
Спрятан новый дом.

Из бамбука переходы,
Лестницы вокруг.
Крепкий, прочный от природы
Трубчатый бамбук.

Из него красива мебель,
Светлая, как мед.
Держит он знамена в небе,
Красный стяг несет.

Он на всех рыбачьих джонках
Держит паруса.
А сплести из прутьев тонких
Можно чудеса.

Легким веером проворным
Он развеет зной.
В дождь он зонтиком просторным
Станет надо мной.

Все перечислять не будем.
Посмотри вокруг!
Да, бамбук китайским людям —
Самый лучший друг.

★

В Нанкине, на вокзале, мы видели, как два китайца о чем-то оживленно разговаривали. Потом оба одновременно досадливо махнули рукой. Видно было, что они не понимают друг друга. Тогда один из них протянул другому ладонь. Тот написал на ней пальцем иероглиф и побежал в тоннель. Первый посмотрел на свою ладонь и понял, что́ ему пытался втолковать второй. Обернулся, а рядом никого нет.

— Какая жалость,— огорченно сказал китаец,— нам бы так надо поговорить... Оказывается, он тоже нефтяник.

— А почему же вы не поговорили? — удивились мы.— Разве ваш собеседник не китаец?

— Да нет, он китаец...

Человек собрался нам что-то рассказать, но в это время паровоз дал сердитый протяжный гудок. Все бросились к своим вагонам.

Почему же и на Шисаньлиньском водохранилище и здесь, в Нанкине, многие китайцы не понимают друг друга?

— Терпение и еще раз терпение,— сказала Сюй Пын,— я же обещала вам, что в Шанхае вы все поймете сами.

— Мы побывали на шанхайской текстильной фабрике. Там мы познакомились с девятнадцатилетним художником Ни Дао-мином. «Мне приятно придумывать веселые рисунки для тканей, которые выпускает наша фабрика»,— сказал он нам.

И вот мы приехали в Шанхай.

Десять лет назад он был в руках американцев, французов, англичан. Китайский город был поделен между капиталистами разных стран, как сладкий пирог между обжорами.

На дверях банков, над входами в парки висели таблицы:

«Китайцам и собакам вход воспрещен!»

В городе ежедневно умирали от голода сотни детей. Это был город десятков богачей и миллионов нищих.

В этом городе гоминдановцы хотели сломить коммунистов. Они пытали и расстреливали их в подвалах тюрем.

Мы возненавидели Шанхай прошлого!

Но мы полюбили Шанхай сегодняшний!

Дай руку, читатель! Пойдем вместе с нами по городу...

Шанхай похож на всемирную выставку архитектуры. Здесь есть улицы, словно перенесенные из Амстердама, переулки — из Копенгагена, бульвары — из Парижа, площади — из Лондона, магистрали — из Берлина.

Только что, кажется, побывал в Берлине, где-то около пригорода Рансдорфа (такие же коттеджи с такими же красными черепичными крышами и стрельчатыми готическими окнами), как вдруг за поворотом — парижский бульвар Сен-Мишель. А еще пятьсот шагов, новый поворот — и белые, построенные из бетона и стекла дома Копенгагена. Был в Шанхае и свой Уолл-стрит — Нанкин-род, теперешняя Нанкин-лу.

А если выйти из бывшей зоны оккупации и спуститься вниз, к порту или в рабочий квартал Чапей, там можно увидеть совсем другие дома. Вернее, домов там нет. Там лачуги. Раньше в них жили китайцы. Дорога в европейские районы охранялась полицией.

«Китайцам нельзя!», «Собакам нельзя!»

Теперь весь город принадлежит китайцам. На одной из улиц, куда китайцев не пускали, стоит памятник... Пушкину. Нашему Пушкину.

Здравствуй, Пушкин в Шанхае!
Мы проведать пришли,
Не грустишь ли, вздыхая,
От отчизны вдали.
Видим: нет!

Дети пестрой гурьбою
Суетятся вокруг,
Их знакомит с тобою
Твой поклонник и друг —
Сам Лу Синь. Он поэт!

Потому что твой гений
Ценит каждый народ,
И, для всех неизменный,
В твоем имени жив
Яркий свет.

Жизнь бурлит, не смолкая.
Здравствуй, Пушкин в Шанхае!

★

Наши ребята знают о капитализме со слов старших, из книг или кинофильмов.

А в Шанхае следы капитализма заметны на каждом шагу.

Огромные десятиэтажные здания бывших иностранных банков ощетинились толстыми железными прутьями на окнах, подъездах, воротах. Кажется, будто дома эти раньше боялись людей и прятались от них за холодные стальные решетки.

Но когда из мрачных и темных банковских улиц выйдешь на веселую, шумную Нанкин-лу и увидишь тысячи фонарей, светящиеся рекламы новых народных предприятий и магазинов, огненные красно-сине-белые иероглифы над дверями народных клубов, то сразу переносишься в другой мир.

Из раскрытых окон несутся звуки скрипок, пение. Широко распахнуты двери кинотеатров, магазинов, закусочных.

★

Мы зашли в маленький магазин купить тетрадку. Навстречу нам поднялся продавец.

— Здравствуйте,— сказал он.— Большое спасибо, что вы посетили наш магазин. Вы останетесь довольны. Хотите посмотреть новые сумки?

— Спасибо, но...

Продавец не дослушал. Он достал с полки штук десять самых разнообразных сумок и щедрым движением разбросал их перед нами.

— Но нам не нужны сумки,— робко сказали мы.

Продавец улыбнулся и ответил:

— Я знаю. Но представьте себе, что через десять дней вы пойдете на базар за креветками, бамбуком или сахарным тростником и вдруг обнаружите, что ваша сумка прохудилась. И вы тогда сразу вспомните, что в магазине, где продавцом работает товарищ Цзэ Вэн — а это я,— продаются очень хорошие, очень красивые и очень вместительные сумки. Вы придете ко мне и купите одну из этих сумок.

И с этими словами товарищ Цзэ Вэн убрал все сумки с прилавка.

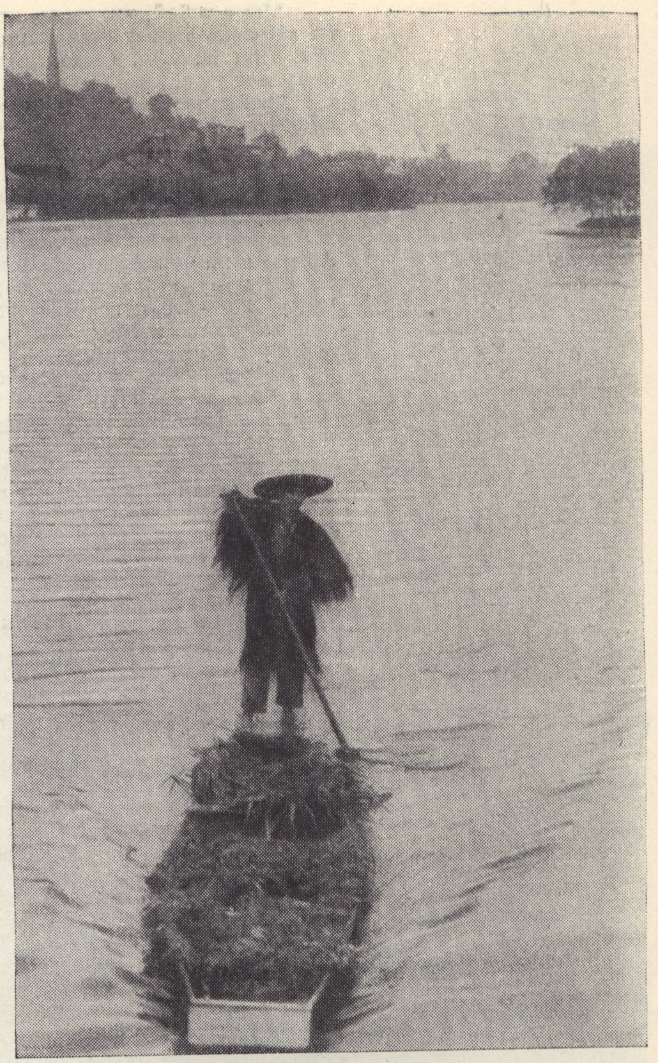
— А вот и тетрадка для вас,— сказал он, обернувшись, и положил перед нами штук сто тетрадей всех размеров и цветов.

Мы выбрали тетрадку, расплатились и собрались уходить, но вдруг заметили выставленные на витрине крохотные туфли странной треугольной формы. Они были похожи на фунтики.

— Что это?

— Это туфли для тех женщин, которым бинтовали ноги,— сказал продавец.

Раньше в Китае трехлетним девочкам начинали бинтовать ступни, чтобы нога не росла. И у взрослой женщины нога оставалась, как у крохотного ребенка. Маленькие пальцы подгибались под пятку. Женщины не могли много ходить: култышки, с трудом втиснутые в треугольные бутсы, затекали и немели.

В городе Ханчжоу есть озеро Су Ку. Оно славится своей красотой.

Вечером весенним на прогулку
Мимо тесных двориков-жилья
Медленно идет по переулку
Дружная китайская семья.

Бабка, дед, и сыновья, и внуки,
На спине грудного тащит мать —
От домашней тесноты и скуки
Воздухом вечерним подышать.

Молодые шутят и смеются,
Внуки все, понятно, впереди,
Две фигурки позади плетутся —
Бабушка и внучка Пао Ди.

Пао Ди старушку очень жалко:
Путается в маленьких шагах
На своих негнущихся, как палки,
В детстве искалеченных ногах.

Утомилась бабушка-калека.
— Отдохни минуточку, постой...
...И вот эти муки человека
Назывались раньше красотой!

★

На улице Янань стоит огромный дом. Называется он «Та Ши-те», что в переводе на русский язык значит «Большой мир».

Здесь можно послушать оперу, посмотреть драму, балет, кинофильм, кукольное представление, цирк, можно поиграть в пинг-понг, бильярд, шахматы, можно пообедать в ресторане.

Мы с тобой, читатель, отправимся в цирк. Там сегодня выступает труппа «Красный цвет». Двенадцать жонглеров и фокусников. Старшему артисту, Пан Нэнь-и, всего двадцать три года. Младшему, Чжоу Вэнь-дзе,— семь лет.

Двенадцать актеров! Но когда смотришь представление, кажется, что на сцене не меньше сорока человек.

...Вот выходит фокусник. Он кладет себе на макушку квадратное стекло. По углам ставит четыре рюмки. Посредине — высокую лампу. На нее еще одно стекло. Еще четыре рюмки, еще лампа... Словом, он выстраивает у себя на голове пятиэтажную стеклянную пагоду. Пагода эта с зажженными лампами внутри нее держится на макушке так прочно, что фокусник, словно и не чувствуя ее, начинает жонглировать горящими факелами.

Следом за фокусником выбегают на сцену два малыша: семилетний Чжоу Вэнь-дзе и восьмилетний Цын Гоу-син. Они делают стойку, сохраняя на голове восемь чашек, установленных одна на другой, и другие акробатические трюки.

Потом юные артисты «ссорятся». Чжоу Вэнь-дзе берет Цын Гоу-сина за чуб, наматывает чуб на палец и перекидывает своего партнера через себя, как перышко. Цын гоу-син не может простить обиды. Он хватает Чжоу Вэнь-дзе за кончик уха и перебрасывает его через себя с такой же легкостью. Но довольно ссориться! Артисты пожимают друг другу руки, изящно раскланиваются и под аплодисменты всего зала покидают сцену.

Потом выходит вся труппа. В центре — товарищ Пан Нэнь-и, потомственный артист цирка. Восемь человек взбираются на него, виснут на шее, на ногах и на туловище. Они образуют корабль с высокой мачтой и палубами и даже с дозорными Чжоу Вэнь-дзе и Цын Гоу-сином, которые взобрались на «мачту» — на плечи Пан Нэнь-и.

Гремит туш. Пан Нэнь-и начинает вертеться на месте. Все быстрее, быстрее! Вот «корабль» попал в бурю, нос его режет волны, мачта раскачивается из стороны в сторону!

Стоп! Мгновенная темнота, потом яркий свет — и на сцене уже нет «корабля». На сцене — двенадцать артистов цирка, труппа «Красный цвет»...

В соседнем зале идет представление Пекинской оперы.

Китайский театр настолько интересен, что писать о нем бегло и кратко нельзя.

Сейчас нам хочется рассказать не об артистах, а о зрителях. Во время представления в зале немая тишина. Диалог сменяется песней. Песня — музыкальной паузой. Казалось бы, гонг и барабан — что это за музыка? В китайском театре такой вопрос неуместен. Гонг и барабан — великолепная музыка. Она заставит зрителей увидеть вспышки молний и почувствовать пронизывающий холод ливня. Гонги и барабаны скажут за актера о его больших чувствах. Но когда актер начинает говорить вкрадчиво, шепотом, зал замирает. Публика рукоплещет, и снова настороженная тишина. Зрители — само внимание. Вот только наш сосед спит. Посапывает себе и когда бьют барабаны и когда говорят или поют актеры. Пускай спит. Нашему соседу всего три месяца, и он лежит на коленях у матери.

Китайские зрители великолепно знают условности театра. Если по ходу действия главный герой должен скакать на коне, актеру достаточно выйти с палочкой, увешанной бахромой, высоко поднимая то одну, то другую ногу, пройтись по сцене — и всем зрителям ясно, что он мчится на скакуне.

А вот злодей, которого преследуют. Он влез с ногами на стул как раз посредине сцены, на самом освещенном месте. Актеры, играющие роли честных людей, должны найти его. Они озабоченно бегают вокруг стула, на котором стоит с безразличным видом «злодей». Они прикладывают ладони к глазам, заглядывают под стул, под стол, смотрят по сторонам, но найти никого не могут. Так и хочется крикнуть: «Да вон же он, на стуле, хватайте его!» Но нет, нельзя! Зрители ломают пальцы от волнения и молчат, затаив дыхание... В китайском театре актер, залезший на стул, считается невидимым...

Когда актер выходит на сцену в голубой юбке и с веслом в руке, это значит, он плывет в лодке.

Если по сцене, не торопясь, спокойно прохаживается человек с черными и белыми кругами, нарисованными на лбу, в зале раздаются аплодисменты: все знают, что это великий мудрец.

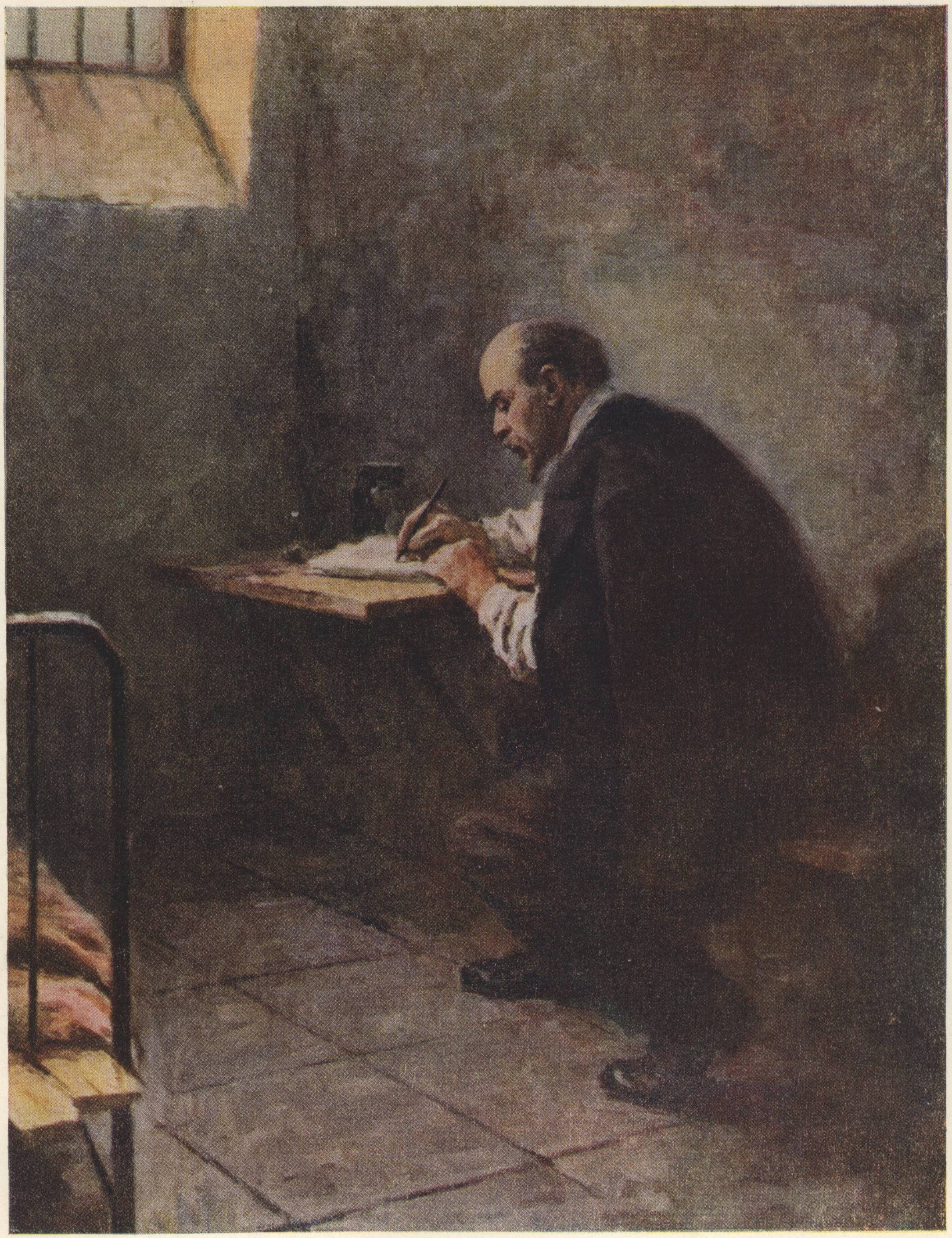
Когда видишь, какой бурей оваций встречает народ своих артистов, трудно поверить, что какие-то двадцать лет назад профессия актера в Китае считалась презренной.

(Окончание следует)

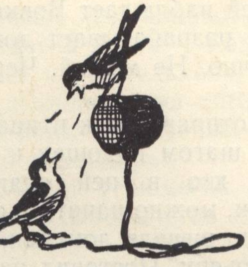
ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР. (Фрагмент).

М. Девятов.

ЗА КАМЕННОЙ СТЕНОЙ. И. Тартаковский.

Научный подход

Михаил КОРШУНОВ

Рисунки В. Константинова.

Алешке поручили сходить в зоопарк провести научную работу. Алешка согласился. В зоопарке у него был приятель Ленька Нестеров. Он тоже вел какую-то научную работу в КЮБЗе — кружке юных биологов зоопарка — и мог создать благоприятные условия для Алешки и его работы.

В субботу в школе Алешке выдали переносный магнитофон и катушку с пленкой на тридцать минут записи.

— Ты того... осторожней,— сказали ему ребята,— магнитофон не грохни.

— Не грохну, не беспокойтесь! — ответил Алешка, принимая кожаный чемодан.

— Микрофоном пользуйся, как тебе показывали. Вплотную не ставь.

— Ладно. Не буду.

— От этого микрофонные помехи — вибрация. Зарычит кто или зашипит, чтоб в чистом виде был звук, без помех.

— А разве змеи тоже нужны?

— И змеи и обязательно кинкажу. Говорят, его недавно привезли из Китая. Узнай.

— Узнаю.

— Да, Тобика и Чандра не забудь.

— Не забуду.

По дороге домой Алешка обдумывал, как завтра приступит к работе. Вспоминал номер телефона Леньки Нестерова. А вдруг Ленька не согласится помочь? Ну и не надо! Пойдет в дирекцию и добьется разрешения. Зоопарк — это ведь не только чтоб глядеть, но и научное учреждение. Сборники докладов выпускают: «Суточный ритм в жизни диких животных», «Консерватизм наследственности». Может, не совсем такие названия, но что-то в этом роде.

Придя домой, Алешка отыскал старую записную книжку, а в ней — номер телефона Леньки Нестерова.

Позвонил.

Ленька оказался дома.

«Привет!» «Привет!» Потом то да се. И, наконец, о главном: о зоопарке. «Помогу, приходи,— согласился Ленька.— Найдешь меня в лектории».

Утром Алешка встал пораньше, наскоро позавтракал, подхватил магнитофон — и в зоопарк. Купил в кассе билет и расспросил, где лекторий.

В лектории было тихо. Пахло свежими опилками и зверями.

Посередине лектория стояли на столе две клетки. В одной была морская свинка, в другой — белка.

Перед клеткой с белкой сидел Ленька Нестеров. На коленях лежала раскрытая тетрадь.

На стук двери Ленька даже не оглянулся. Он смотрел то на клетку, то на будильник, который торчал перед его носом.

Алешка кашлянул.

Не замечает.

Алешка окликнул.

— А-а, значит, пришел!

— Значит, пришел.

— Ты вначале без меня. Не могу отлучиться. Я...

Но тут белка начала скакать в колесе, и Ленька, взглянув на будильник, что-то отметил в тетради.

Колесо заскрипело, закрутилось.

— Сходи пока к птицам. Там просто.

В колесе мелькали беличьи лапы и торчком подпрыгивал хвост. Стол трясло. И рядом в клетке трясло морскую свинку.

— Я закончу наблюдения. Придет сменщик, и...

Белка перестала скакать. Колесо остановилось. Морская свинка тоже перестала трястись.

Ленька опять что-то записал в тетрадь.

— Тогда передам дежурство и поведу тебя в слоновник и к хищникам.

— А что ты наблюдаешь? — осторожно поинтересовался Алешка.

Белка вновь запрыгала в колесе. Морская свинка закачалась в клетке.

— Надо выяснить, сколько времени белка крутится, сколько сидит без движения. Разрабатываю доклад.

— А морская свинка на что?

— За ней наблюдает Вовка Мазухин.

— Тоже разрабатывает доклад?

— Конечно. Не мешай. Через час возвращайся.

Алешка отправился к птицам.

Бодрым шагом подошел к первой клетке. Прочитал, кто в ней сидит: «Реполов».

Ну, что ж, можно начать и с реполова.

Энергично шевеля локтями, протолкался к самому барьеру. Поставил на него магнитофон, открыл крышку.

От зрителей посыпались вопросы: что он принес? Зачем принес?

— Буду записывать реполова,— сказал Алешка.— На пленку.

— А для чего? — спросил мальчишка в зеленой вязаной шапке, похожей на чулок с кисточкой.

— Научная работа. Голоса фауны.

Алешке самому понравился ответ: ничуть не хуже суточных ритмов и консерватизма наследственности!

— Это что ж такое? — не понял зеленый чулок с кисточкой.

— Ну, кто как чирикает или рычит,— снисходительно объяснил Алешка.

— А носорог — фауна?

— Да. Травоядная только.

— Я около этой фауны стоял, стоял, а она валяется, как бревно, и храпит.

Алешка вынул микрофон, подключил.

Надо было дотянуться микрофоном поближе к сетке, за которой на срубленном деревце сидел реполов. Невзрачный, серый, чуть побольше воробья.

— Я тебе помогу,— вызвался чулок с кисточкой.

— Держи магнитофон,—согласился Алешка,— а я полезу установлю микрофон.

Реполов дергал хвостом, вытягивал шею, разглядывал мальчишек и заливисто цокал.

Алешка поставил микрофон у самой сетки и вернулся.

— Тишина! — вдруг бодро крикнул чулок с кисточкой.— Идет запись!

Зрители почтительно умолкли.

— Ловко ты! — прошептал удивленный Алешка.

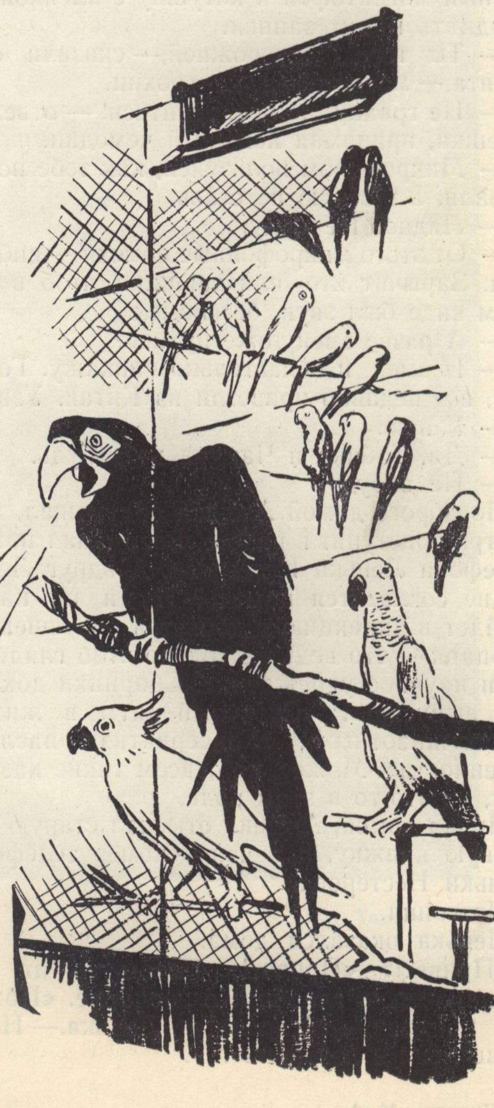
— Я, брат, знаю. Я, брат, в кино снимался. Статистом. Толпу изображал. В «Слоне и веревочке».

Алешка включил магнитофон, повернул рукоятку громкости.

Реполов цокал, посвистывал, тянул от любопытства шею.

Катушка с пленкой вертелась: шла запись.

Алешка считал обороты катушки:

— Один... два... три...

Как только реполов нацокал пять оборотов, Алешка магнитофон выключил. Облегченно вздохнул: первая фауна записана!

После реполова Алешка записал чечеток, золотистую ржанку, пустельгу, зябликов. В блокноте отмечал, кто за кем поет.

Клест растопорщил перья и сердито почесывался, умывался.

— С левой ноги встал,— сказал статист из «Слона и веревочки».— Надо подзадорить.

И он замахал своей зеленой шапкой и состроил рожу.

Клест хлопнул крыльями и закричал: то ли обиделся на рожу, то ли испугался зеленой шапки.

Алешка запустил пленку. Хотя клест и не накричал на все пять оборотов, но на полтора хватило.

Вдвоем работать было весело, и ребята познакомились. Статиста кино звали Митькой, проще — Митяем. Он взялся делать для Алешки в блокноте отметки.

Волнистые попугайчики с голубыми восковицами клювов трещали оглушительно и бесперебойно.

— Трепачи невозможные,— сказал Митяй.— Всю пленку займут.

Большой красный попугай ара так гаркнул в микрофон, что Алешка сразу вспомнил о вибрации и отодвинулся подальше от клетки.

А большой белый попугай какаду молчал.

Алешка и Митяй приготовили кожаный чемодан и начали ждать. Ара все кричал, а какаду долбил клювом яблоко и помалкивал.

К ребятам подошла служительница и взглянула на магнитофон.

— Вы чем здесь занимаетесь?

— Производим запись птичьих разговоров,— ответил Митяй.— Изучать будем. Фауна. Вот он будет,— показал Митяй.

— Работайте, только птиц не волнуйте.

— Таких разволнуешь! — кивнул Митяй в сторону ары и волнистых попугайчиков.— Сам психом станешь!

— А почему какаду молчит? — спросил Алешка.

— Носатый этот,— сказал Митяй.

— Вам он тоже на пленку нужен?

— Обязательно! — подтвердил Митяй.— Нам все нужны, кто чирикает или рычит.

— Тогда приготовьтесь, сейчас он заговорит.

— Мы давно готовы.

Служительница ласково обратилась к носатому:

— Фима, хочешь еще яблоко?

— Квэ! — ответил Фима.— Квэ!

Поблагодарив служительницу, Алешка и Митяй пошли к клеткам, на которых висела табличка «Семейство ястребиных — сип белоголовый, орлан и кондор».

Ястребиные были угрюмыми. Сидели на толстых жердях. Любопытства к ребятам не проявили.

Митяй использовал свой проверенный способ: замахал шапкой.

Кондор не выдержал, рассердился на шапку и подал голос.

Записали.

Сип раздирал когтями мясо. На шапку внимания не обратил.

Тогда Митяй достал поблизости из кустов прутик и, стараясь, чтобы не заметили служители, просунул его в клетку и шевельнул мясо.

Сип мгновенно ринулся к решетке и так крикнул, что Митяй отскочил от клетки и едва не свалил Алешку с магнитофоном.

Прутик сип тут же разломал лапами.

— Не повезло,— горевал Алешка.— Шум твой, когда ты отскочил, попал на пленку.

— Что я! Он мой шум перекричал!

Тут Алешка вспомнил: пора идти к Леньке Нестерову. Он рассказал про Леньку Митяю, и они заторопились в лекторий.

Ленька уже освободился от белки. Дежурил сменщик.

Митяй опять представился как статист «Слона и веревочки».

Ленька не обратил на «Слона и веревочку» особого внимания: он надевал на руку красную повязку с буквами «КЮБЗ».

Ребята вышли из лектория.

Алешка сказал Леньке, что они с Митяем остановились на ястребиных.

— Значит, пойдем в слоновник.

В слоновнике под одной крышей жили слон, тапир, бегемот и носорог. Стояли огромные весы, и лежали запасы сена и березовых веников.

— На что веники? — спросил Митяй у Леньки.

— Слон ест.

— Ну да?! — не поверил Митяй.

— А как же ты со слоном снимался,— сказал Ленька,— и не заметил, что он ест?

— Тот слон не этот был. Тот нажимал на булки.

Ленька договорился со смотрителями, чтобы микрофон позволили подсовывать палкой за ограду, поближе к животному.

Первому микрофон подсунули носорогу.

высказаться о приходе ребят, об автогенной сварке, о соседе по клетке...

Павиан чуть не украл микрофон, а бурый капуцин изловчился и сдернул с головы Митяя зеленый чулок.

Митяй опешил от подобной наглости.

А капуцин напялил на себя чулок и повис на перекладине вниз головой. Кисточка чулка дотянулась до самого пола и обмакнулась в миску с рисовой кашей.

Капуцина долго уговаривали перестать висеть над рисовой кашей и отдать чулок. Но капуцин не соглашался.

Носорог спал и даже ухом не повел.

— Ночное животное,— сказал смотритель.— Днем спит.

— Я же говорил, бревно! — не выдержал Митяй и вычеркнул из блокнота «Номер двенадцать — голос носорога».

Слон тоже был молчалив. Он размахивал хоботом, открывал узкий рот и, переминаясь с ноги на ногу, протяжно вздыхал.

Подсунуть ему микрофон побоялись: еще отнимет... Записали не голос, а громкое дыхание слона.

Бегемот показал себя во всю мощь. Ребята застали его за едой. Он глотал веники и урчал от удовольствия.

— Еще один чудак с вениками! — удивился Митяй.

С тапиром вначале не повезло. Только Алешка включил магнитофон — и тапир начал жаловаться, что он обижен: бегемот ест, а ему еще не дают,— как вдруг маленькая девочка спросила на весь слоновник:

— Мама, это лев?

И пока Ленька убеждал девочку помолчать, потому что она мешает работать дяде— при этом Ленька показал на Алешку,— Алешка пустил пленку назад, стер вопрос девочки и начал запись сначала.

Обезьянник был закрыт. За окнами вспыхивали огни автогенной сварки: ремонтировали клетки.

Выручил Ленька. Он сходил к заведующему и получил разрешение.

В обезьяннике сразу накрутили двадцать оборотов. Каждая обезьяна считала долгом

И только когда взамен чулка служительница предложила ему горсть семечек, он согласился и вернул чулок.

— Да-а, тут гляди в оба,— сказал Митяй, отряхивая шапку от каши.

Но пока он отряхивал и «глядел в оба», макаки вытащили у него из кармана блокнот и карандаш.

Помогли опять семечки.

После обезьян Алешка, Ленька и Митяй выпили по стакану газированной воды и устроились передохнуть на скамейке, возле будки фотографа.

Фотограф снимал в зоопарке детей, сажая их верхом на пони. Родители едва удерживали желающих сидеть верхом, чтобы они соблюдали очередь и не дрались. Ленька сказал, что пони очень старый и живет теперь не в клетке, а в будке фотографа.

Отдохнув, ребята направились к хищникам.

Ленька зашел за барьер, поближе к клеткам.

Время для записи было подходящим: раздавали мясо.

Ленька, Алешка и Митяй перетаскивали чемодан от клетки к клетке. Номер девятнадцатый — ягуар. Номер двадцатый — леопард дымчатый.

Рыкнул лев Чандр, и погавкал его приятель пес Тобик. Они вместе воспитывались с детства и неразлучны до сих пор. Тобик часто спит под лапой льва, уткнувшись носом в гриву. По вечерам Тобика выпускают

из клетки побегать. Чандр тоскует, не ложится спать, ждет. А Тобик бегает по зоопарку и пугает в темноте всех зверей: от него пахнет львом.

Маленький пятнистый оцелот подошел к микрофону, понюхал его, зевнул, ничего не сказал и ушел. Он уже поел и разленился.

Медведь-губач при виде ребят повалился на спину и задрал все четыре лапы.

— Балуется! — строго сказал Ленька.— Очень несерьезный медведь.

Губач начал кувыркаться и колотить себя лапой по животу.

Митяй сказал:

— Веселый малый!

Но голоса медведь так и не подал.

А когда ребята отошли от клетки, он вдруг обиженно закричал.

Тигр поел и крепко спал. Сквозь прутья клетки свесился его длинный хвост.

Ребята долго и терпеливо ждали: тигр не просыпался.

Митяй осторожно подергал его за хвост — не помогло.

— Тоже бревно,— сказал Митяй.— Только полосатое.

— Мне еще кинжаку нужен и змеи,— вздохнул Алешка.

— Не кинжаку, а кинкажу,— поправил Ленька.— Он здесь, за углом. А змеи сидят под стеклами. Записать их невозможно.

— А если вместо змей крокодила?

— Что крокодилы! — ответил Ленька.— Скалят зубы!

— Один тип во Франции приручил крокодила,— сказал Митяй,— и ездит с ним в автомобиле купаться. Я читал.

— Реклама,— пожал плечами Ленька.— Ненаучный подход.

Когда Алешка и Митяй увидели кинкажу, Алешка сказал:

— Медведь с хвостом.

Митяй возразил:

— Нет, обезьяна.

Тогда вмешался Ленька:

— Кинкажу относится к семейству енотов.

Кинкажу спал в гнезде из мятой бумаги и пакли. Его разбудили, и он пронзительно зашипел, завизжал. Он тоже оказался ночным животным и не любил, чтобы его беспокоили днем.

Митяй пришел в восторг, когда узнал, что кинкажу ест бутерброды с вареньем и повидлом, пьет чай и сладкий компот.

— Этот не дурак! Этот знает, что почем!

Научная работа была закончена. В блокноте значилось: двадцать три фауны.

Ленька быстренько распрощался и побежал в лекторий, где прыгала в колесе тема его доклада.

Алешка и Митяй остановились у пруда.

— А как мне быть с тигром?

— Подумаешь! — сказал Митяй.— Давай я за него.

— Что за него? — не понял Алешка.

— Нарычу на пленку. В кино, брат, знаешь, показывают: ручей звенит, а это вовсе и не ручей звенит. Воду из чашки в чашку переливают.

— Ну да?! — усомнился Алешка.

— Спрашиваешь! Или ветер завывает. А это вентилятор крутится. Техника, брат!

— Нельзя. Наши юннаты изучать будут.

— Изучат и не заметят. Ну, хочешь, нарычу? Р-р-р!

— А потом чавк-чавк — и съел кого-то! — улыбнулся Алешка.

Возле старого пони по-прежнему толкались и ссорились желающие сидеть верхом. На пруду плавали казарки и черные лебеди, окунали глубоко головы. Их красные клювы под водой напоминали поплавки.

Алешка и Митяй вышли за ворота зоопарка и тоже распрощались.

Алешка проводил взглядом Митяя, зеленая вязаная шапка которого долго еще мелькала среди прохожих, подхватил магнитофон и зашагал домой.

И вдруг посередине улицы Алешка рассмеялся: он представил себе, что будет в квартире, когда он заведет пленку!

ДУМАТЬ НАДО!

Л. ФРИДМА́Н

НЕОБЫЧНЫЙ ПЛАКАТ

Странный плакат висит в пятом «А». На нем написано: «Думать надо!». Если другие ребята спрашивают пятиклассников, почему они вывесили такой необыкновенный призыв, те отвечают: «А что, разве не надо?». Возразить трудно. Думать, конечно, надо.

Когда в пятом «А» прочитали «Ступени юного пионера», ребята тоже сказали свое любимое «думать надо».

Решили начать вот с чего: самим убирать свой класс. Не очень-то веселое занятие — мыть полы. Особенно, если не умеешь. Пол не становится чистым. Зато ты становишься грязным. Заглянула в класс после уборки нянечка тетя Анюта, покачала головой и пошла за ведром: снова мыть надо.

— Да и то сказать — дети, что с них возьмешь,— задумчиво говорила тетя Анюта. — По одиннадцати лет всего.

— Нам уже по одиннадцати лет,— говорил на следующий день на совете отряда председатель Леня Лоскутов. — Мы уже не дети. Неужели мы не сможем осилить такой пустяк — полы эти несчастные?

Совет отряда решил объявить конкурс на лучшее приспособление для мытья полов: нельзя же в наше время совсем без механизации!

И в классе стали появляться проволочные терки, палки-тряпкодержалки, а Дима Щер-

Лук и стрелы уже приготовлены. Теперь Боря Фоминых, Женя Копылов, Саша Орлов и Володя Макаридин выпилят круг, укрепят на нем фигурки — и тир готов.

баков принес в зеленой бутылке какую-то смесь, «химический состав», как гордо говорил Дима. Состав был приготовлен самим Димой и имел отвратительный запах, но зато моментально смывал чернильные пятна. Оля с Наташей ничего не принесли на конкурс. Но они тоже кое-что придумали: пошли к тете Анюте и попросили ее научить, как надо правильно мыть полы...

В субботу снова делали в классе генеральную уборку и подводили итоги конкурса. Победителями оказались Оля с Наташей, потому что даже самая лучшая тряпкодержалка не поможет, если не будешь часто менять воду и насухо вытирать каждую половицу.

СЮРПРИЗ БУРАТИНО

Детский сад вышел на прогулку. Катаются малыши на санках, бегают, копают снег. Вдруг рев. Что случилось? Не поделили лопатку. И пока воспитательница мирила драчунов, никто не заметил, что пятиклассники Леня Лоскутов и Сережа Бадьев стояли за забором и внимательно наблюдали за малышами.

И опять собрался совет отряда. А уже через несколько дней была создана отрядная фабрика игрушки. Все было, как на настоящей фабрике: директор, цех мягкой игрушки, цех деревянной игрушки, цех настольных игр. Начальники цехов ходили во Дворец пионеров на занятия кружка «Умелые руки» и все знания, что получали там, несли в отряд.

В одно морозное утро малыши вышли во двор и удивленно раскрыли глаза: в центре двора кто-то воткнул в снег двадцать новеньких лопаток. Рядом сидел деревянный человечек, знакомый всем малышам на свете,— остроносый озорник Буратино. Он хитро улыбался, и всем было ясно: уж Буратино-то знает, в чем тут вся штука!

А штука в том, что не любят пионеры пятого «А» обыкновенных дел. И даже дела обычные они превращают в интересную игру, в смешное приключение или тайну. Конечно, можно было просто сделать и раздать эти лопатки малышам. «Мероприятие» было бы проведено. Но это было бы скучно. А вот отрядная фабрика игры и игрушки — интересно. Игрушки, положенные на снег потихоньку, на рассвете, так, чтобы никто не видел,— увлекательно.

ПРОЖИВЕШЬ ЛИ БЕЗ НАХАЛЬСТВА?

Леня Лоскутов предложил своему тезке Лене Ерофееву:

— Давай с тобой приготовим для утренника сценку по басне «Кот и Повар».

— Только, чур, я Кот,— быстро сказал Леня Ерофеев.

— Ладно. Пожалуйста.

— Только, чур, еще одно условие,— не унимался «Кот». — Ты принесешь на утренник настоящего цыпленка.

— Какого еще цыпленка?

— Жареного. Которого Кот в басне ест. Забыл? И еще пирог. Я с капустой больше всего люблю.

— Ну и нахал же ты все-таки!

— Без нахальства не проживешь!

— Ты правда так думаешь?

— А что? — Леня беспечно усмехнулся.

Пустячный разговор, о таком можно забыть через пять минут. Но не напрасно, выбирая Леню Лоскутова председателем совета отряда, ребята говорили:

— Он выдумщик. И еще он каждого человека насквозь видит.

Вот и Леню Ерофеева председатель видел «насквозь». Самым главным недостатком Лени было то, что он не умел стесняться, когда ему что-нибудь было нужно. Леня не стеснялся ни с товарищами, ни со старшими. Он требовал, настаивал, упрашивал... И все это только для себя.

Нет, это не нечаянно сказал Ерофеев: «Без нахальства не проживешь!»

Леня Лоскутов посоветовался с ребятами. Как же так: отряд у них дружный, вся дружина так считает, а вот такой человек рядом... Что же они, будут смотреть и молчать? Нет. И вот пятый «А» проводит сбор на тему «Можно ли прожить без нахальства?»

Говорили о смелости, о скромности, об умении постоять за себя.

Леня Ерофеев сказал, что человек застенчивый, робкий всю жизнь будет в тени, «последним в очереди».

— Это если вокруг будут нахалы и проныры! — крикнул Сережа.

— Верно! — сказали Оля с Наташей.

— Нет, неверно,— встал Володя. — За себя тоже надо уметь постоять!

— Ага, что? — обрадовался Леня. — Вот и я говорю: нечего уши развешивать!

— Подождите, ребята, ну что вы все в одну кучу свалили? — сказал Леня Лоскутов. — Умение постоять за себя — это вовсе не нахальство. И никто не говорит, что надо быть «лопухом». Но, с другой стороны, и «лопухи» разные бывают. Вот Сережка слова громко не скажет, краснеет чуть что. Мы же сами его девчонкой в прошлом году дразнили, помните? Вон он и опять покраснел, поглядите. А я все-таки расскажу про один случай. Когда мы фабрику игрушки организовали, нужна была фанера. И пошли мы с Сергеем во Дворец пионеров просить несколько листов. А там в кружке «Умелые руки» сидит какая-то тетенька строгая. Я к ней подхожу, а Сережка за моей спиной жмется. Объяснили, зачем мы пришли. Она отказала. «Каждый,— говорит,— так может попросить».

Вдруг, смотрю я, Сережка выступает вперед и громко говорит: «А мы не каждые. Мы просим не для себя, а для отряда. Понятно вам?».

Я прямо остолбенел: не узнаю Сережку. А он покраснел и говорит: «К директору пойдем, если не дадите».

И пошел к директору. Я его уговаривал: да брось ты... Так он один пошел. И фанеру мы получили.

Ребята дружно захлопали.

— Вообще-то, Сергей вел себя как будто и нахально,— закончил Леня. — А мне почему-то нравится.

— Потому что он старался не для себя, вот почему,— сказал Володя. — И это вовсе не нахальство, а настойчивость.

— Вот то-то и оно. По-моему, как раз в этом все дело: не для себя, а для всех.

— И у взрослых так бывает,— сказал Володя. — Вот Александр Петрович, наш учитель. У него нет квартиры, он на частной живет. Мог бы он добиться для себя квартиры? Мог. Сколько лет в школе работает, и семья у него большая! А вот не хочет о себе хлопотать, вроде стесняется. Но когда для других надо, он не стесняется, тут уж он всех на ноги поднимет. Помните, как у Ерофеева бабушке пенсию неправильно назначили? Тогда Александр Петрович весь Свердловск обошел, у самых главных начальников побывал, а правды добился. А что, если разобраться, Леня, твоя бабушка — чужой для него человек, чего бы он старался для нее?

Леня молчал. О чем он думал?

«СТАЛО СОРУ МЕНЬШЕ...»

Во многих отрядах есть свои кукольные театры. Где хорошие, где похуже. Кукольный театр пятого «А» — особенный. Когда решили создать его, было много вопросов. Вопросы были разные, а ответ на все один:

— Кто сделает кукол?

— Сами.

— Где взять пьесу?

— Сами напишем.

— Про что?

— Да про себя же.

— Интересно... Но трудно.

— Трудно. Но ведь зато интересно.

Зрители никогда не догадываются, как трудно рождается спектакль. Да зрители и не должны этого знать. Их дело — смотреть, следить за действием, смеяться, где положено, а где положено, плакать.

Зрители, правда, не плакали, но уж смеялись от души: и над тем, как списывают друг у друга Оля и Наташа, и над Леней, который из-за ерунды подрался с Сережей, и над Димой. У куклы, игравшей Диму, было два лица. Одно лицо приветливое, вежливое, другое — хмурое, злое.

Почему ребята изобразили Диму двуличным? Это была целая история. Однажды Сережа Бадьев предложил:

— Давайте проверим, кто из нас смелый, а кто нет.

— А как?

— Ну вот хотя бы так. Сегодня суббота. Давайте каждый расскажет прямо, сразу, какие нехорошие поступки он совершил за неделю. У кого хватит смелости?

Ребята зашумели.

— Это прямо как в церкви, на исповеди,— сказал Ерофеев. — Мне бабушка рассказывала.

— Сравнил, «на исповеди»! — засмеялся Леня Лоскутов. — Там один поп, а тут перед всем классом...

— Ну что, слабо́? — подзадоривал Сережа. — Что же вы?

— А сам?

— Пожалуйста, скажу. — Сережа помолчал. — Я подрался на перемене с Леней Лоскутовым, хотя мы оба в совете отряда. И еще, когда мама уезжала в командировку, я каждый вечер бегал на каток, а сам обещал маме, что не буду так часто.

молчать? Нечестно. Дошла очередь до Димы.

— Я ничего не могу припомнить, — смущенно сказал он.— Нечего даже рассказать.

— Вот здорово! — засмеялись ребята.—Димка у нас образцово-показательный.

И правда, какие у Димы могут быть плохие поступки? Отличник, активист, начитанный, вежливый.

А в понедельник в школу пришла Димина бабушка. Она жаловалась на внука:

— В школе-то он, я знаю, хороший, аккуратный, обходительный. А домой придет — грубит, кричит на всех.

Ребята узнали об этом.

— Смотрите, вот он, образцово-показательный! — крикнул Володя, когда Дима на другой день пришел в класс.— Ну и тип!

Дима покраснел.

— Мы перед ним душу открываем, а он...— ребята заговорили, перебивая друг друга,— никакой вины за собой не знает! Товарищам наврал!

Когда ребята немного утихли, Леня сказал:

— Мы теперь над тобой шефство возьмем, как над самым отстающим, домой к тебе ходить будем, у бабушки спрашивать, как ты ведешь себя. Попробуй только еще хоть одно грубое слово ей сказать, уж мы тебя проучим!

Толя Дмитриев, Сережа Бадьев и Леня Лоскутов делают кукол для спектакля «Терем-теремок». Ребята готовятся к выступлению в детском саду.

— А я тоже скажу,— вдруг храбро заявила Наташа. — Я сказала дома, что иду к Оле, а Оля сказала, что идет ко мне, а сами мы были в кино.

— А я тоже вчера наврал,— сознался Вова,— сказал на русском, что тетрадь забыл, а на самом деле просто упражнение не написал.

У всех нашлись «грехи». Неприятно было рассказывать о них при всех, но что ж поделаешь: другие признаются, а ты будешь молчать?

Дима молчал. Оля с Наташей подошли к нему и сказали:

— Двуличный ты, Димка!

...Так в кукольном театре появилась кукла с двумя лицами. Одним лицом она поворачивалась к публике, а другим — сердитым и хмурым — к бабушке. В зале смеялись все, кроме Димы. Ему было не до смеха...

Пьеса называлась «Выносим сор из избы». В песенке, которую пел главный герой, был такой припев:

Стало сору меньше,
Стала изба чище.

ПО ЦЕПОЧКЕ

Вечером в квартире у Сережи Бадьева зазвонил телефон. Взволнованный голос Оли сказал:

— Собираемся по цепочке. Чье звено скорее. Беги к Саше. Мы с Наташей к Володе — и в школу.

По вечерним улицам стремглав летели ребята. Чье звено соберется раньше? Это была проверка «боевой готовности». Оказалось, лучше всех собирается по цепочке второе звено.

— Да, они хитрые,— не сдавался Леня Ерофеев.— Телефоном пользовались!

— А тебе кто не велел? — смеялись ребята из второго звена.

— Не догадался.

— Думать надо! — дружно крикнуло несколько голосов.

— Ребята! — предложил председатель Леня Лоскутов. — Давайте в воскресенье соберемся с утра, тоже по цепочке, и за город, на лыжах, а?

...Заснеженные ели хмуро стоят по сторонам. Длинной цепочкой шагают ребята. Куда они пойдут? Пока неизвестно. Но ясно, они свернут с накатанной лыжни и найдут свой маршрут, поинтереснее.

г. Свердловск, школа № 45.

«СЕВЕРЯНКА» В ПОДВОДНОМ ЦАРСТВЕ

(К рисунку на обложке)

«...Через иллюминаторы мы видели, как от бортов подводной лодки отскакивают огненные шары. Так светились крупные медузы, сталкивавшиеся с корпусом судна. Вскоре нам довелось повстречаться со странным морским животным, названия которого никто из участников экспедиции не знал. Редкая представительница морской фауны имела прозрачное тело, напоминающее собой лилию. Ее тонкие лапы были покрыты пятнами...»

Это не отрывок из фантастического романа. Это просто строчки из записной книжки В. Г. Ажажы — начальника экспедиции советской научно-исследовательской подводной лодки «Северянка».

По отвесному трапу мы спускаемся в сердце корабля — в центральный пост. Мягкий свет матовых плафонов заливает помещение. Яркие блики лежат на штурвалах вертикального и горизонтальных рулей, при помощи которых лодка удерживает заданную глубину и направление, на толстой трубе перископа, на стеклах бесчисленных приборов. Здесь сосредоточено управление кораблем.

Вот, шумно выдохнув из цистерн воздух, лодка ныряет в глубину. Через круглые стальные двери проходим в отсек, где установлено научное оборудование, приборы. Отсюда ведутся все наблюдения за подводным царством.

По левому и правому бортам в обшивке корабля прорезаны иллюминаторы. Их толстые, броневые стекла выдерживают огромное давление. Рядом с иллюминаторами установлены подводные прожектора. Повернешь ручку реостата — и голубые лучи выхватят из темноты рыб, крылатых моллюсков — «морских ангелов», крошечных прозрачных рачков — «черноглазых».

— Так,— скажет ихтиолог Д. В. Родаков,— в этом районе должны быть косяки. Пищи для рыбы много...

Такой же иллюминатор с прожектором имеется и на подволоке отсека, чтобы наблюдать, что происходит над кораблем. А наблюдения впереди по курсу ведутся с помощью подводного телевизора.

Много интересных, сложных приборов установлено на «Северянке». Есть специальные гидроакустические станции, которые обнаружат рыбью стаю, где бы она ни находилась: над лодкой, под нею или совсем в стороне. Есть специальные приспособления для взятия пробы грунта.

...Глубина погружения увеличивается. Лодка освещает морское дно прожекторами. Геолог Д. Е. Гершанович внимательно рассматривает сквозь иллюминатор темный песок, белые раковины, пятнистые камни.

— Стоп! — говорит он.— Вот интересное место. Нужно взять пробу.

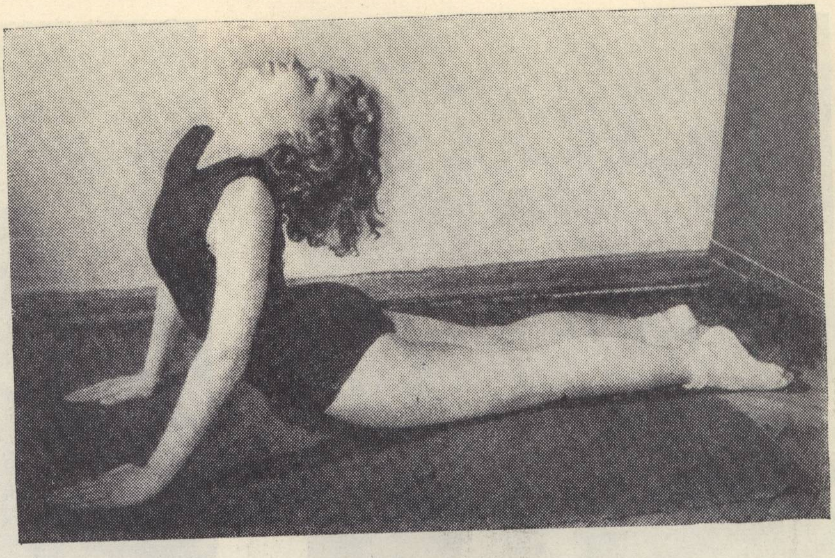
От борта «Северянки» отделяется стальной стакан, захватывая частичку морского дна.

Есть в отсеке прибор, который записывает... пение рыб. Да, пение. Знаете ли вы, что рыбы «поют», и каждая по-своему? Сельдь цокает, как конница по мостовой, акулы свистят разбойным посвистом...

Наблюдения ученых с борта первой в мире научно-исследовательской подводной лодки «Северянка», собранные вместе, помогут нашим рыбакам увеличить добычу и в то же время разработать такие способы лова, которые будут способствовать сохранению рыбных богатств морей.

Тимур ГАЙДАР

СПОРТ

Мильви Раассалу никогда не пропускает зарядку.

Утром, в шесть тридцать!

Фото С. Розенфельда.

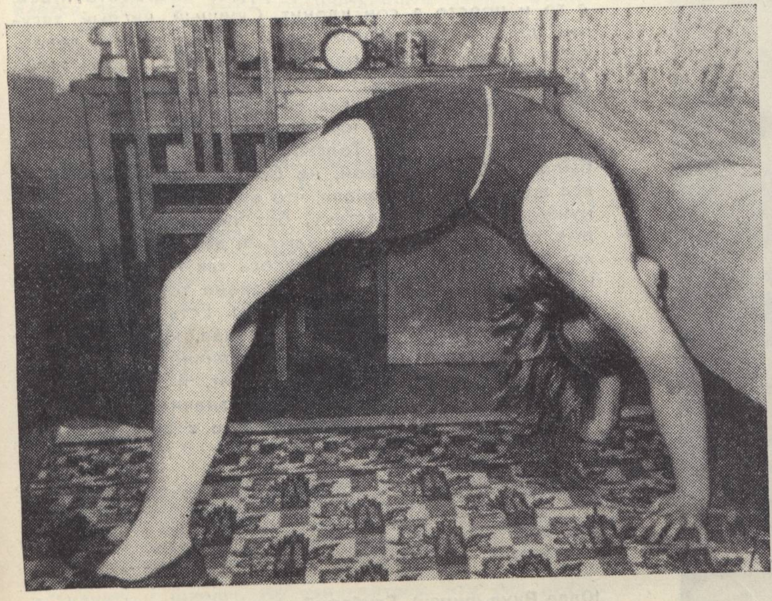
РЕПОРТАЖ ИЗ ЗВЕНА

Зимой в это время просто совсем темно, а сейчас — в апреле — солнышко светит над высокими крутыми крышами Таллина, но и зимой и в апреле звено Ины Сандер в этот час уже не спит. Все встали на зарядку.

Есть в этом что-то удивительно приятное: знать, что твои товарищи вместе с тобой, даже когда они отделены стенами домов, улицами, переулками. Что ж, что отделены! Звеньевая Ина Сандер знает: каждая пионерка звена у себя дома уже соскочила с постели, распахнула окно и начинает зарядку.

Юлле Рууд, у которой тесновато, сдвинула подальше в угол стул и открыла окно.

Мээли Кыверик не открывает окна, потому что она всегда, даже зимой, спит с незакрытым окном. Встав, она поворачивает регулятор громкости у репродуктора, и в комнату льется музыка, призывающая к началу зарядки.

Не всякий сделает такой мостик, как Ренита.

Эне Рааг тихонько окликает отца:

— Папа, ты как? Готов?

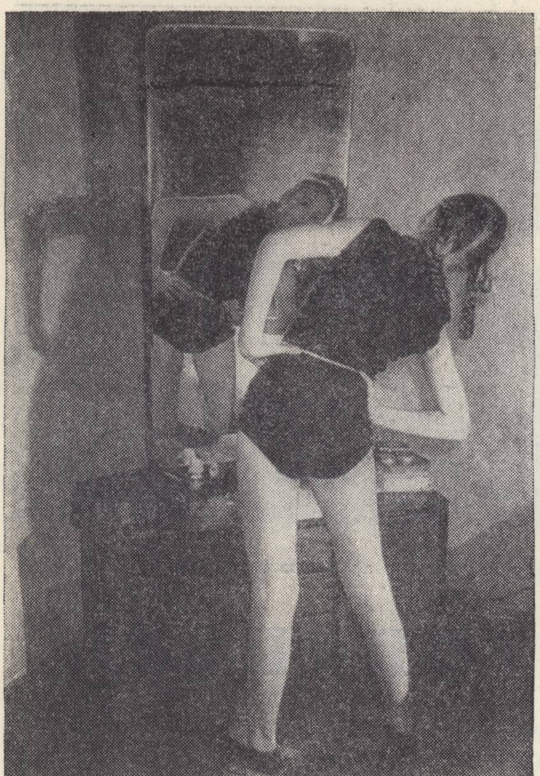
И так каждое утро звено на зарядке. Не сразу это у них получилось. Не в один день, не в один год завели они хорошую привычку делать гимнастику и обтираться водой.

Эне Рааг уже давно делает гимнастику вместе с отцом. Они и на лыжах вместе ходят! Тийю Рельвик начала со второго класса, Ренита Тимак — с первого, Мильви Раассалу — с третьего. Это, так сказать, пионеры гимнастики в пионерском звене. Остальные последовали их примеру.

— Все без исключения? Никто никогда не пропускает, девочки?

Если вы зададите этот вопрос, звено ответит честно:

— Только Мильви Раассалу никогда не пропускает. Как начала три года назад делать гимнастику, так ни разу в жизни и не пропустила. А остальные иной раз и пропустят. Даже со звеньевой, с Иной Сандер, это может случиться. Чаще всего виноваты интересные книжки или телевизор. Зачитаешься, засмотришься, и вот

Ина Сандер, звеньевая, включила радио. Раз, два, три! Сгибание корпуса вперед вниз.

уже поздний вечер. А утром так трудно вставать, так хочется поспать еще хоть полчасика! И пропадают как раз те самые полчаса, которые нужны на гимнастику.

Как же проходит этот день, который начат без гимнастики, начат со скидкой на свои слабости и «грешки»?

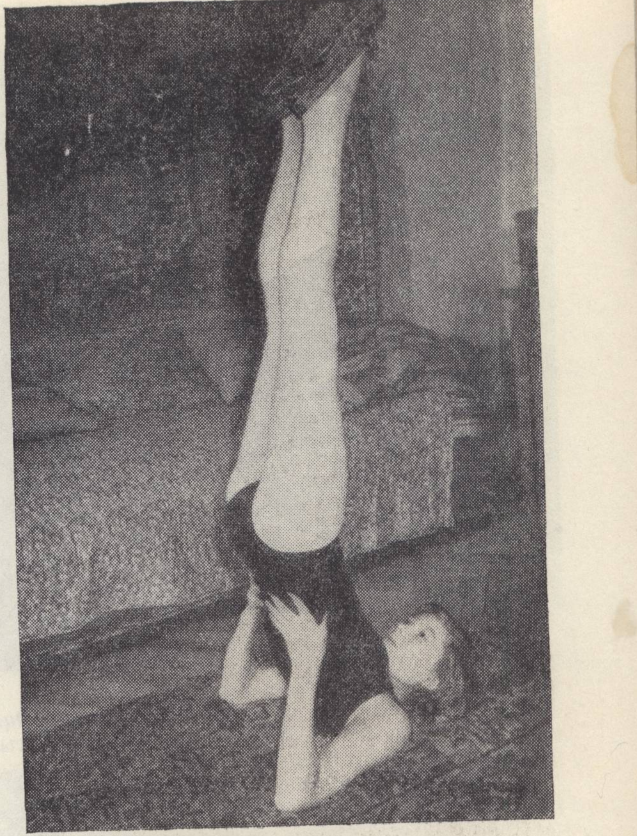
Оказывается, плохо проходит. Нет бодрости. Все из рук валится. На уроках трудно сосредоточиться, а то и просто в сон клонит. Скучный, кислый, тягучий день. Испорченный день. Лучше уж не делать себе скидки, чтобы поменьше было в жизни таких дней... А ведь вопрос тут в характере, в сильной воле. У всех перед глазами Ренита Тимак. Ренита Тимак до четвертого класса была очень толстой. Это у нее от болезни. Толстой Рените просто трудно было не быть ленивой, не быть неповоротливой. И все же, когда она узнала, что ей нужно, обязательно нужно делать гимнастику, без пропусков, без скидок, она стала ее делать каждый день. Вероятно, никому в звене это не доставалось так тяжело, как Рените Тимак. Но теперь нет в звене толстой, медлительной, неповоротливой Рениты. Есть совсем другая, неузнаваемая Ренита — сильная, крепкая, энергичная девочка. Она и учится отлично, и в звеньевых делах ни от кого не отстанет, и на лыжах не хуже других. А это уже немало значит, потому что отряд по лыжам на первом месте в школе, и луч-

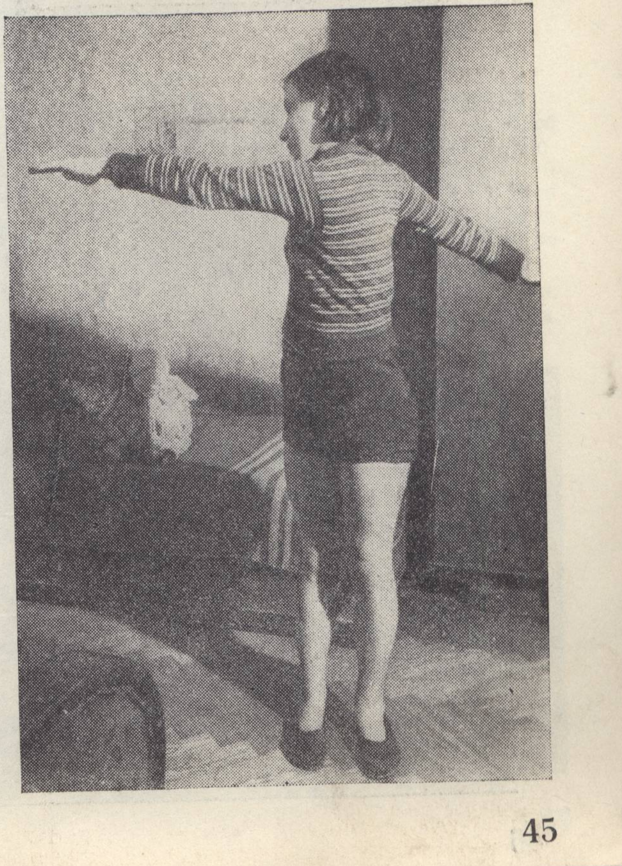
Эне Рааг (вверху) перед зеркалом. Полезно иногда посмотреть со стороны, правильно ли получается.

Юлле Рууд (внизу). Глубокий вдох с откидыванием корпуса назад.

Мэли Кыверик делает приседания.

шие лыжники отряда именно здесь, в звене: Хелле Ниглас и Эне Рааг.

Звено теперь поняло: то, что может Ренита Тимак, то, что может Мильви Раассалу, могут все. Не делать себе скидок!

И все же это самое обыкновенное пионерское звено. К чести эстонских пионеров, таких звеньев много можно найти в пионерских дружинах Таллина, да и по всей Эстонии. Но именно потому рассказывается здесь о самом обыкновенном звене, чтобы вы, пионеры других обыкновенных звеньев, подумали: «То, что могут они, можем и мы».

Вот они здесь перед вами, на фотографиях. Посмотрите на них. Они пришли сюда, на эти страницы, научить вас упражнениям своей зарядки. Мильви Раассалу показывает отжимание на руках верхней половины корпуса. Ренита Тимак делает мостик. Эне Рааг — попеременное сгибание корпуса в стороны. Юлле Рууд — глубокий вдох с отведением рук в стороны. Ина Сандер — сгибание корпуса вперед. Мэли Кыверик — приседания. Тийю Рельвик — поднятие выпрямленных ног и корпуса из положения «лежа на спине». Хелле Ниглас — попеременные повороты корпуса в стороны.

То, что могут они, может всякий. Раз... два... три... На зарядку становись!

Е. Рябова

Никто не подумал бы, глядя на невысокую тоненькую Тийю Рельвик (вверху), **что она такая сильная. Это не просто — поднять свой корпус в стойку на плечах!**

Хелле Ниглас (внизу) **— лучшая лыжница звена, отряда, а значит, и школы. Не удивляйтесь, что она делает зарядку в свитере. Хелле совсем недавно болела гриппом.**

ФОТОКОНКУРС «ПИОНЕРА»

Мне четырнадцать лет. Фотографией я занимаюсь с начала этого года. Посылаю вам свою фотографию «Юные рыболовы».

Александр Тарасов,
деревня Пахна,
Ярославской области.

Дорогой «Пионер»!

Посылаю тебе на конкурс свой снимок, сделанный фотоаппаратом «Смена». Летом мы ездили на прогулку по каналу Москва — Волга. Там наши ребята играли в футбол. Я их сфотографировала во время спора и назвала свой снимок «Спорный момент».

Лариса Савельева,
г. Москва.

Дорогая редакция!

Посылаю вам снимок змеи медянки. Я назвал его так: «Среди брусники можно встретить и такую «ягоду».

Володя Милованов,
г. Кировск.

«На пришкольном участке».

Фотография *Оли Селезневой,* г. Сталинград.

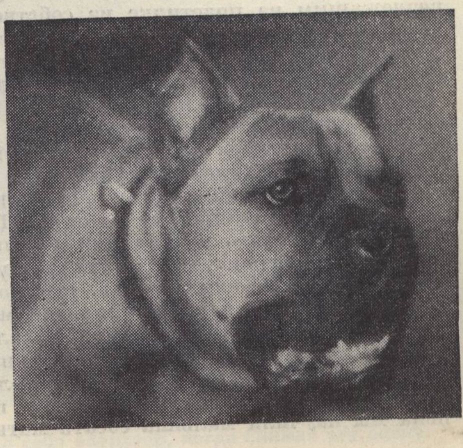

Дорогая редакция!
Посылаю вам свой снимок «Дорога в лесу».

Ира Семибратова, г. Москва.

Дорогая редакция!
Я уже давно занимаюсь фотографией и решила послать вам фотографию, которую я считаю самой удачной. На снимке мой пес Бен, породы «боксер». Я его очень люблю и сама дрессирую. На городской выставке Бен получил золотую медаль. Он у меня медалист!

Ира Оболенская, г. Москва.

С киноаппаратом за тигром

Солнечный зимний день. На поляне, вытянувшись в струнку, напряженно замерло несколько косуль, только уши чуть шевелятся. Звонкая тишина. Вдруг сигнал вожака — и косули исчезают, подняв облако серебристой снежной пыли. На поляну выходит тигр. Огромная усатая голова, бархатистое полосатое тело, легкие, пружинистые шаги — он очень красив, этот уссурийский житель, и очень встревожен. Причина его тревоги — охотники. Не скрываясь, идут они по следу зверя.

А это что такое? Тщательно замаскированный киноаппарат и люди, неподвижно лежащие в снегу около него. Оказывается, здесь идет киносъемка художественного фильма «Звероловы».

До того, как начать съемки, долго пришлось искать актера на главную роль молодого охотника-зверолова Егорова. Он должен был быть хорошим актером и сильным, смелым и выносливым человеком: ведь ему предстояло скакать на коне, лазать по горным кручам, переплывать озера, вступать в единоборство с пеликаном, бороться с хищной рысью, идти с рогатиной на тигра. Наконец после долгих размышлений и споров был выбран актер И. Савкин. Многие из вас, ребята, знакомы с ним по фильму «Огненные версты».

Довольно сложные «роли» пришлось «исполнять» в фильме и диким зверям.

Очень хорошо держалась перед киноаппаратом белочка, которую вы видите здесь, на цветной вклейке. А вот любопытные сороки, которые стаями носились над нами, мешали нам, сигнализируя лесным жителям о нашем приближении; едва заслышав стрекотание киноаппарата, моментально улетали. Часами приходилось сидеть неподвижно с аппаратом, пока удалось снять несколько интересных «сорочьих» кадров.

Однако, когда окончательно монтировалась картина, эпизоды с участием белочки и сороки пришлось выбросить. Вы их в картине не увидите; только в сцене преследования тигра вы услышите скрипучий голос сороки.

Зверей-«актеров» нам привозили издалека, и при съемке их было немало неожиданностей. Однажды из Ленинградского зоопарка был доставлен на самолете густошерстный красавец тигр. И можете себе представить наш ужас, когда утром мы увидели его возлежащим на подстилке из собственной шерсти. Нервная система тигра не вынесла путешествия на самолете, вся шерсть у него на боках вылезла. Конечно, тигра нельзя было снимать.

Большая часть фильма снималась в дальних, очень сложных экспедициях.

После зимних съемок в уссурийской тайге мы отправились в Киргизию. Сценарист А. Жадай и несколько работников съемочной группы превратились в охотников за сайгой. Два месяца пришлось работать под палящим солнцем.

Новый четвероногий «актер» — сайгачонок — принес новую неожиданность. Его поймали для съемок совсем маленьким и выкормили с помощью соски. Предстояло снять, казалось, совсем простой кадр — мать кормит сайгачонка. Но наш сайгачонок всю жизнь пил молоко только из бутылки с соской. Пришлось немало повозиться, пока мы научили малыша сосать мать.

Пришлось нам переучивать и беркута, чтобы снять нападение его на притаившегося в высоком ковыле сайгачонка. Обычно эти хищники бросаются только на бегущих животных.

Вскоре после окончания съемок в степи съемочная группа была переброшена на южный берег гигантского высокогорного озера Иссык-Куль. Пробираясь на лошадях по труднопроходимым ущельям, несколько дней искали мы гнездо беркута, которое можно было бы снимать с небольшого расстояния. Наконец на крутом склоне ущелья Джеты-Огыз гнездо было найдено. Оператор с трудом вскарабкался на противоположную сторону ущелья и установил там аппарат. Замаскированный ветками, он сидел в засаде несколько дней, пока наконец беркут решился опуститься в свое гнездо с добычей. Этот момент и был снят оператором.

После длительной подготовки под руководством опытных альпинистов начались съемки сцены, в которой актер спускается к гнезду беркута за птенцом. Очень трудно было спускаться по отвесной скале, но взять беркутенка так и не удалось: гнездо скрывалось глубоко под навесом скалы, и дотянуться до него не было никакой возможности. У маленького беркутенка, еще совсем не умеющего летать, уже проявился орлиный нрав: перья на его голове свирепо ерошились, и он грозно шипел на приближающегося к гнезду «охотника».

А в это время далеко от Иссык-Куля, на заросшем камышом соленом озере Ала-Куль, шла съемка многотысячных колоний пеликанов.

Не очень-то приятно было актерам сидеть в воде от восхода до заката солнца с перерывом только на обед. Донимали тучи комаров; спастись от них можно было лишь в наглухо закрытой палатке. А к тому же пеликаны оказались птицами со скверным характером. Их тяжелые клювы то и дело гуляли по головам актеров.

Потом съемочная группа отправилась снова в горы. Последние съемки шли высоко в горах. Надо было спешить: приближалась зима, и каждый день мог выпасть снег. А лов дикобразов, по сценарию, должен был происходить «золотой» осенью. И вот однажды утром площадка, где жила пара дикобразов, покрылась толстым слоем снега. Пришлось срочно восстанавливать «осеннюю обстановку»: в ход были пущены веники и лопаты, пришлось привезти зеленого дерна, веток деревьев с еще не опавшими листьями. Актеры снимались в последних кадрах «осеннего эпизода», стараясь не дышать, чтобы не был виден пар, идущий изо рта.

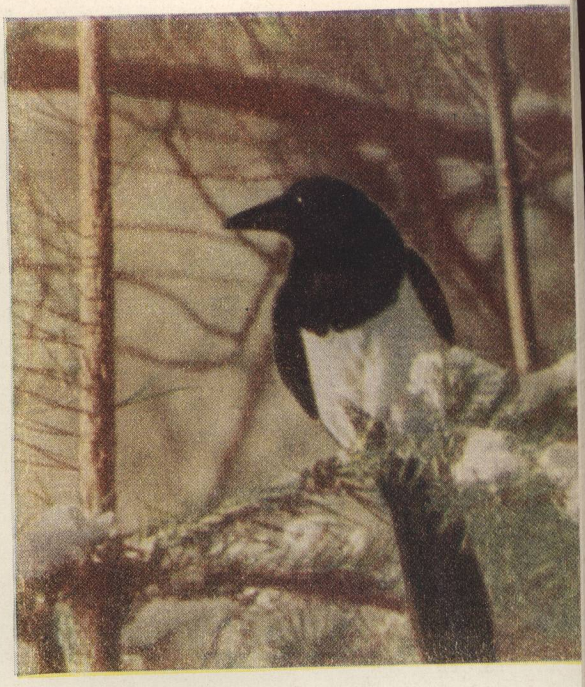
Наконец съемки закончены. После целого года странствий участники фильма вернулись домой, а наши четвероногие «актеры» — жители тайги и степей — получили удобные квартиры в зоопарках.

Много километров пленки привезла с собой съемочная группа.

Трудная работа закончена. Фильм «Звероловы» вышел на экраны. Посмотрите его и напишите, понравился ли он вам.

Кинооператор **Г. ХОЛЬНЫЙ**

Белочка оказалась отличной «актрисой», зато непоседа сорока доставила много хлопот...

Кадры из фильма

«ЗВЕРОЛОВЫ».

По правде сказать, не очень-то хорошо чувствовал себя оператор, когда снимал эту сцену: ведь тигр мог кинуться не на собак, а на него.

Нужна была немалая храбрость и ловкость, чтобы спуститься по отвесной скале к гнезду, в котором сидит беркутенок.

Нелегко было научить сайгачонка тянуть молоко из бутылочки.

При виде киноаппарата беркутенок весь взъерошился и грозно зашипел.

ОДНО ОЧКО

Я попала в новую для себя страну — Чехословакию. Случалось мне бывать за границей и прежде, но то было во время войны, когда и страны, и города, и сами люди, взрослые и маленькие, были совсем иными. Вот как не похож на себя луг под проливным дождем, когда — знаете? — нещадно колотит каждую травинку... Сейчас был мир, покой, и я могла увидеть самую настоящую и обыкновенную жизнь: красивые мосты висели над рекой Влтавой, по фасадам высоких домов цеплялись красные листья дикого винограда, а в садах, дозревая, румянились яблоки.

По целым дням я ходила по Праге, разглядывая ее площади и старинные памятники, заходила в музеи или бродила по тенистым аллеям, где утром старушки с корзинами подбирают упавшие каштаны.

Очень красивый город — Прага! Но одна была у меня беда: я совсем не знала языка, не думала, что придется попасть сюда, и не выучила заранее. Поэтому город, который я хорошо знала глазами, так и оставался для меня загадкой.

Среди первых знакомых, которые у меня появились, оказались две девочки: Аленка и Петруша, две сестренки. Знакомство наше произошло самым непредвиденным образом.

Однажды, когда я была дома, раздался звонок. Я отворила дверь, но на площадке никого не было. Решив, что кто-то пошутил, я стала было затворять дверь. И вдруг прямо над моим ухом звонок затрещал снова. Представляете себе? Дверь открыта, я ясно вижу пустую площадку, лестницу, черную кнопку звонка, а над ухом — дзинь-дзинь! Конечно, я не верю ни в какие привидения, но, согласитесь, это все-таки очень странно, когда звонит сама пустота.

Бегом я спустилась вниз, чтобы спросить кого-нибудь, что же это значит. И внизу, у подъезда, увидела двух маленьких девочек, которые добросовестно нажимали на небольшой доске одну и ту же темную кнопку. Ах, черт! Как же я могла забыть, что внизу у парадной двери тоже есть звонки в каждую квартиру! Но зачем этим девочкам звонить мне? Вскоре оказалось, что и звонили они вовсе не мне, а в свою квартиру, но надписей над звонками еще не было: мы живем в новом доме,— и девочки ошиблись. Вот и все.

Так мы познакомились.

Девочки были славные. Аленке, смуглой, черноглазой, веселой, шел седьмой год, она уже ходила в школу. А Петруша сидела дома, играла в куклы. Она всегда о чем-нибудь думала, маленькая Петруша, и глаза у нее, большие, голубые, были задумчивы, будто она все время решает какую-то задачку. Она ничем не походила на Аленку: волосы у нее были светлые, немного лохматые, она как раз переживала тот неприятный момент, когда для косичек они еще коротки, а стричь жалко, потому что должны вот-вот отрасти... Однако зачем мне рассказывать о внешности Аленки и Петруши, когда вы сами можете увидеть их на фотографии. Вон они, видите?

Как-то мама Аленки и Петруши позвала меня пойти вместе с ними гулять. В городе был праздник. Мы проехали четыре остановки на трамвае, и я увидела на месте старого пустыря огромную, веселую ярмарку.

Я такой еще никогда не видела. Чего-чего здесь только не было! Огромные, ярко окрашенные качели взлетали вверх и вниз, быстро вертелась карусель с головой зеленого дракона впереди. Клоун зазывал ребят на лотерею и показывал, каких замечательных мишек и кукол они могут выиграть в одну секунду. На круглой площадке в маленьких автомобилях разъезжали сразу заважничавшие автомобилисты — мальчики и девочки. А неподалеку какой-то малыш, сидя на кротком сереньком пони, отчаянно вопил каждый раз, как пони проходил по кругу мимо его мамы; малышу, наверно, казалось, что он уезжает от нее насовсем.

Хлопали пистоны в тирах, в маленьком павильоне желающие набрасывали деревянные обручи на выставленные игрушки. На что сумел набросить, то и бери!

Музыка в репродукторах трубила веселые марши, и если б я была в возрасте Аленки и Петруши, то, наверно, никогда бы и не ушла с такой веселой ярмарки.

Ох, сколько здесь было соблазнов! Маленькие витые позолоченные колечки для девочек, брошки с яркими камешками, «чертики», лотки с лакомствами: гроздья золотого винограда, тяжелые груши, длинные разноцветные конфеты, мягкие, вроде нашей пастилы, леденцы, розовые облачка какой-то сладкой ваты. Здесь, кажется, можно было купить все, что только пожелаешь.

Но беда была в том, что у нас — у меня и у мамы девочек — не оказалось с собой денег. И поэтому мы купили девочкам только по длинной конфете и по маленькому колечку.

Аленка и Петруша, мои знакомые девочки из Праги.

Девочки, однако, не жаловались: они были терпеливы. Они шли среди толпы других ребят, нагруженных уже до отказа всякими лакомствами и игрушками, и только поглядывали потихоньку на свои колечки. Но мне все-таки было жалко их, особенно Аленку, которая то и дело отставала от нас, разглядывая кукол, и, словно завороженная, не могла сдвинуться с места.

И вдруг меня осенила одна мысль,— мы как раз проходили мимо тира. Во время войны я недурно стреляла. Что, если попробовать? Случалось мне попадать и в движущиеся мишени, а эти ведь неподвижны. Рискнуть? Вдруг да в самом деле я выиграю одну из тех блестящих кукол, которые манят к себе Аленку?

Мы подошли и протиснулись к самому прилавку. Там было полным-полно народу, особенно же мальчишек. Стреляли пистонами. «Три выстрела — две кроны». «Три выстрела — три кроны». Я долго не могла разобрать, из какого ружья выстрелы стоят три, а из какого — две кроны, и поэтому стояла, не решаясь взять ружье. У меня было как раз ровно две кроны.

Так я топталась у прилавка. Ружье подавал старичок, вернее, старик. Он был доволь-

но сурового вида, седой, с крепкой осанкой, в вязаной куртке с отложным воротником, один из тех, какими бывают к старости моряки,— может быть, в прошлом охотник. Он взглянул на меня:

— Ну?

Я протянула деньги.

— Так?

— Ано, ано,— кивнул головой старик и подал ружье.

Девочки замерли.

Метилась я недолго, потому что, если долго метиться, можно сбить дыхание. Выстрелила, и пистон, украшенный пышным султанчиком, влетел в черное яблочко, только не в десятку, а чуть-чуть пониже, справа. Не меняя положения, я выстрелила снова, и опять султанчик закачался около самой десятки. Девочкам, верно, хотелось посмотреть туда, куда смотрю я, но они даже старались не дышать громко, чтобы не помешать. Я спустила курок в третий раз, и опять вышло так же.

Конечно, я не показала и виду, что рада. У стрелков это не принято. Держись так, будто совершенно равнодушен к своей победе, будто иначе и не могло быть. Что же радоваться, раз все заранее известно? Но все-таки я не могла отказать себе в удовольствии поглядеть на роскошную куклу с золотыми волосами, минуту назад еще такую недоступную, а теперь уже почти мою, нашу. У нее была широкая юбка, как на балу, вся в золотых блестках, с легкой синей каемочкой. Ласково я поглядела и на девочек. Вот и мы сейчас будем с куклой!

Старик неторопливо снял мишень и, положив на прилавок подле меня, стал считать очки. Он вытаскивал каждый султанчик и называл цифру. В общем, это было неплохо — двадцать семь очков из тридцати. Для человека, давно не стрелявшего, совсем, совсем неплохо!

Старик одобрительно кивнул головой и в то же время развел руками. Я не поняла и продолжала стоять.

— Вот,— показал он на небольшую надпись, которую я вначале не заметила.— Вот,— повторил он и жестким пальцем провел под цифрой «28».

У меня не хватало одного очка!

В первую минуту я почему-то расстроилась именно оттого, что не заметила этой надписи прежде: «Приз тому, кто выбьет 28 очков». А между тем, ведь это было совершенно неважно: хоть бы я сто раз прочла эту надпись, результат мог быть таким же.

Я обняла девочек за плечи, и мы стали пробиваться сквозь толпу. Мне только очень не хотелось сейчас встретиться глазами ни с черными, Аленкиными, ни с голубыми, задумчивыми, Петрушиными. Будто я в чем-то обманула девочек. Пообещала — и не исполнила.

Да, собственно, так оно и было... Кукла осталась висеть на своей веревочке, дожидаясь другого, более меткого стрелка... И кто-то другой уже взял мое ружье, прилег на прилавок.

— Пани! Э, пани! Девчатки! — послышалось сзади.

Мы обернулись. Старик неторопливо снял с веревочки два легких бумажных шарика и протянул девочкам:

— Держите!

Аленка и Петруша тотчас схватили их, дунули в маленькие дырочки, и из шариков, шелестя, вырвались длинные яркие языки. На кончике их колыхались зеленые перышки. Девочки еще больше надули щеки, и языки потянулись еще дальше, стали длинные-предлинные.

А старик, мельком взглянув на девочек, равнодушно отвернулся и занялся своим делом.

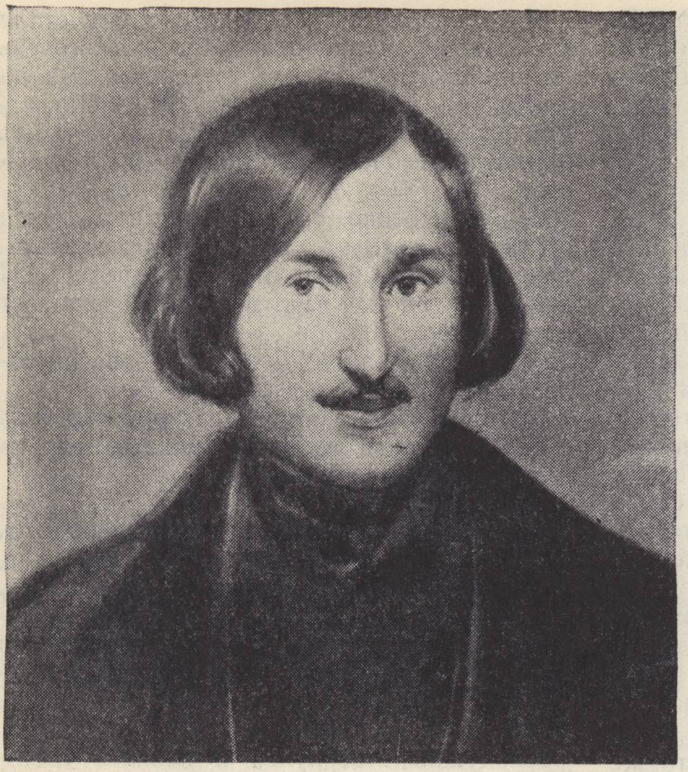
В первую минуту я тоже подумала, что это мой приз. Наверно, есть какой-то большой приз, главный, и другие, помельче. Но что-то в поведении самого старика, может быть, даже в его равнодушии, подсказало: здесь что-то не так... Почему он не отдал приз сразу, тотчас? Почему?!. Через минуту я уже поняла, что мне ничего, решительно ничего не полагалось.

Жесткий, сухой старик за прилавком... Что понял он в маленькой безмолвной сценке, разыгравшейся перед ним? Понял ли, почему я так старалась? Почему не взяла еще три патрона «перестрелять»? Прочел ли в глазах девочек надежду, доверие? И не захотел обмануть их ожидания, разочаровать во мне? Не знаю. И, наверное, никогда не узнаю. Ярмарка на другой день закрылась, и теперь уж я, конечно, не увижу старика... Кукла была ему не по карману, это ясно. Но он сделал то, что мог,— бумажные длинные языки весело шелестели в руках девочек.

Аленка и Петруша шли очень довольные, иногда с благодарностью поглядывая на меня. Но я-то знала, что это был вовсе не мой подарок.

...Вот так я начала узнавать Чехословакию.

Н. АЛЕКСАНДРОВА

150 лет со дня рождения

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Встреча с Гоголем

Мой брат Павлик, на полтора года младше меня, очень любил настольные игры. А я нет. Я любила читать. Но чтение не требует партнера, а настольная игра требует, и Павлик с назойливостью комара часами гудел у меня над ухом:

— Давай играть... Ведь же ты мне еще позавчера обещала.

— Подожди... сейчас...— рассеянно отмахивалась я.

— Ведь же ты еще час назад сказала, что сейчас...

Упрямое гудение брата насильно выдергивало меня из книжного мира, заслоняя Гулливера со всеми лилипутами, деревянного мальчика Пиноккио, детей капитана Гранта и любых других героев любой читаемой в этот момент книги.

Можно было поссориться с Павликом, даже подраться. Можно было пойти на мирное урегулирование вопроса и ценой партии в лото выторговать себе право читать без помех. Но в обоих случаях приходилось на время расстаться с книгой, а это казалось невыносимым.

Иногда я потихоньку забиралась под стол и там читала, отгороженная свисающей скатертью от Павлика и всего мира. Читала неистово, безудержно, одним духом. И даже не подозревала, что можно читать по-другому: не в бешеной погоне за развязкой, не глотая фразу за фразой, не перескакивая (что греха таить!) через описания природы в лихорадочном стремлении как можно скорей узнать, что ждет там, за поворотом страницы.

Я не умела еще тогда, читая, вдруг остановиться с разбегу над строкой, ослепительно яркой, как вспышка молнии. Остановиться и перечитать, несказанно удивляясь и радуясь силе человеческого слова, богатству мысли, скрытой в слове. Я не знала, что можно, смеясь до слез над уморительным на первый взгляд героем, вдруг почувствовать укол печали и увидеть, что автор только прикидывается веселым насмешником, что он, взяв тебя за руку, незаметно привел к очень несчастливому человеку. И что, показывая тебе этого человека смешным, он верит в тебя, знает: ты не будешь смеяться, знает:

тебя непременно вот так охватит печаль и гнев. Печаль за человека, гнев на его обидчиков.

Я не знала, что можно, прочитав книгу, перечитывать ее, хотя уже известно, чем она кончится; что можно приставать ко всем в доме: к брату, к отцу, к бабушке в нетерпеливом желании поделиться, как сокровищем, одной фразой, одним отрывком:

— Вот, ты послушай, нравится тебе?

Перечитывать, радостно встречаясь заново с каждой строкой, как с хорошим, умным и красивым другом...

Словом, я очень любила читать и совсем не умела читать. Этому научилась я почти внезапно. Этому научил меня необыкновенный, замечательный писатель.

Впервые его имя я услышала, когда отец, раздосадованный моим бестолковым чтением, сказал:

— Ты читаешь, как Петрушка.

Мне тотчас представился длинноносый пискливый Петрушка бродячего кукольного театра, внезапно выскакивающий над ситцевой ширмой, и я очень удивилась.

— При чем Петрушка? Разве он читает? Он представляет!

— Ах, да я не про того, я про гоголевского Петрушку!

— Гоголевского?..

— Ну, да. У писателя Гоголя. Петрушка — слуга. Он читает все подряд. Ему все равно, что читать. Обрывок газеты, старый календарь или даже вывески.

Сравнение показалось мне обидным и неуместным. Вывески! Скажет тоже папа... Но имя «Гоголь» — какое-то особенное, звонкое, задорное, не похожее на другие — осталось в памяти. Однажды, перечитав все, что было у меня в запасе, я вытащила из отцовского книжного шкафа большой, толстый том в зеленом переплете. Прочитала золотыми буквами оттиснутое «Н. В. Гоголь. Собрание сочинений», и сердце у меня дрогнуло, будто на пороге неизведанного.

Это действительно было неизведанное! Гоголь разговаривал со мной. Прямо со мной. Именно со мной. Он вел меня от смешного к таинственному, от таинственного к прекрасному, к тоскливо-грустному, к героическому. И учил меня видеть прочитанное. Да, я впервые видела, впервые в жизни так ярко видела прочитанное. Толстого Ивана Никифоровича и долговязого Ивана Ивановича. И бекешу. И смушки — «сизые, с морозом»! И непросыхающую лужу на площади Миргорода.

Я читала, читала, читала и удивлялась не только тому, о чем мне рассказывает Гоголь (а ведь в толстой книге были и «Вий», и «Заколдованное место», и «Майская ночь», и вся лукавая сказочная чертовщинка пасечника Рудого Панька). Я читала, потрясенная: *как* он, Гоголь, рассказывает!

«Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи. Всмотритесь в нее...»

«Черт вас возьми, степи, как вы хороши!»

«Эх, тройка, птица-тройка! И кто тебя выдумал!..»

Никаких притаившихся тигров, никаких записок в бутылках, никаких таинственных незнакомцев, лассо, дуэлей. Просто река. Просто Днепр *вольно и плавно несет светлые воды свои*. И оказывается, это вот «просто» человек может читать еще и еще, околдованный словами.

А потом вдруг совсем какой-то другой Гоголь показывал мне смешного Ивана Федоровича Шпоньку, робкого Подколесина и целую вереницу людей, таких странных, будто они явились из какого-то сна, и в то же время таких «взаправдашних», что я, еще ни разу не встретив их в жизни, знала твердо: они не придуманы, они существуют, они где-то тут, за стеной, за углом, в соседнем доме, на соседней улице: лгунишка-хвастунишка Хлестаков, наглец и жулик Ноздрев, сладкий, как тянучка, Манилов, жадный Плюшкин.

А потом с гиканьем и удалой песней мчались по степи запорожцы, и уже гремел разгневанный Тарас, взяв на прицел изменника-сына. «Стой, не шевелись...» И впервые в моей потрясенной душе рождались взрослые, большие мысли о чести, о долге, о Родине.

Гоголь! Вот он какой, Гоголь... И казалось мне странным: как могла я не знать его раньше?

Не сразу, не с первых гоголевских строк попался мне Петрушка, которому было все равно, что читать. Но к тому времени, когда я столкнулась с ним на страницах «Мертвых душ», я уже читала не так, как он. Великий художник Гоголь открыл мне искусство читать.

Гоголя всякий человек за свою жизнь перечитывает не раз, и всегда с наслаждением. Так было и со мной. Так будет и с вами, ребята. Но все же какие вы счастливые! Завидую я вам: вы можете прочитать Гоголя впервые!

Е. РУБЦОВА

ЧЕМУ СМЕЕТЕСЬ? НАД

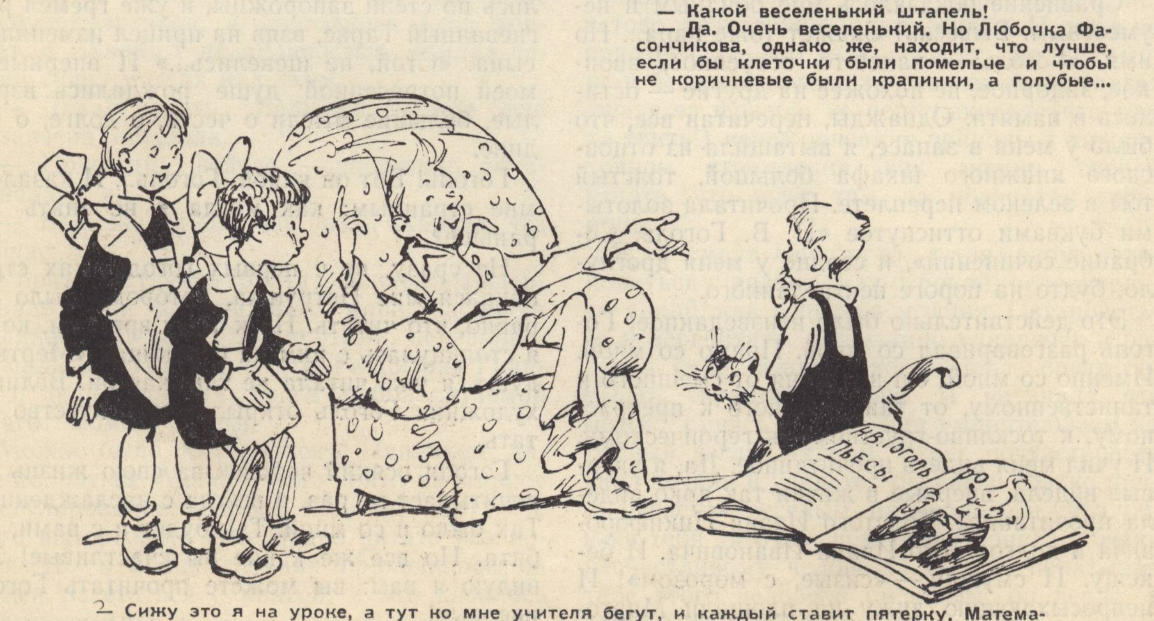
Герои Гоголя и до сих пор встречаются среди нас... Узнаёте, ребята, кто здесь изображен?

— Сменяемся?.. Ты мне — свою авторучку, а я тебе — вот эту балалайку да еще футляр от маминой помады в придачу!

— Какой веселенький штапель!
— Да. Очень веселенький. Но Любочка Фасончикова, однако же, находит, что лучше, если бы клеточки были помельче и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые...

— Сижу это я на уроке, а тут ко мне учителя бегут, и каждый ставит пятерку. Математик — пятерку! Физик — пятерку! Физкультурник — пятерку!.. Тридцать тысяч пятерок! Даже в табель не влезают...

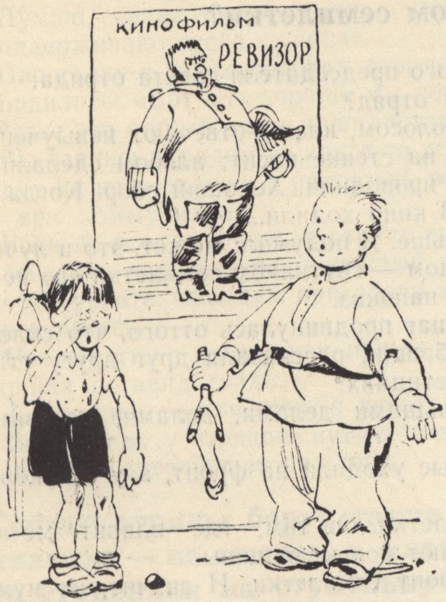

СОБОЙ СМЕЕТЕСЬ!

Рисунки Ю. Узбякова.

— Хорошо бы это заняться кибернетикой да изобрести какую-нибудь такую машину, чтобы автоматически маме помогала и задачки по физике делала...

— Не верьте ей! Это она сама себе камнем в нос запустила!

Как поссорились Ваня Иванов с Ваней Никифоровым.

4 вопроса и 4 ответа об отрядах-спутниках

Что делать отряду, чтобы стать отрядом — спутником семилетки?

Недавно я спросил у одного председателя совета отряда:

— Хорошо работает ваш отряд?

— Хорошо,— сказал он голосом, каким отвечают невыученный урок.— Монтаж склеили, вон на стенке висит; альбом сделали, он в шкафу в учительской. Сбор проводили. Хороший сбор. Когда выступали, никто не запнулся. В кино ходили...

Я не стал его слушать дальше. Я подумал: может, это и лучший отряд в дружине, только отрядом — спутником семилетки его не назовешь. Этот отряд работает напоказ.

Разве семилетка хоть на шаг продвинулась оттого, что склеили монтаж и, надевши белые рубашки, рассказали друг другу стихи, много раз слышанные на репетициях?

Отряд-спутник живет большими делами, делами, полезными народу.

Когда была война, взрослые уходили на фронт, а у станков их часто заменяли дети.

Сейчас наш фронт — семилетка. Он там, где плавят металл, жнут хлеб, ткут материю, делают новые машины.

Все взрослые ушли на фронт семилетки. И значит, их нужно заменить, где можно, им нужно помогать.

Тысячи дел есть вокруг, их все не назовешь. Можно создать строительную бригаду и помогать строить новую школу, мастерскую. Можно выращивать цыплят и утят, и тогда ваш колхоз даст стране больше мяса. Можно отправиться на завод и помогать убирать цеха. Можно помогать в детском садике. Если около школы проходит бульвар, можно взять все заботы о нем на себя и заменить нескольких садовых рабочих. Но если бульвара нет и деревьев мало, их надо посадить! А разве нельзя по очереди разносить письма и газеты на своей улице? Летом отправляйтесь в поход, поищите глину, песок, камень — нам нужно очень много строительных материалов. Хорошо бы собрать подарки для тех, кто уехал строить заводы на востоке, осваивает целинные земли.

Прикиньте, сколько весят учебники и тетради одного ученика. Сдайте отрядом столько макулатуры, чтоб из нее можно было сделать бумагу для всех ваших учебников и тетрадей.

Кто-то, может быть, скажет: «Ну, какие это дела! Ну что с того, что я сдам килограмм бумаги или лома?»

Не забывайте, что мы с вами живем не в маленьком Монако, где всего населения-то несколько тысяч человек. Мы живем в стране, где одних пионеров — миллионы. Каждый сдал по 10 килограммов лома — это сотни тысяч тонн металла! Каждый посадил по дереву — это лес в миллионы деревьев!

Вот главная заповедь отрядов-спутников: помогай семилетке, думай о ней, двигай семилетку вперед!

ДАВАЙТЕ ПОСЧИТАЕМ!

50 кг.

На трактор «ДТ-54» идет 5 тонн металла. Если каждый пионер вашей дружины сдаст по 50 килограммов лома, сколько тракторов сделают из этого лома?

Многие отряды и раньше работали на стройках и в колхозе, собирали лом, сажали деревья. Почему же им сразу не присвоить звание «Отряды — спутники семилетки»?

Верно, работали. Только часто бывало так.

Приехали мы с отрядом в пионерский лагерь. Первый день. Жарко. Дали нам задание: привести в порядок спортивную площадку. Принесли лопаты, ломы. «Пошли»,— говорю. И вдруг раздается чей-то ленивый голос: «А что мы, ишачить сюда приехали?»

Обозлился я.

Думаю, сейчас товарищи ему покажут... Нет, смотрю, ухмыляются, поддерживают этого «ишака»...

Площадку с горем пополам отремонтировали. Ребята потом даже гордились: «Вот как хорошо мы поработали!» А мне было обидно. Разве это работа, если надо заставлять?

Вы взялись отрядом за какое-то дело. Скажите по совести: а все ли идут на него охотно, с радостью, вот так, как люди будут работать при коммунизме?

Если не все, если есть в отряде еще два — три лентяя и две — три лентяйки, которых надо каждый раз заставлять работать, лучше и не просите, чтоб вам присвоили звание «Отряд-спутник». Только опозоритесь.

Потому что в коммунизм нельзя прийти порознь: ты пришел, а товарища оставил сзади.

Коммунизм — для всех, и делать его нужно всем.

Вот почему у отрядов-спутников закон: каждый отвечает за отряд, и отряд отвечает за каждого.

ДАВАЙТЕ ПОСЧИТАЕМ!

1 килограмм макулатуры

Одна тетрадка весит 30 граммов. Если каждый пионер вашей дружины сдаст по килограмму макулатуры — сколько тетрадей можно будет сделать? Учтите, что из килограмма макулатуры получается примерно 500 граммов чистой бумаги.

Сейчас отряды берут такие обязательства: «Всем классом — из класса в класс», «Всем отрядом — со ступеньки на ступеньку». Какое же это имеет отношение к семилетке?

У каждого человека есть в жизни главное дело. Один точит детали, другой служит кассиром, продает билеты в кино, третий ищет полезные ископаемые, четвертый сторожит магазин. Чтобы выполнить семилетку, каждый человек должен добросовестно делать свое главное дело, независимо от того, самое важное оно для страны или не самое.

Вот и у ребят есть такое главное дело — учиться. Ведь в семилетнем плане, когда его подробно разработают, будет точно учтено: в 1960 году столько-то человек окончит восьмилетку, а в 1961-м — столько-то. Всех их ждут в промышленности, в колхозах и совхозах.

Вера Васильева и Аня Сысоева живут в одной области — Тульской,— но в разных районах. Познакомились девочки в Москве, на встрече бригадиров ученических производственных бригад. Вера — бригадир цветоводов Телятинского детского дома. Бригада Ани выходила для колхоза «Новый путь» тысячу девятьсот цыплят.

ДАВАЙТЕ ПОСЧИТАЕМ!

Покрасить стены, окна, двери одной классной комнаты стоит тысячу рублей. Сколько сэкономит ваша школа, если ребята не испачкают стены и ремонт классов не потребуется?

Представьте себе, что у вас в классе двое остались на второй год. Значит, они окончат школу годом позже. А если в каждом классе хотя бы по одному человеку останется на второй год? Знаете, как это будет ощутительно и неприятно для страны! Давайте посчитаем: в школах нашей страны примерно 400 тысяч классов. В каждом классе по второгоднику — 400 тысяч второгодников! Сколько придется стране потратить денег, чтобы снова целый год учить их? Сколько школ нужно, чтобы вместить такую ораву лентяев?

Нет, если в отряде кто-нибудь останется на второй год, нельзя его называть отрядом — спутником семилетки. Такой «помощи» семилетке не нужно!

Звание «Отряд — спутник семилетки» будут присваивать 19 мая, в день рождения пионерской организации. К этому времени уже будет ясно, как справляется отряд с главным своим делом: все ли перешли в следующий класс, на следующую пионерскую ступеньку.

Сколько же может быть в дружине отрядов-спутников? Только один? Или все?

Может быть, все отряды завоюют это право, и тогда вся дружина станет спутником семилетки. Это будет очень здорово! А может, ни один отряд не заслужит такого звания. И ничего в этом страшного нет. Сейчас не добились — на будущий год добьетесь. Гораздо хуже, если ваш отряд назовут отрядом-спутником, а дела в отряде будут неважные. Вот позор-то!

Разве трудно присвоить звание? Можно объявить себя кем угодно. Возьмите, например, и вывесьте на дверях класса плакат: «Здесь учатся самые сильные ребята. Каждый справится с тремя».

Станете вы сильнее от этого? Будут вас бояться? Ничего подобного! Посмеются, да еще и поколотят, чтоб не хвастали. И все.

Если бы я был в совете дружины, я бы сделал все возможное, чтобы каждый отряд стремился стать отрядом — спутником семилетки. А давал бы это звание только тем отрядам, которые вправду, по-настоящему заслужили его — делами, учением, дружбой.

Вожатый **Сима Соловьев**

Станция «Спутник»

ПОЧТА ВОЖАТОГО

Вы спросите: где, по какой дороге? Да в нашей 8-й запорожской школе, по дороге от вестибюля до пионерской комнаты! Ну, скажете, это не настоящая станция, а так...

«Так» или «не так», но добраться до нее не просто. Ходит туда только один поезд: «Экспресс полезных дел». Сесть в него, конечно, может каждый — даже безбилетников пускают. Но вот доехать до цели нелегко.

Месяца полтора назад отряды нашей дружины отправились в путь. Первая станция — «Трудовая». Стоянка поезда — несколько дней. За это время «пассажиры» выпиливали, вырезали, чинили, шили, кроили, вышивали, ремонтировали и строили. Словом, каждый мастерил, что умел, а кто ничего не умел,— учился.

Строгие «проводники» придирчиво проверяли, кто что и как сделал. Принес, скажем, резную шкатулку или отремонтировал стул, получилось у тебя красиво и прочно — отправляйся дальше. Следующая остановка — «Игровая». Пока не разучишь две новые игры, не проведешь их с «попутчиками», дальше не двинешься, а наигрался вволю — пожалуйста, зеленая улица, кати до другой станции — «Тимуровской». Здесь «пассажиры» разбредались кто куда. Одни ходили в гости к давнему знакомому нашей дружины, старому большевику Тимофею Демьяновичу Смирнову, помогали ему по дому, другие заглянули в подшефный детский сад, третьи напилили дров в одном доме, четвертые самолично задержали хулигана. Станция «Самообслуживание» запомнилась особо. «Вкусная» была станция! Натащили в школу всякой всячины, разожгли большую плиту в буфете и приготовили такой обед! Долго еще витал по школе ароматный запах жаркого, пахло луком, укропом, капустой...

Экспресс подходил к концу. Оставалась станция «Туристская» — самая увлекательная, но подвела погода: никуда из города не выйти. Слякоть, распутица... Пришлось заменить походы экскурсиями. Правда, они тоже прошли интересно. На завод «Коммунар» сходили — на тот самый завод, где будут делать первые микролитражные автомобили, на Эмальзавод, в краеведческий музей.

И вот конец пути. Раньше всех подкатил к заветной остановке отряд 5-го класса «А» — самый боевой и самый дружный. Это наш первый кандидат в отряды-спутники.

Женя Мелаш,
председатель совета дружины
8-й школы, г. Запорожье.

Без нянь и без нянечек! Таня Шемановская, Валя Черкас и Женя Абелев, пятиклассники 25-й киевской школы, сами уберут свой класс.

А стоит ли «обсуждать»?

Здравствуй, Сима!

У нас на уроках мальчики плохо сидят, некоторые даже поют песни, а когда их вызовут к доске — молчат. Не подумай, что мы их не обсуждали. Много раз обсуждали. Они говорят, что исправятся, а сами не исправляются.

Куликова Люба,
звеньевая третьего звена,
г. Новоузенск, Саратовской обл.,
школа № 8, 6-й класс «А».

Ты хорошо сделала, Люба, что так прямо написала обо всем. Я думаю, зря вы «обсуждаете» своих двоечников да берете с них обещания. Это ведь слабые люди, силы воли у них нет, и, конечно, они не умеют держать свое слово. Мне их даже немного жалко: чего стоит человек без воли? А может быть, я ошибаюсь, и у них воля есть, но проявляется она в чем-нибудь другом?

Я прошу всех мальчиков 6-го класса «А» написать мне, как они сами думают: есть ли у них воля или нет?

А что думают ребята из других школ? Нет ли каких-нибудь других способов помочь товарищам Любы Куликовой, кроме «обсуждений»?

Наши приключения в Уэст Поли

(Окончание)

Томас ГАРДИ

Рисунки Г. Филипповского.

КАК МЫ СТАЛИ СОЮЗНИКАМИ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ

Действительно, вода, про которую мы совсем позабыли с того момента, как появился мельник, продолжала подниматься медленно и неотвратимо. При виде того, как она перекатывается через край уступа, нас охватил ужас. Напрасно мы вслушивались и вглядывались в темноту — сапожник не возвращался. Вскоре вода стала заливать нам ботинки, ноги сводило от холода. Мельника трясло, он едва держался на ногах.

— Ох, только бы мне выбраться отсюда,— причитал он,— я бы столько добра сделал... столько добра... всем, всем! Ой-ой-ой, вода!

— Мог бы попридержать язык! Вон Леонард — совсем малыш, и то не скулит,— сказал Джоб, указывая на меня.

Пристыженный мельник замолчал, и некоторое время все было тихо.

Вдруг наверху, в расщелине, которая оставалась нашей единственной надеждой, послышался неясный шум и замелькал слабый свет. Он становился все ярче, и блики его по краям расщелины играли, как улыбка на полуоткрытых губах.

В отверстии показались шляпы и головы — одна, две, три, четыре,— потом руки, фонари, плечи и, наконец, веревки, которые наши спасители захватили с собой.

— Держитесь, мы здесь! — кричали люди.

И читатель может себе представить, каким радостным криком мы им ответили.

— Скорей, скорей, во имя всего святого! — орал мельник.

Люди наверху посовещались, и один из них крикнул:

— Держите веревку! Попробуйте привязать ее, и взбирайтесь по одному. Если не удастся, пусть один из вас обвяжется и прыгнет в воду, мы его подтянем на середину, а потом вытащим.

— Хорошо придумано! — одобрил мельник.— Только поторапливайтесь. Я стою по пояс в воде и до полусмерти продрог. Кидайте мне веревку.

— Нет, мельник, так дело не пойдет! — прокричал кто-то сверху. (Это был Неудачник, который пришел с другими вместе.) — Сначала пропусти ребятишек, и раньше всех самого маленького.

— Ну, конечно, конечно, я просто оговорился! — Мельник поспешил исправить свою ошибку.

Кинули веревку. Джоб поймал ее и обвязал меня вокруг пояса. Я немного трусил, однако бросился в воду и, поддерживаемый веревкой, доплыл до того места, над которым находилась расщелина. Люди дружно взялись, веревка натянулась, я почувствовал, что раскачиваюсь в воздухе, и вскоре меня подхватило множество рук — здесь собралась добрая половина деревни. Когда поднялась тревога, вся улица бросилась нам на помощь.

Вслед за мной вытянули Стива.

Тут мельника внезапно обуял страх, что, оставшись последним, он не сумеет поймать веревку, и он принялся умолять Джоба уступить ему свою очередь.

— Ладно,— сказал Джоб,— только при одном условии.

— Я согласен на все.

Вместо ответа Джоб порылся в карманах и извлек вываляннную в муке записную книжку, в которой он отмечал количество проданной муки и отрубей. Наклонившись к свече, он стал что-то писать, а закончив, обратился к мельнику:

— Если хочешь, чтобы я согласился, то подпиши вот это.

Мельник прочел: «Ниже свидетельствую, что отныне мой работник Джоб Трэй, согласно его желанию, свободен, и впредь обязуюсь не требовать от него никаких услуг».

— Твоя взяла,— вздохнул мельник и, достав карандаш, поставил свою подпись.

К этому времени Стива уже успели развязать и веревку бросили в третий раз. Джоб снова поймал ее, обмотал вокруг мельника, и его дородная фигура, раскачиваясь, повисла над водой. Тянуть на этот раз было нелегко; люди выбивались из сил, но наконец мельника вытащили.

Веревку спустили в последний раз и сделали это вовремя. Джоб едва нашел в себе силы обвязаться — настолько он окоченел от холода и устал от работы под водой. Его чуть ли не замертво подняли наверх.

Нас окружили и наперебой принялись расспрашивать, как мы умудрились попасть в эту западню. Не успели мы толком объяснить, что произошло, как вдруг снизу послышался рев бурлящей воды.

Обернувшись, люди увидели, что вода, чуть не сделавшаяся причиной нашей гибели, быстро уходит вниз. При свете свечи, оставленной на уступе, можно было разглядеть на поверхности озера клокочущий водоворот.

Стив, единственный из нас, кто еще был в состоянии что-то соображать, сразу смекнул, в чем дело.

Скопившаяся в пещере вода тяжестью своего веса довершила работу и пробила выход через воронку, которую начали расчищать Джоб и Стив.

Река стремительно ринулась в водосток и понеслась в Уэст Поли, туда, где она текла с доисторических времен. Сам я в тот вечер уже больше ничего не видел, но мне рассказывали, что в течение нескольких минут вода, как ни в чем не бывало, зажурчала в старом русле.

Позже мы узнали, что произошло после нашего исчезновения из деревни и каким образом удалось нас разыскать.

На дороге во время разговора, который мне удалось подслушать, мельник и сапожник договорились обыскать все пещеры. Вооружившись фонарем, они отправились туда, однако начали поиски не с «Чертова кармана», а с другой, хорошо всем известной пещеры под названием «Мрачный Билли». Отсюда, по их убеждению, и вытекала река.

Пещера тянулась вверх и приводила к краю отверстия в сводах «Чертова кармана». Но хотя считалось, что пещера исхожена вдоль и поперек, никто и не подозревал, что предательская расщелина вела во внутреннюю часть «Чертова кармана». Все думали, что она обрывается над глубокой пропастью, куда никто не решался проникнуть. Поэтому, когда из пропасти вылетел камень, тот самый, который я бросил, мельник и сапожник остолбенели от изумления и долго не могли прийти в себя, но потом сообразили, что это, наверное, наши проделки.

Удивительно, что ни мельник, ни сапожник даже после того, как нас доставили домой и уложили в теплые постели, так и не догадались, что были у самых истоков реки. Тем более им не приходило в голову, что мы по желанию могли направлять воду в Уэст Поли или в Ист Поли.

По счастливой случайности, вплоть до того момента, когда мы, насквозь промокшие, появились у дверей своего дома, мать Стива и не подозревала о случившемся и только по нашему виду догадалась о грозившей нам опасности.

Беда, которая могла случиться со всеми нами, обрушилась на одного Стива. Пробыв в воде слишком долго, он простудился и серьезно заболел. Болезнь сопровождалась лихорадкой, от которой он сильно ослабел. В то же время ни я, ни Джоб ничуть не пострадали от пребывания в воде.

Речка вернулась в старое русло, на мельнице закипела работа, и мельник больше не тревожился о судьбе источника, а Джоб благодаря своей находчивости избавился от хозяина. Ему повезло, и на следующий же день после нашего спасения он поступил работать на другую мельницу, за много миль от Уэст Поли.

Во время болезни Стива я часто сидел около него. И однажды он сказал мне:

— Представь себе, что будет, если я умру: ты уедешь, а Джоб навсегда останется в другой части Англии, тогда никто в нашей деревне не узнает тайну источника, и, если из-за какой-нибудь случайности река изменит направление и потечет в Ист Поли, никто из наших не сумеет исправить дело. Они спасли нам жизнь, теперь наш долг — отплатить добром за добро и рассказать им о нашем открытии.

Узнав, что у мальчика тяжело на душе, врач, которому я объяснил, что Стив чувствует себя виноватым, настоял, чтобы желание брата было немедленно исполнено и чтобы наиболее уважаемые из жителей Уэст Поли выслушали то, что он хочет им сообщить. Мать Стива не возражала, и их попросили прийти.

Все согласились очень охотно. Они подозревали, для чего их созывают, и сгорали от нетерпения узнать подробности о наших приключениях, так как до сих пор мы рассказали очень немногое.

В тот же вечер, в начале седьмого, когда солнце уже клонилось к закату, мы услышали их шаги на лестнице, ведущей на второй этаж, и в комнату, где лежал Стив, вошли люди. Тут были кузнец, сапожник, маслодел, Неудачник, два фермера и несколько работников.

Стив начал рассказывать, как мы открыли внутреннюю пещеру и нашли источник.

— Скажи, пожалуйста, значит, наша река вытекла из большого озера, откуда мы вас вытащили? — спросил сапожник.

Стив ответил, что это озеро возникло случайно, и рассказал обо всем, что уже известно читателю. Затем он перешел к описанию нашего великого открытия, в результате которого мы могли менять течение реки, направляя ее на восток или на запад.

— Но как же вы попали в пещеру? — спросил кто-то из присутствующих.— Каким путем вы шли? Через «Ухо великана», через «Погреб домового» или через «Мрачного Билли»?

— Нет,— ответил Стив,— мы не были ни в одной из этих пещер. Мы шли через «Чертов карман».

— Вон оно что! — воскликнули фермеры.— Теперь все ясно.

— Ну и ну,— вставил подошедший мельник,— жили на этом месте веками, поколение за поколением, и никому в голову не приходило, что река течет из «Чертова кармана»!

— Это еще не все,— продолжал Стив.— Представьте себе, что кто-нибудь из Ист Поли узнает на-

шу тайну. Он отведет реку в свою деревню, а наш водосток закроет наглухо, да так, что его потом не откопаешь. Но что это? Мне почудилось, что кто-то вышел. Кто там?

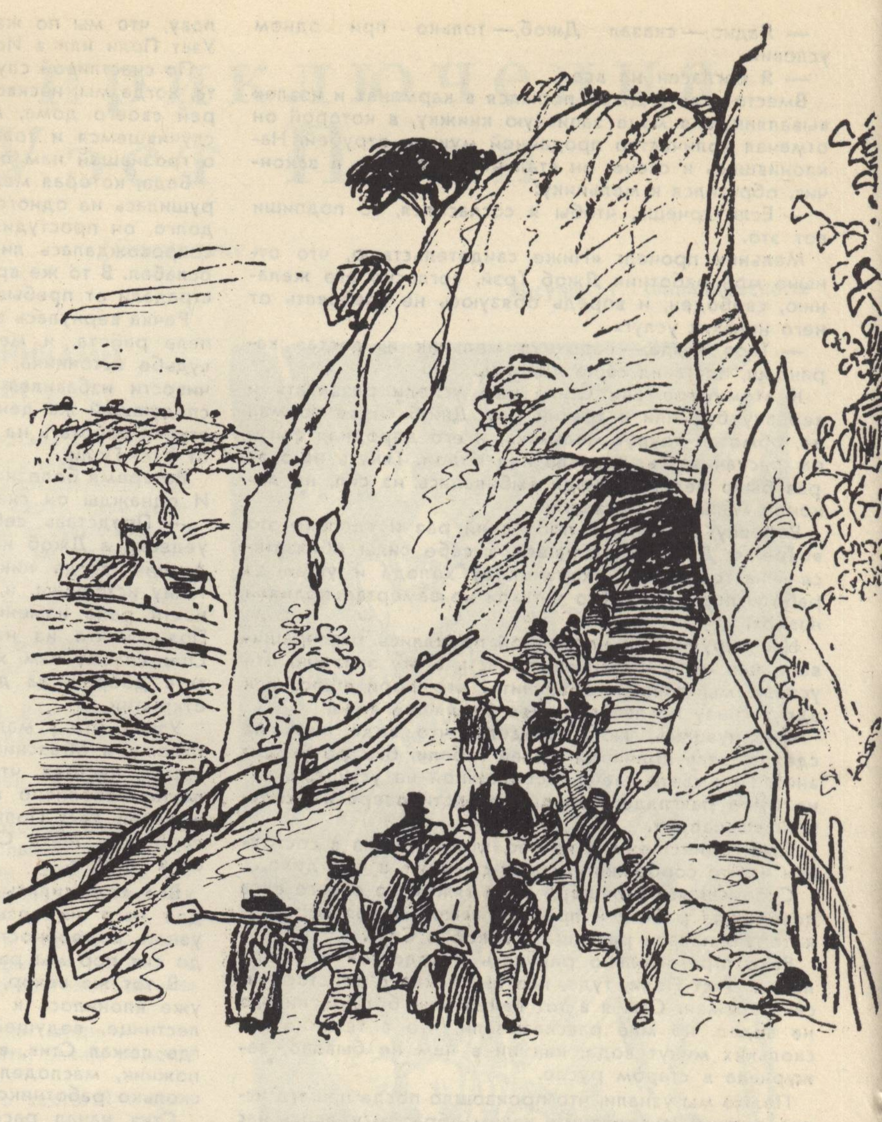
— Мне тоже показалось,— сказал маслодел, оглядываясь по сторонам.

Еще один или двое подтвердили это, но в темноте невозможно было разглядеть, кто именно покинул комнату.

Стив продолжал:

— Поэтому прежде, чем тайна откроется, пусть кто-нибудь отправится к «Чертову карману» и закроет узкий штрек, ведущий в пещеру, а также расщелину в сводах, через которую нас спасли. Тогда мы можем не беспокоиться, что кто-то отберет у нас воду.

Все дружно согласились и, еще немного посидев, пожелали Стиву скорейшего выздоровления и разошлись, условившись на следующий вечер пойти и закрыть проход.

КАК ВСЕ НАШИ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ПРИШЛИ К КОНЦУ

Все случилось именно так, как предполагал врач. Едва Стив успел избавиться от гнетущего сознания вины, как он начал поправляться с поразительной быстротой. За двадцать четыре часа он совершенно преобразился и на следующий вечер весело сказал мне:

— Будь добр, Леонард, сходи посмотри, что делается в «Чертовом кармане». Они, должно быть, уже начали засыпать проход. Правда, уже смеркается, и ты, наверное, побоишься идти в темноте.

— Побоюсь? Только не я,— был ответ, и я ушел, сказав тетушке, куда и зачем.

Действительно, было уже совсем темно, когда, подойдя к мельнице, я увидел на дороге группу жителей Уэст Поли. Мельника среди них не было: он был слишком потрясен, чтобы принять участие в походе в пещеру.

Все собравшиеся несли кирки, лопаты и другой инструмент.

Я пошел за ними следом. От околицы мы повернули прямо к «Чертову карману». Подойдя к пещере, все зажгли свечи и вошли внутрь. Стив очень подробно объяснил, как найти ход, ведущий к источнику, но природа так хитро замаскировала его, что они, наверное, долго проплутали бы, если бы я не пошел вперед и не показал им укромное место, откуда он начинался.

Они поблагодарили, и маслодел, как самый энергичный, первый полез в узкий штрек, держа в одной руке фонарь, а в другой лопату, но не успел сделать и нескольких шагов, как вдруг повернул обратно. Он был бледен, как смерть.

— Что случилось? — воскликнул сапожник.

— Там кто-то есть! — прошептал маслодел.

— Не может быть,— сказал один из фермеров.— Пока ребята не нашли этого хода, ни одна душа на свете не знала, как сюда пробраться.

— Поди да послушай сам, если не веришь,— сказал маслодел.

Мы протиснулись в узкий проход и замерли, прислушиваясь.

«Тук-тук-тук, ширк-ширк-ширк»,— отчетливо доносилось из пещеры.

— Кто бы это ни был, но трудятся они, что твои пчелы! — заметил фермер.

Посоветовавшись, мы решили, что кто-нибудь пойдет в пещеру «Мрачный Билли», осторожно проберется к расщелине и заглянет в «Чертов карман». Это позволит нам, оставаясь незамеченными, узнать, что там происходит.

Сказано — сделано. Булочник, сапожник и один из фермеров отправились в обход, и я решил присоединиться к ним, потому что мне было очень интересно посмотреть, что там делается.

Чтобы добраться до «Мрачного Билли», нужно было сделать порядочный круг и перейти реку. Мельница ночью не работала, и лишь чисто случайно мы вдруг заметили, что вода в реке постепенно убывает. Деревню опять постигло несчастье, предсказанное Стивом.

— Интересно, знает ли об этом мельник? — пробормотал сапожник.— Не стоит ему говорить, а то он совсем рехнется.

— Те, кто там работает,— наши враги,— сказал фермер.

— Конечно,— ответил булочник.— Кто, кроме врага, может так поступить? Пошли быстрей!

Очутившись внутри пещеры «Мрачный Билли», мы на четвереньках проползли вверх по склону, обрывавшемуся в расщелине над «Чертовым карманом». Может быть, ни один человек еще не бывал здесь до того памятного вечера, когда нас чудом вытащили через этот пролом. Поднимаясь, мы старались не шуметь и, достигнув края, осторожно заглянули вниз. Нашим глазам представилась удивительная картина.

Внизу, в пещере, еще недавно заполненной водой, стояли люди. Это были крестьяне из Ист Поли. Они старательно засыпали сток, ведущий в Уэст Поли, предварительно вскрыв воронку, через которую вода направлялась в их родную деревню. Мы сразу поняли, чем они заняты, и, спустившись с не меньшей осторожностью, поспешили к ожидавшим нас в «Чертовом кармане», чтобы рассказать о том, что мы неожиданно увидели.

— Как они разнюхали нашу тайну? — шепотом спросил сапожник.— Мы оберегали ее пуще собственного глаза.

— Нетрудно догадаться,— ответил булочник.— Помните, вчера в темноте кто-то выскользнул из комнаты Стива Дрэйкота? Мы так и не знаем, кто это был. Мне говорили, что полчаса спустя после этого какой-то человек пробирался через холмы в Ист Поли. Нас застали врасплох, и теперь если мы не можем, не поднимая шума, сохранить то, что нам принадлежит, то должны пустить в ход силу.

— Как так? — в один голос спросили фермер и кузнец.

— Надо закрыть вход, через который они сюда проникли,— ответил булочник.— Тогда они окажутся в ловушке, и мы их живо припрем к стенке.

Все были возмущены тем, что, побуждаемые корыстью, жители Ист Поли так ловко провели нас, и с готовностью поддержали предложение булочника. Пятеро из наших людей тут же взяли несколько крупных валунов и вкатили их в штрек, который к середине немного расширялся, а потом снова сужался, так что валуны не могли пройти дальше. Проход заложили наглухо. Чтобы разобрать эту каменную стенку, понадобились бы орудия посильней, чем простые лопаты, которыми были вооружены наши пленники. Теперь противники были у нас в руках. Можно было не беспокоиться: в предстоящем споре перевес был явно на стороне Уэст Поли.

Не заботясь больше о тишине, мы гурьбой повалили в пещеру «Мрачный Билли» и, вскарабкавшись по склону, как козы, сгрудились вокруг расщелины над «Чертовым карманом».

Жители Ист Поли все еще работали лопатами и, поглощенные своим занятием, не заметили, что два десятка горящих глаз, как звезды, смотрят на них с вышины.

— А ну, пугнем их,— предложил булочник.

И мы их «пугнули», да так, что, застигнутые врасплох, пришельцы из Ист Поли чуть не попадали от страха. Лопаты вывалились у них из рук, и, сбитые с толку эхом, люди в ужасе озирались по сторонам, не понимая, откуда несется улюлюканье. Наконец они глянули вверх и высоко над головой при свете свечей увидели противников из соседней деревни, лица которых, как лица безжалостных судей, выражали мрачную решимость.

— Жители Ист Поли,— обратился к ним булочник,— мы поймали вас с поличным за весьма неблаговидным занятием. Из-за баловства озорных мальчишек наша река некоторое время текла по долине Ист Поли. Злая шалость быстро была пресечена, но вы, видно, вздумали украсть у нас воду. Чтобы выведать эту тайну, вы подослали шпиона, а теперь вероломно вторглись сюда, чтобы похитить чужую реку навсегда. Эта пещера находится на нашей земле, и у вас нет на нее никаких прав.

— Воды земные принадлежат в равной степени и вам и нам,— донесся снизу чей-то одинокий голос.

Остальные молчали, как пораженные громом,— они отлично понимали, что спасти их может только хитрость, но не перебранка.

Тут вмешался сапожник:

— Вы посягнули на нашу собственность, отвели воду, остановили и сделали бесполезной мельницу и причинили много другого вреда. Согласны ли вы вернуть реку в старое русло, закрыть новое, которое вы с таким усердием расширяли, короче, согласны ли вы восстановить все в прежнем виде, как оно было с незапамятных времен?

— Не-ет! — раздался внизу вызывающий крик.

— Ну и прекрасно,— сказал булочник.— В таком случае предупреждаем вас, джентльмены: вы пленники и будете сидеть в этой яме, пока не вернете нам воду.

Жители Ист Поли бросились к выходу, однако на середине туннеля путь им преградила несокрушимая каменная баррикада.

— Тащите лопаты! — закричали передние.

Но валуны сидели плотно, а проход был так узок, что, как мы и ожидали, средства, имевшиеся в их распоряжении, не оказали на каменную стену ни малейшего воздействия. Они вынуждены были отступить назад.

— Сдаетесь? — кричали мы.

— Никогда! — упорствовали они.

— Пусть их попарятся! Пусть попарятся! — спокойно сказал сапожник.— Завтра утром они запоют по-другому. Пересидят ночку, небось, утихомирятся. А нам тут больше делать нечего.

Мысль эта всем понравилась, и, отступив с нашей позиции, мы вышли из пещеры и разошлись по домам.

Стива беспокоило мое долгое отсутствие, и он еще больше разволновался, когда я рассказал, чем оно было вызвано.

— Что?! Пленниками сидят в пещере? — переспрашивал он.— Завтра я обязательно должен пойти и посмотреть, чем это кончится!

И не то из-за этого возбужденного состояния, не то просто благодаря крепкому здоровью, но на другое утро, едва заслышав крики собравшихся на дворе жителей деревни, Стив соскочил с постели и объявил, что пойдет вместе со всеми взглянуть на пленников. По мнению врача, прогулка не могла повредить Стиву, если только он оденется потеплее, так что, не теряя времени, мы двинулись в путь и вскоре поравнялись с теми, кто вышел раньше нас.

Сгорая от любопытства, мы вошли в пещеру «Мрачный Билли», зажгли свечи и поднялись наверх. Еще не успев добраться до расщелины, мы услышали вопли, доносившиеся из «Чертова кармана»:

— Сдаемся! Выпустите нас! Забирайте навсегда вашу воду!

Заглянув в расщелину, мы увидели, что пещера выглядит совсем иначе, чем накануне вечером. При нашем появлении кое-кто повскакал с каменного пола, где спал, подложив под голову рубаху и башмаки; другие стояли с лопатами в руках, видимо, разрушая плоды вчерашних трудов.

Увидев нас, жители Ист Поли с нетерпением закричали:

— Мы уже начали приводить все в порядок и скоро кончим — возвращаем ваш ручей в старое русло. Обещайте же, добрые люди, что освободите нас, когда мы управимся.

— Конечно,— с важностью отвечали мы.— Мы же договорились.

Пока жители Ист Поли заканчивали работу, наши возвратились в «Чертов карман», где, изрядно потрудившись, разобрали баррикаду и выкатили валуны из штрека, ведущего во внутреннюю пещеру. Мы расступились, и жители Ист Поли прошли сквозь строй победителей.

Они метали в нашу сторону взгляды, в которых горела сдерживаемая злоба, но прошли, не проронив ни слова.

— По всему видно, что этим дело не кончится,— задумчиво сказал Неудачник. Он только что подошел, и ему рассказали, чтó произошло.

— Я тоже так думаю,— откликнулся сапожник.— Они теперь не оставят в покое ни нас, ни нашу реку до тех пор, пока будет стоять эта пещера.

— Уж лучше бы ее совсем не открывали! — с горечью заметил булочник.— Они отыграются если не на нас, то на наших детях, когда нас уже не будет в живых.

Стив взглянул на меня, и в глазах его была тоска. С тяжелым сердцем шли мы домой, далеко отстав от остальных.

— Мне нужно поговорить с тобой. С тех пор, как все это случилось, я никогда не чувствовал себя счастливым: меня мучает мысль, что из-за моей шалости деревня зависит от воли жителей Ист Поли, и меня здесь никогда не будут любить, если я не сумею обеспечить безопасность нашей реки,— сказал Стив.

— Но это же невозможно,— заметил я.

— Есть у меня один план,— ответил Стив задумчиво.— По-моему, можно сделать так, чтобы речка находилась в такой же безопасности, как раньше.

— Но как? На чем основан твой план? — недоверчиво выспрашивал я.

— Сейчас я тебе больше ничего не открою,— отвечал он.— Скажу только одно: я навлек беду на родную деревню, я и должен сам все исправить и искупить свою вину.

Вскоре, судя по поведению брата, я мог заметить, что этот план, каков бы он ни был, поглощал все его мысли, не оставляя места ни для чего другого. Стив ни о чем больше не говорил со мной. Он часто пропадал где-то по часу, по два, и я заключил, что в это время он занимается подготовкой к выполнению своего замысла.

Наступил день моего отъезда, и, по правде говоря, я не очень жалел об этом, потому что Стив настолько ушел в себя, что с ним стало неинтересно. Я один отправился в верхний конец деревни и вскоре заметил, что случилось что-то неладное.

Оказалось, что ночью был совершен еще один налет на источник; река обмелела, мельничное колесо остановилось, и запруда почти совсем высохла.

Не успел я отойти чуть подальше, как, к своему удивлению, разглядел вдали фигуру, похожую на Стива, который, как мне казалось, оставался на ферме, когда я уходил.

Он держал путь к «Чертову карману», и, отправившись следом, я подошел как раз в тот момент, когда он входил в пещеру.

— Стив! — окликнул я его.

Стив услыхал и вышел обратно. Он был бледен, и на лице его появилось какое-то новое выражение, которого я никогда раньше не видел.

— Ах, это ты, Леонард! — сказал он.— Все-таки выследил меня! Ну, что ж, ты подоспел вовремя. После работы люди собираются прийти сюда и сделать все, что нужно, но, может быть, этого и не потребуется: вместо них это сделаю я.

— Как ты? — не понял я.

— А так, хочу избавить их от лишних хлопот,— с напускной беспечностью ответил Стив.— Я совсем было решил отказаться от того, что задумал, хотя все уже давно готово, но события минувшей ночи укрепили мою решимость: я привожу свой план в исполнение.

— Когда?

— Сейчас. Сию минуту. Река должна вернуться в свое прежнее ложе, туда, где она была всегда, и нужно сделать так, чтобы рука человека уже никогда не могла изменить ее течение. А теперь прощай. Мало ли что может случиться!

К моему изумлению, Стив торжественно пожал мне руку и, взяв с меня обещание не ходить за ним, исчез во мгле пещеры.

Несколько мгновений я стоял, не зная, что делать дальше. Вдруг у меня за спиной послышались шаги, я обернулся и с радостью увидел Джоба, одетого в свой лучший костюм, и с ним Неудачника.

Джоб тоже очень обрадовался нашей встрече. Он приехал на праздники, отпросившись у своего нового хозяина, к которому, как оказалось, его устроил Неудачник. Заметив мою растерянность, они спросили, в чем дело,

Прежде чем я успел ответить, из входа в «Чертов карман», как из жерла пушки, вырвалось облако дыма, а вслед за этим раздался оглушительный грохот, похожий на удар грома. Спустя мгновение такие же громовые раскаты донеслись со стороны «Мрачного Билли».

— Ой, что это?! — воскликнул я.

— Ружейный порох,— медленно проговорил Неудачник.

— Я знаю, что он сделал: он взорвал скалы в пещере! — закричал Джоб.— Да, да, так он задумал закрыть доступ к истокам реки.

— И лишить себя жизни в придачу,— добавил Неудачник.— Но подождите, может быть, он жив. Надо сейчас же идти в пещеру, вернее, как только там можно будет дышать.

Джоб помчался за свечами, и вскоре из деревни послышались знакомые всем нам звуки. Это был стук мельничного колеса. Джоб быстро вернулся и привел с собой целую толпу крестьян.

— Река опять в порядке! — кричали они еще издали.— Полноводная, сильная, воды стало куда больше, чем прежде. Все это случилось внезапно, когда под землей загремело.

— Это сделал Стив,— заявил я.

— Храбрый парень,— сказал Неудачник,— только бы он был невредим.

Джоб зажег свечи, и, когда мы входили в пеще-

ру, подоспели те, кто, заслышав взрыв, побежал в сторону «Мрачного Билли».

— «Мрачный Билли» наполовину завален,— сообщили они.— Склона, по которому ходили, чтобы заглянуть в «Чертов карман», не узнаешь, расщелины больше нет. Обрушилась целая скала, как будто вся гора осела.

Не задерживаясь, все двинулись в «Чертов карман». Задыхаясь от удушливого запаха серы, мы добрались до первой пещеры, но дальше пути не было. Узкий штрек, ведущий во вторую пещеру, был разрушен, и внутренняя часть «Чертова кармана» перестала существовать. Своды рухнули. Казалось, сама гора тихо спустилась, заполнив своей массой подземные впадины, и навсегда закрыла человеку доступ к истокам реки.

Но что же случилось со Стивом?

— Я бы хотел, чтобы навсегда исчезла эта река, только бы Стив остался в живых! — воскликнул Джоб.

Вдруг послышался крик. Те немногие, кто еще не успел пройти в глубь пещеры, закричали: «Вот он!» Мы бросились назад и увидели их неподалеку от входа, в небольшой выемке, которую все пробежали, не обратив на нее внимания. Неудачник тоже был там и вместе с булочником выносил кого-то из пещеры на свет. Это был Стив — мертвый или потерявший сознание.

Вскоре Стив был в состоянии говорить. Он сказал, что все время его мучила совесть из-за того, что он своим баловством принес большой ущерб деревне, и он не переставал думать о том, как помочь делу. С этой целью он втайне обследовал «Чертов карман» и обнаружил, что масса породы, образующая своды внутренней пещеры, отделена от стен слоем песка и только с одной стороны опирается на каменную подпорку.

Стив сообразил, что если убрать эту подпорку, то своды под тяжестью собственного веса рухнут так же, как падает кирпич в ловушке для птиц и зверей, когда вынимают палочку.

На этом и был построен его план. В скале, которая подпирала своды, Стив выдолбил углубления и забил их порохом. Сделав это, он в нерешительности выжидал, сомневаясь в успехе, и, возможно, так и не довел бы дела до конца, если бы не новый набег на источник. Тут он решился и поднес фитиль. Он успел бы благополучно добраться до выхода, если бы случайно не споткнулся. При этом он сильно ушибся, а когда наконец пришел в себя и бросился бежать дальше, раздался взрыв.

Стива поздравляли, вся деревня ликовала: ведь теперь можно было не опасаться никаких посягательств на реку со стороны Ист Поли.

Добрые и простодушные крестьяне из Уэст Поли говорили, что Стив с лихвой отплатил за все неприятности, которые он им доставил.

Томас Гарди, повесть которого вы здесь прочитали, один из крупнейших английских писателей прошлого века. В своих книгах он с большой любовью описывал жизнь и быт людей из народа, крестьян, простых тружеников. Повесть «Наши приключения в Уэст Поли» на русский язык переведена впервые. В нашем журнале повесть напечатана с сокращениями.

Есть в семилетнем плане? Есть!

Во дворе киевской школы № 9 идет большое строительство: растет новый завод. Один корпус завода уже вступил в строй, в нем разместились механический и столярный цехи, чертежный зал. Строятся еще два двухэтажных корпуса.

Записана эта стройка в семилетнем плане? Да, записана. Только не в том разделе, где говорится о новых предприятиях, а в том, где предусматривается, что в этой семилетке будет обращено особое внимание на укрепление связи школы с жизнью.

Этот завод при школе. Первый корпус сооружали настоящие строители, а ребята только помогали им. Второй и третий корпуса воздвигают пионеры и комсомольцы 9-й школы. Они теперь тоже стали настоящими строителями!

Что же будет в новых корпусах? Какие станки сюда привезут?

Ответ покажется вам, наверно, странным: здесь не будет никаких станков.

В новых цехах будут установлены огромные мясорубки, плиты. Здесь открывается фабрика-кухня! Ребята будут делать котлеты, печь пирожки, пирожные и даже торты. Вся продукция пойдет в магазины. Директор будущей фабрики Семен Музира уже договорился об этом с горпищеторгом.

За годы обучения ребята 9-й киевской школы станут строителями, металлистами, столярами, кондитерами, поварами...

Им будет нетрудно подобрать профессию по душе!

На снимке внизу — строительство нового цеха. А вверху вы видите токаря Георгия Трычевского. Трудные задачи приходится решать семикласснику!

В МОИХ КРАЯХ

СКАЗКА

Дино ПРОВЕНЦАЛЬ

Рисунки С. Еременко.

Жил в одном селении юноша по имени Бартоло. Был он ужасно смешон с виду: рыжий чуб спадал на шишковатый лоб, рот огромный, словно деревенская печь, нос длинный и мясистый, а подбородок маленький и острый. И вечно он смеялся и рассказывал всякие небылицы. Едва завидев Бартоло, крестьяне начинали хохотать и подшучивать над ним.

Но он не обижался на их шутки.

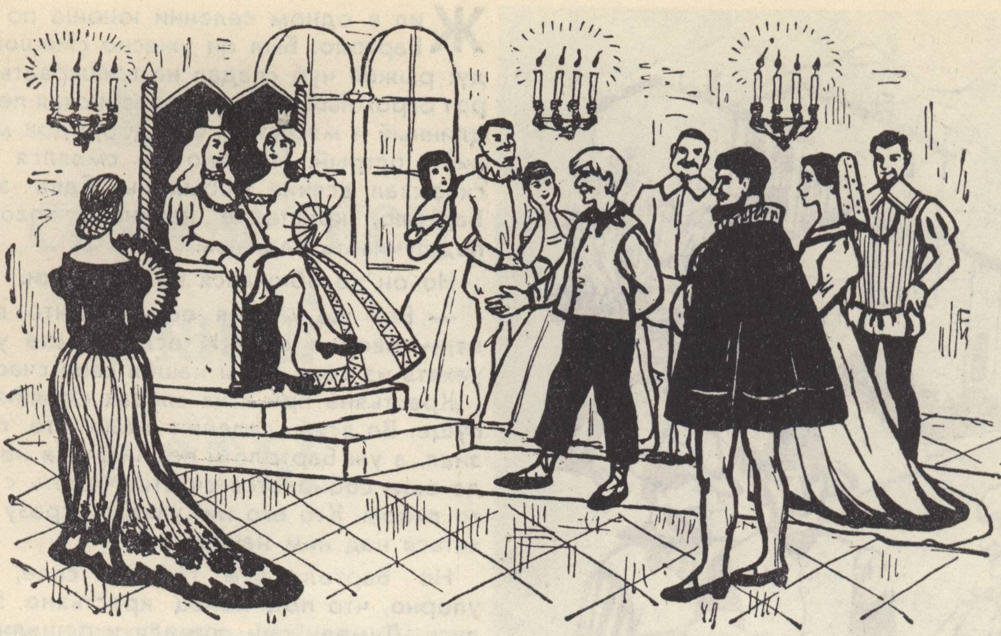
— Все же у меня есть кое-что в голове,— говорил он.— И если б мне удалось уехать из села, я бы нашел свое счастье.

Крестьяне при этих словах смеялись еще пуще. Во всем селении мало кто грамоту знал, а уж Бартоло и подписаться не умеет, да еще собирается счастье искать с таким-то лицом. Кто его ни увидит, сразу насмехаться над ним начнет.

Но Бартоло все твердил свое, да так упорно, что под конец крестьяне задумались. Думали они, думали и решили: соберем-ка мы немного денег для Бартоло. Если пропадут эти деньги, беда невелика, а если найдет Бартоло свое счастье и разбогатеет, то он поможет самым бедным старикам из селения.

И вот одним прекрасным утром Бартоло ушел из села с маленьким узелком за плечами. Шел он, шел и на третий день пути, поздно вечером, увидел невдалеке большой город весь в ярких огнях. На улицах было полным-полно народу, кругом танцевали и пели. Горожане объяснили удивленному Бартоло, что любимая дочь короля уехала месяц тому назад к своему жениху, принцу из соседней страны, и король, чтобы утешиться, приказал плясать и веселиться.

Бартоло пришел в город как раз в тот самый день, когда во дворце был устроен пышный бал. Он сразу же решил отправиться во дворец. Подошел Бартоло ко дворцу, хотел в ворота прошмыгнуть, а у ворот стражник стоит. Увидел стражник Бартоло и давай хохотать. И так он сильно смеялся, что даже слезы у него из глаз потекли. Пока стражник утирал слезы, Бартоло мигом проскочил в ворота. Живо поднялся он по мраморной лестнице и вошел в большущий зал. Его ослепил блеск тысяч свечей, огромных зеркал, хрустальных ваз и бокалов. Придворные дамы и кавалеры были в бархатных и парчовых одеждах. Бартоло на мгновение даже растерялся. Но тут же оправился от смущения, подошел к трону, на котором восседали король с королевой, и начал:

— Синьор...

Придворные, услышав, что какой-то незнакомец назвал короля «синьор», а не «ваше величество», очень удивились. А когда они получше рассмотрели Бартоло и увидели, какое у него смешное лицо, они начали громко хохотать. Один из придворных потянул Бартоло за полу старого пиджака, другой подошел к нему вплотную и с насмешкой прокукарекал: «Синьор оборванец»,— но Бартоло ничуть не растерялся (ведь он привык к насмешкам), подождал, пока все угомонились, а потом сказал:

— Я удивляюсь, что почтенные синьоры смеются надо мной, первый раз меня увидев. А вот в моих краях такой обычай: когда приходит гость, никто не смотрит, рыжие у него волосы или черные, хорошо он одет или плохо. Его спрашивают, не устал ли он, и принимают, как родного брата.

Смелые слова Бартоло поразили всех этих важных синьоров. Некоторые начали даже шептать:

— А ведь он прав, он прав...

Тогда Бартоло добавил:

— И у каждого гостя в моих краях спрашивают, не голоден ли он.

Король немедля приказал, чтобы Бартоло усадили за отдельный стол и подали ему самых лучших кушаний, а королева сама, своими руками, поднесла ему бокал вина. Она рассудила, что раз незнакомец осмелился так дерзко разговаривать с самим королем, он наверняка знатный синьор.

После сытного ужина Бартоло почувствовал, что веки у него слипаются: ведь в его селении все крестьяне ложились спать, как только стемнеет. Он встал, поклонился королю и сказал:

— В моих краях, когда гость поест и попьет, его отводят в спальню.

— Вы совершенно правы! — ответил король.

И Бартоло отвели в великолепную спальню.

На следующее утро, когда Бартоло одевался, вошел слуга и, низко поклонившись, сказал, что наследный принц просит его принять.

«Вот чудеса! — подивился про себя Бартоло.— Я и впрямь стал важной персоной!»

Вошел принц и вежливо спросил:

— Я вам не помешал?

— Да нет, нет! — ответил Бартоло.— Рассказывайте, что у вас такое приключилось.

И принц рассказал. У него все время болит голова и живот, ноют ноги. Придворные врачи ничего не могут понять. Возможно, его превосходительство, продолжал принц, обращаясь к Бартоло, прибыл из страны, где медицина лучше развита, и может дать ему полезный совет.

И действительно, Бартоло тут же дал очень ценный совет:

— В моих краях от этих болезней есть одно хорошее средство: рано ложиться спать, рано вставать, побольше ходить пешком и есть, только когда проголодаешься. И вот еще что: много ли вы платите своим врачам?

— Тысячу лир в день, когда я болен,— ответил принц.

— Плохо, очень плохо. Попробуйте платить им две тысячи лир, когда вы здоровы, а как заболеете, забирайте у них часть денег.

— Спасибо. Попробую делать, как вы говорите. А пока вот возьмите за совет.— И принц протянул Бартоло кошелек, полный золотых монет.

Бартоло оделся и пошел в столовую выпить кофе с молоком. В коридоре он наткнулся на короля.

— Здравствуйте, ваше превосходительство! Как вы спали? — спросил король.

— Отлично, а вы?

— Очень плохо.

— С чего бы это?! — удивился Бартоло.

— Сейчас я вам по секрету все объясню. У меня большие богатства, много земель, дворцы, драгоценности. Вот я и хотел бы разделить наследство поровну между сыном и замужней дочерью. А если мне это не удастся, то я хотел бы хоть так поделить наследство, чтобы после моей смерти сын и дочь не перессорились. Всю ночь я думал, как это сделать, но так ничего и не надумал.

— Сейчас я вам расскажу, как поступают в таких случаях в моих краях,— сказал Бартоло.— Тот, кто составляет завещание, пишет в нем: «Один из моих сыновей пусть разделит наследство на две части, а другой пусть выберет себе любую из двух частей».

— Это просто замечательная мысль! — воскликнул король. И немедля подарил Бартоло кошелек с золотыми монетами.

Когда королева узнала, отчего так повеселели ее муж и сын, она тоже решила спросить у Бартоло совета.

— Объясните мне, ваше превосходительство, отчего это годы проходят и я все больше старею? — вздыхая, спросила королева.— Я тьму денег истратила на пудру, румяна, помаду, а на лице у меня все равно появились морщинки и волосы поседели.

— В моих краях, ваше величество, старости не стыдятся. А краситься и пудриться никто даже и не пробовал. От этого только некрасивее да и старее кажешься,— сказал Бартоло.

Королеве, понятно, не хотелось казаться совсем старой. И она немедля приказала все деньги, которые прежде тратила на белила и румяна, отдать Бартоло за его умный совет.

Слава о мудрости Бартоло облетела все королевство. С утра десятки важных синьоров приходили к нему просить совета. Бартоло не разыгрывал из себя кудесника и мага. Каждый раз он вежливо говорил: в моих краях делают так и так, а уж вы поступайте, как знаете.

Придворных разбирало любопытство: что это за чудесные края, где все такие умные?

И вот четверо самых любопытных синьоров отправились в эти края. Приехали — и глазам своим не поверили. Перед ними лежала бедная деревенька, в которой и грамотеев-то почти не было. Но не могли же они признаться, что какой-то неграмотный крестьянин так ловко водил их за нос! Поэтому, вернувшись во дворец, они стали всем друзьям рассказывать:

— Ах, если б вы только видели, что за городок! Хоть и небольшой, но чистый, красивый!

Между тем Бартоло порядочно надоело во дворце. Как только у него накопилось достаточно денег, он быстро распрощался со всеми и поехал к себе. Вернувшись домой, он первым делом отдал долг и помог всем беднякам своего селения. Вечером к нему собралось немало друзей. Сидя у печи и покуривая трубочку, Бартоло рассказывал им о своих приключениях:

— Конечно, я доволен, что сдержал свое слово и помог беднякам. Но если бы вы только знали, какая это скука жить во дворце, сидеть в мягком кресле и беседовать с королем и королевой! Все вокруг звали меня «ваше превосходительство», «ваше превосходительство». И если б я только не удрал оттуда вовремя, то, глядишь, и сам бы поверил, что я важный синьор!

Перевел с итальянского **Л. Вершинин.**

Вы, конечно, собираетесь летом в поход?

Неважно, где вас будут провожать — в просторном ли вокзале большого города, откуда поезда идут во все концы страны, или на маленьком полустанке, где скорый не останавливается вовсе. Отправляться в далекий путь всегда радостно. Найдено место в вагоне, заброшен на верхнюю полку тяжелый рюкзак, и надо только успеть протиснуться к окну, чтобы можно было помахать рукой маме... Поезд тронулся... Здравствуйте, новые, незнакомые места, неизвестные тропинки, неизученные речки, невиданные птицы и цветы!.. Здравствуйте, новые хорошие люди!

Но, может быть, вы никогда в жизни не отправлялись в дальний поход и он кажется вам несбыточной мечтой?

Что ж, это и вправду несбыточно, если сидеть сложа руки и ждать: вдруг кто-нибудь все организует...

А вот смотрите, что делают ребята, которые готовятся к дальним, большим походам.

Они заводят походную копилку и собирают деньги на лето.

Как наполняется походная копилка?

...Четыреста рублей — за уборку свинофермы, 700 — за металлолом и макулатуру. Такие вклады в копилку для похода сделали туристы Николо-Барнуховской школы Пензенской области.

...Экспедиционный отряд № 392 Дома пионеров Смольнинского района Ленинграда побывал прошлым летом в Киргизии, в городе Пржевальске. Ребята взяли шефство над музеем Пржевальского и обещали пополнить его новыми материалами. В зимние каникулы ребята добрались до деревни Слободы, Смоленской области, где жил и работал великий русский путешественник. Сейчас отряд собирается в поход по маршруту первой экспедиции Пржевальского на Дальнем Востоке, в районе озера Ханка. После уроков члены отряда работают по заданию треста зеленого строительства: красят скамейки, рыхлят землю, обрезают засохшие сучья. Каждый турист заработает на дорогу по 600 рублей.

...В 84-й школе города Харькова походную копилку завел каждый отряд. Откуда ребята берут деньги? Очень просто: собирают стеклянную посуду, старую бумагу, лом, убирают территорию завода-шефа. Полнее всего копилка отряда 4-го «Б»: в ней больше 400 рублей.

...Экспедиционный отряд № 484 средней школы № 1 села Александровского, Ставропольского края, заготовил и сдал в аптеку 10 килограммов валерьянового корня, 90 килограммов шиповника. Туристы собрали две с половиной тонны лома, вывезли с полей больше 30 тонн кукурузы. Все заработанные деньги отложены на поход.

А ВЫ ЗАВЕЛИ ПОХОДНУЮ КОПИЛКУ?

Книга родилась так...

Вл. ГЛОЦЕР

Фото А. Зараева.

Как появляется на свет любая книга, которую мы читаем?

Автор пишет ее, относит рукопись в издательство, потом рукопись попадает в типографию, где наборщики набирают ее, корректоры проверяют, нет ли ошибок, печатники печатают, переплетчики переплетают, и вот уже готовую книгу держат в руках автор и его читатели. На всем пути, который проходит книга от рукописи до выпуска из печати, ее ведет армия типографских работников, и автор в это время как бы стоит в стороне.

В случае, о котором я расскажу, все было не совсем так, вернее, совсем не так. Автор не стоял в стороне и не ждал, когда готовую книжку принесут из типографии: он сам пришел в типографию и делал многое из того, что нужно, сам.

Но что это, скажете вы, за многорукий и всеумеющий автор? Где он учился всем типографским искусствам и откуда он? Какую написал книжку и как его зовут?

Есть в городе Уфе школа № 39. Девятиклассники этой школы проходили производственную практику в типографии «Октябрьский натиск». Они были наборщиками и печатниками,

Валерий Дементьев:
— «Первый блин всегда комом»,— говорит пословица. Но, к счастью, так не случилось с первым альманахом нашей школы.

УРАЛ

В дымке синеватой
Горы да леса.
Что за край богатый,
Просто чудеса!

Зелень изумрудная,
Глубина озер.
А земля-то рудная,
А кругом — простор!

Трав прибой пахучий
У подножий скал.
Ты такой могучий,
Наш седой Урал!

Лида Белоусова,
7-й класс.

Быстро работает Галя Назарова! А ведь это не шутка — изучить наборную кассу, в которой свыше ста отделений с башкирскими и русскими буквами, да еще со знаками препинания. Изучить так, чтобы «с закрытыми глазами» брать из кассы нужную букву или знак, брать и не ошибаться.

Галя Евсикова:
— Конечно, альманах было корректировать интереснее, чем какую-нибудь другую литературу: ведь в нем были собраны произведения наших товарищей.

Тамара Савельева:
— Работать в типографии было очень интересно. Ведь до этого мы не знали, как печатаются книги, журналы.

Ильгиз Каримов:
— Наборщицы очень помогали. Если не знаешь чего, спросишь, они все толком объяснят и покажут.

корректорами и переплетчиками. Под конец им даже присвоили рабочие разряды.

А надо вам сказать, что с февраля прошлого года в 39-й школе выходил каждый месяц рукописный журнал «Новь». Это, сами знаете, дело обычное: во многих школах есть свои литературные журналы. Стихи, очерки, рассказы и рецензии переписаны в них от руки или на пишущей машинке. И хотя такие журналы хранятся иной раз в школьной библиотеке, их ни за что не спутаешь с книгой.

Где уж рукописному журналу до настоящей книги!

Но ребята из 39-й школы, пожалуй, впервые в Союзе доказали, что от школьного журнала до настоящей книги не так уж далеко, если и книга станет делом собственных рук.

...В одно майское утро школьники узнали новость: в типографии, в той самой типографии «Октябрьский натиск», где проходит практика, будет печататься альманах учеников 39-й

УРА!

Третий спутник показался.
Все кричат: «Ура! Ура!»
Позывные раздаются —
Веселится детвора.
От души
«ура!»
от детской
Нашей звездочке советской!

Дерсу Алпаров,
3-й класс.

БОРЬКИНА СЛАВА

РАССКАЗ

У нас во дворе самым сильным считался Борька — Черный принц. Это прозвище Борька дал себе сам. Когда он выходил во двор, малыши разбегались в разные стороны. Да что там малыши! Мне и то бывало страшновато, когда Борька подходил ко мне вразвалку. Он останавливался на середине двора и кричал: «Черный принц выходит на ковер! Сегодня он будет бороться с любым борцом!» И тут же снимал рубашку и становился в уморительную позу. Но малыши прятались друг за друга и молчали. Тогда Муркин сам выбирал какого-нибудь «борца», который от страха еле стоял на ногах, брал его в охапку, бросал на кучу травы — «на ковер» — и, довольный своей победой, вопил: «Победу одержал Черный принц!» И добавлял: «Учитесь, пока я жив!»

Борька был очень неравнодушен к вниманию зрителей и, если видел, что какой-нибудь прохожий поглядывал на него, старался изо всех сил: выпячивал грудь, но всегда получался выпяченным живот, надувал щеки, расставлял шире ноги, растопыривал руки...

Только одному человеку старался не попадаться на глаза Борька: нашему дворнику Кузьмичу. Едва завидев Муркина во дворе с «лавровым венком» на плечах, сделанным из рогожи, которую Борька стянул у дворника, Кузьмич тотчас бросался за Борькой, крича на ходу: «Я тебе покажу

Черного принца! Я тебе дам лавровый венок!» Состязания Кузьмича и Борьки всегда проходили очень напряженно.

Но однажды Борькина слава «непобедимого борца» окончательно пала. В наш дом приехал мальчик Петя с мамой. Они переехали с другой улицы. И вот, когда Петя катался на велосипеде, к нему подошел Борька и сказал: «Ты очень-то не фистули, а то я тебе ребрышки посчитаю. Понял?» Петя слез с велосипеда, подошел к Борьке, обхватил его руками и спокойно приземлил на траву. Мы недоуменно переглянулись. Борька так глянул на Петю, что я подумал: «Не миновать драки». Ребята подошли на всякий случай поближе к Пете. И вдруг Борька повернулся и медленно зашагал к дому. Он понял, что за Петю сейчас все ребята и все зрители.

В этот день произошло крушение Борькиной славы.

Виктор Гамм,
9-й класс.

школы. В этот альманах включат стихи, рассказы, очерки, переводы и рецензии из рукописного журнала «Новь».

По дороге в типографию, в перерыве между работой, на обратном пути домой говорили только о нем, о «нашем альманахе». Его поручат выпускать самим ребятам, и каждый из них что-нибудь обязательно сделает для этой книги: наберет, прокорректирует или, может, переплетет ее страницы.

В школе создали редакционную коллегию. В нее вошли Света Доброва и Галя Евсикова, Ильгиз Каримов и Регина Торговицкая... Света Доброва — редактор «Нови», а в типографии — переплетчица. Галя Евсикова — автор очерков в журнале, а в типографии — корректор. Ильгиз Каримов — переводчик с башкирского, а в типографии — наборщик. Регина Торговицкая — член редколлегии «Нови», а в типографии — корректор.

Вот как переплетались судьбы рукописного журнала «Новь» и будущего печатного альманаха.

Редактором альманаха стал преподаватель литературы Герман Константинович Миняев. Вместе с ним ребята и составляли свою книгу.

Назвали альманах «Уфимская весна».

Валерий Смирнов, оформлявший все номера «Нови», засел рисовать обложку. Вариантов было много, но чего-то в них не хватало. Валерий советовался с папой, который любит рисовать, с мамой — весь дом обсуждал, как сделать обложку лучше. Споры как-то неожиданно разрешила мама. Она сказала: «А что, если нарисовать Салавата?» Салавата Юлаева — народного героя Башкирии? Эта мысль Валерию понравилась, и после нескольких набросков он сделал хороший рисунок.

Наконец рукопись сдали в типографию. В эти дни ребята работали по-особенному. И те, кто не мог принять участия в наборе или печатании альманаха, завидовали своим товарищам.

Девочки-корректоры были в курсе всех дел, поэтому именно в корректорскую все бегали узнавать, как идут дела с книгой.

Гале Евсиковой и ее подругам приходилось до этого корректировать много разных книжек: художественных и научных. Но читать альманах было куда интерес-

Редактор «Нови» Света Доброва фальцует, то есть складывает с помощью косточки, печатный лист. Так были сфальцованы и листы «Уфимской весны».

ней. Ведь в нем печаталось то, что писал ты сам, твой друг, товарищ по классу или просто школьный знакомый.

Корректор Регина Торговицкая выбирала для проверки то, что ей больше всего нравилось: рассказы Вити Гамма, чем-то напоминавшие ей веселые произведения писателя Носова, переводы с башкирского Ильгиза Каримова. А рядом Галя Евсикова читала Регинину рецензию и время от времени говорила: «Знаешь, а так сказать нельзя»,— и что ж, Регина с ней часто соглашалась.

Корректоров торопили: книгу ждали уже в следующем цехе.

Когда она дошла до переплетного, за нее дружно взялись ребята-переплетчики. Тамара Давыдова научилась быстро фальцевать, и у нее в руках так и мелькали листы альманаха. Впрочем, так шло дело, когда мастер наблюдал за работой. Стоило ему отвернуться, как школьники начинали читать еще разрозненные страницы «Уфимской весны».

— Девочки, что ж вы делаете? — усовещевала Анастасия Васильевна Лакаева, мастер цеха.

— Тетя Настя, книга очень интересная! — оправдывались переплетчики.— Мы лучше обедать не пойдем.

Наконец «Уфимская весна» была готова.

С какой радостью несли ребята из типографии эти книжки, еще пахнущие свежей типографской краской!

Вот и вся история. Теперь вы знаете, где живут авторы книги и где они учились всем типографским искусствам.

Да, это была редкая история. Но скоро ее повторят и сами уфимцы и, наверное, другие школьники Союза.

Валерий Смирнов:
— Не знаю, насколько мне удался рисунок на обложке. Об этом лучше могут судить другие. Сейчас я работаю над оформлением обложки второго альманаха.

СНЕЖНАЯ БАБА

Вот посыпал снег пушком.
Ребятишки очень рады.
Катят снежный ком большой,
Лепят бабу у ограды.

Баба снежная в пальто
Из снежинок и из елок.
Глазки — угли, нос — морковь,
Кудри бабы из иголок.

И с метелкою в руках
Баба по двору гуляет,
Дом большущий стережет,
Воробьев, ворон пугает.

Вот посыпал снег пушком.
Ребятишки очень рады.
Баба снежная готова.
Все несут домой лопаты.

Лида Аникина,
3-й класс.

КОТЕНОК

Наш котенок — ну и смех! —
В грязь залез нечаянно.
А потом царапал всех
И пищал отчаянно.

Молоко вчера слакал
И поймал он мышку.
А сегодня изорвал
Маленькую книжку.

Во дворе он испугал
Желтого утенка.
Мой котеночек не трус.
Я люблю котенка.

Лида Аникина

ЗАГАДКИ

1

В одежде богатой, да сам слеповатый,
Живет без оконца, не видывал солнца.

(Крот)

2

Есть рога, а не вол, есть седло, а не лошадь,
куда захочешь, туда повезет.

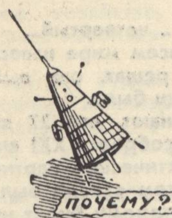
(Мотоцикл)

Владик Элчеев, 5-й класс.

Рассказ, стихи и загадки, которые вы здесь прочли, взяты из альманаха «Уфимская весна».

Почему и Отчего

Все равно Земля притягивает!

Я очень прошу редакцию ответить мне: почему спутники, выйдя на такое расстояние от Земли, что она не может притянуть их обратно на Землю, вращаются вокруг нее? А ракета не вращается вокруг Земли, уходит все дальше и дальше. Почему же спутники не уходят от Земли, раз она их не притягивает?

Володя Кочетков,
г. Львов.

Ты неверно представляешь себе, Володя, будто искусственные спутники вышли на такое расстояние от Земли, что она их не притягивает. Давай-ка разберемся в этом деле вместе.

На каком расстоянии летают спутники? Около тысячи километров. Притягивает ли на таком расстоянии Земля? Еще как притягивает!

В доказательство вспомни про Луну. Она тоже спутник Земли. Вообще спутником какого-либо небесного тела называется другое небесное тело, которое ходит вокруг него под действием его притяжения. Если бы Земля не притягивала Луну, Луна не была бы спутником Земли, а улетела бы от нее. Луна находится от Земли на расстоянии не тысячи километров, а на расстоянии почти четырехсот тысяч километров, но все же ее Земля притягивает и делает своим спутником.

То же самое и с искусственными спутниками: если бы Земля их совсем не притягивала, они не летали бы вокруг нее, а удалились бы от нее совсем.

Другое дело, почему и Луна и искусственные спутники обращаются вокруг Земли. Любое тело, пущенное с Земли горизонтально со скоростью 8 километров в секунду, уже не упадет обратно на Землю, но и не улетит от Земли, а станет спутником Земли. Скорость 8,5 километра в секунду ученые называют первой космической скоростью.

Но чтобы тело совсем ушло от Земли, этой скорости недостаточно. Тут нужна вторая космическая скорость — 11,2 километра в секунду. Ее называют еще скоростью освобождения. Тело, получившее такую скорость, может пересилить земное притяжение и уйти от Земли. Так и случилось с нашей космической ракетой.

Тебе, наверно, будет интересно узнать, что разные небесные тела притягивают к себе с разной силой, а значит, и скорость освобождения у них разная. Ты уже знаешь, чему она равна у нашей планеты — Земли.

Луна гораздо меньше Земли и поэтому держит куда слабее: для того, чтобы улететь от Луны, любому телу (а значит, и ракете, пущенной с Луны) достаточно иметь скорость 2,4 километра в секунду.

У Марса скорость освобождения составляет 5 километров в секунду, а на огромной планете Юпитере она равна 61 километру в секунду! О нашем Солнце нечего и говорить. Чтобы улететь от Солнца, телу, которое находится близ его поверхности, нужна скорость 619 километров в секунду!

М. Данилевич

Пылинки на поплавках

Почему кусок мела тонет в воде, а порошок плавает?

Магалид Магомедов,
Кахибская средняя школа,
Дагестанская АССР

Дело здесь вот в чем, дорогой Магалид. К поверхности мела всегда прилипает много пузырьков воздуха. Это явление называется адсорбцией.

Конечно, к куску мела пузырьков воздуха пристанет гораздо больше, чем к маленькой пылинке. Но ведь и весит пылинка во много раз меньше, чем кусок мела, поэтому и удержать ее на поверхности воды легче. Пузырьки воздуха, как поплавки, поддерживают пылинку, и она плавает. А большой кусок мела тонет, его вес слишком велик по сравнению с весом прилипших к нему пузырьков воздуха.

Но постепенно и порошок тоже потонет, когда вода впитается в мел и частички воздуха оторвутся от пылинок.

А. Ю. Авалиани

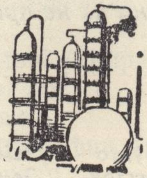
Путешествие в семилетку

Можно совершить путешествие, не выходя из комнаты!

Конечно, можно.

Достаточно, скажем, взять с полки книгу В. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», чтобы пуститься в увлекательное странствие по дальневосточной тайге. Или раскрыть один из томов книги И. Ганзелки и М. Зикмунда «Африка грез и действительности» и начать колесить вдоль и поперек по «черному континенту».

Книги о путешествиях могут перенести нас в любой уголок земного шара.

Ну, а побывать в прошлом! Встретиться с людьми, жившими много лет назад, когда тебя еще и на свете не было!

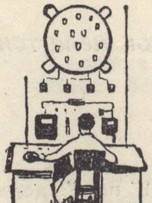
Книги могут помочь тебе и в этом. Повесть Н. Емельяновой «Родники» перенесет тебя в те дни, когда твоя бабушка была еще девочкой. Раскрыв повесть Марка Твена «Принц и нищий», ты окажешься в средневековой Англии времен короля Эдуарда.

Но всего интереснее, конечно, совершить путешествие в будущее. Взглянуть, каким будет мир хотя бы через несколько лет, когда ты вырастешь. Изменится ли он к тому времени или останется таким же, как сейчас!

Еще совсем недавно книги оказывались здесь бессильны. Пятьдесят лет назад совершить такое путешествие в завтра даже при их помощи было невозможно. Люди не знали, что ждет их впереди. Только в фантастических романах писатели мечтали о будущем и строили предположения, каким оно окажется.

Коммунисты это изменили. Впервые в истории человечества советские люди стали точно знать, какой будет жизнь в их стране через год, через пять лет, через десять.

Это стало возможным потому, что наш народ начал строить свою жизнь по точному плану.

Сначала это казалось людям капиталистических стран настолько необычным, что они только посмеивались и называли нас фантазерами и мечтателями.

Но вот мы приняли наш первый пятилетний план и сказали: «Через пять лет у нас будет то-то и то-то». Сказали — и сделали.

Потом приняли и выполнили второй пятилетний план.

Затем третий... четвертый...

И теперь во всем мире известно: что советские люди решат, они выполнят, как бы трудно это ни было.

Все ребята знают, что 27 января этого года в Кремле собрался XXI внеочередной съезд Коммунистической партии Советского Союза. На этом съезде был принят новый план, по которому будет жить и работать советский народ в ближайшие семь лет.

План этот особенный. За семь лет мы должны сделать нашу страну вдвое богаче и сильней, чтобы стать еще ближе к коммунизму.

Вот почему всех ребят очень интересует: каков же этот удивительный план! Что произойдет с нашей страной к тому времени, когда нынешние читатели «Пионера» станут взрослыми людьми!

Издательство детской литературы собрало писателей, пишущих для детей, и попросило их рассказать ребятам поподробнее о новом семилетнем плане.

Сейчас эти книжки уже написаны и напечатаны. Называются они «Путешествие в семилетку».

Прочтя эти маленькие книжки, ты действительно совершишь прогулку в будущее, в тысяча девятьсот шестьдесят пятый год.

В книжке «Счастье» писатель С. Бабаевский расскажет тебе, какие перемены произойдут в его родных местах, в городе Невинномысске на Ставрополье, по новому семилетнему плану. «...В степи, где еще не так давно паслись отары овец и где чабаны выращивали скот, нынче будет вырабатываться искусственная шерсть, по качеству своему не уступающая шерсти овечьей. И ее, очевидно, тоже можно будет называть ставропольской — не только потому, что она родится на ставропольской земле, а и потому, что делать ее будут из природного ставропольского газа...»

О том, сколько новых химических заводов построим мы за семь лет и что будут вырабатывать эти огромные заводы, рассказывает в книжке «Химия — на первом рубеже» Б. Степанов.

В годы семилетки «каждые десять дней в строй будет вступать новое или обновленное и расширенное химическое предприятие. Ежедневно на строительство этих предприятий будет затрачиваться более 40 миллионов рублей — около 28 тысяч рублей ежеминутно!»

И писатель ведет нас в цехи этих новых заводов, и мы видим, какие удивительные материалы делают из простой нефти, угля и даже газа. А делают все — от домов до материй и от машин до красок.

В другой книжке, «Станция назначения — завтра», писатель В. Захарченко показывает новые удивительные машины, которые будут выпускать в 1965 году наши машиностроительные заводы. Ты увидишь, как не шахтерский отбойный молоток, а струя воды добывает под землей уголь, как работают заводы без рабочих, заводы-автоматы, которые мы построим в эту семилетку.

О том, каким будет через семь лет наше сельское хозяйство, рассказывает в книжке «Страна изобилия» писатель В. Елагин.

В 1965 году мы будем собирать не восемь с половиной миллиардов пудов зерна, как в нынешнем году, а почти в полтора раза больше — десять — одиннадцать миллиардов.

Как же мы этого добьемся? Это ты узнаешь из книжки В. Елагина. Узнаешь ты и кто такая «королева полей» и как в совхозе «Лучший», Омской области, раньше четырнадцать свинарок выращивали двести свиней, а сейчас одна свинарка выращивает... тысячу.

В книжке писателя Л. Ларионова «Решающие годы» на тридцати страничках уместилась интересная экскурсия по новым гигантским электростанциям, которые начнут у нас работать к концу семилетки. Очень интересно взглянуть, как будут устроены эти огромные электростанции и как они будут передавать ток по всей стране.

Писательница А. Кузнецова поведет тебя по новым театрам, клубам, домам культуры. Из ее книжки «Знамя культуры» ты узнаешь, что «в 1965 году намечено издать до 1 миллиарда 600 миллионов экземпляров книг. Примерно по восемь новых книг на каждого человека!»

Очень интересной получилась книжка О. Писаржевского «Навстречу великой мечте». Это книжка о науке, о том, как советские ученые помогут народу выполнить громадные работы семилетнего плана.

Ты видишь, как уже работают необыкновенные машины, умеющие управлять другими машинами, как вспыхивает в сосуде, сделанном «из ничего», пламя с температурой в миллиард градусов. Такое пламя, которое до сих пор могло породить только пылающее солнце!..

— А как же будут жить в 1965 году мои сверстники? — спросишь ты.— Как будут они учиться? Какими будут тогда школы?

На эти вопросы отвечает тебе в книжке «Учение и труд — вместе живут» писательница М. Прилежаева:

«Ребята будут по-прежнему учиться в классах и изучать основы наук, без которых нельзя стать просвещенным человеком. Но воспитание и изучение наук — математики, физики, химии, биологии и других — будет тесно связано с промышленным производством или сельским хозяйством, с практикой коммунистического строительства.

Во всех школах будут различные мастерские, где ребята с малых лет привыкнут орудовать молотком и стамеской, иглой и ножницами, а затем постепенно научатся столярничать, слесарничать, плотничать, разбираться в электричестве... Гряды на пришкольном участке, овощи, ягоды, фруктовые деревья, цветы — все сделано, посажено, выхожено своими руками...»

Обязательно прочти эти небольшие книжки! Ты совершишь интересное путешествие по семилетке и узнаешь, в какую страну ты вступишь, когда станешь взрослым.

А. Дорохов

ЖИТЕЛИ МОРСКИХ ГЛУБИН

«Морской конек» — так называется новая книжка стихов Виталия Коржикова. Это стихи про обитателей морских глубин. Каждое стихотворение — маленький портрет какого-нибудь жителя моря: осьминога, краба, кита... Вот, например, как коротко и весело описана морская игла:

Игла от года к году
Все шьет
Морскую воду.
Шьет не спеша: куда спешить?
Ведь море все равно не сшить!

— Ну, и что здесь интересного? — может быть, скажут некоторые из вас.— Это ведь стихи для маленьких, для тех, кто ничего не знает про крабов, морских игл, китов и осьминогов. А мы ведь все это уже проходили в школе...

Вот и неверно! Почти у каждого из этих стихотворений есть второй, не сразу заметный смысл. Вот стихотворение «Медуза»:

Лишь тронь —
Дрожит!
Возьмешь —
Скользит!
Куда волна,
Туда она.

Каждый из вас, наверно, встречал в жизни таких несамостоятельных людей, которые сами ничего не могут придумать, а только с важным видом повторяют то, что говорят и делают другие. Они плывут по течению, как медуза, и, как медуза, дрожат, если их тронешь.

Вот видите? Оказывается, не только в глубинах океана живут «герои» этих стихов.

Г. Яковлев

— История — одного кукольного театра

Приближался новый, 1942 год. Взрослым нашего поселка было не до детей: какие уж тут елки, игрушки, какой праздник — война!

Коля Огородников получил с фронта письмо от отца и вышел к нам во двор мрачный.

— Вот батя пишет: «Позаботься о маленьких, чтоб на Новый год не скучали без меня...» А как? Что придумать?

Мы молчали, сидя на ступеньках нашего любимого подъезда.

— Можно сделать кукольный театр,— вдруг неуверенно сказала Тася, известная всему двору книжница.

К ней даже не сразу обернулись. Разве девчонка что путное предложит? Кукольный театр! А из чего? Как его сделать?

В ответ на насмешливые возгласы Тася указала на книжку, которую держала на коленях.

— Вот тут написано, слушайте... «Нужно сначала сделать такой болванчик, похожий на голову, а нос, глаза и рот вырезать потом...

...Я отметил ножом на болванчике, где будет нос, глаза, а где рот, и стал срезать дерево по сторонам носа — ведь он должен торчать на лице...

...Я вспомнил, что у людей, когда они смеются, углы рта поднимаются кверху. Я вырезал ротик, изогнутый полумесяцем, и слегка выпяченную нижнюю губу... А когда я закруглил щеки и прорезал глубокие борозды от носа к углам рта, мой Пульчинелла улыбнулся...»

— Постой, постой!.. Ты чего это читаешь?— медленно спросил Колька, а он не любил показывать свое удивление.

— Это книжка о деревянных куклах, понимаешь? Как их делать. Жил один итальянский мальчик, Пеппино, сирота, жил он у злющей рыбной торговки. И начал он куклу вырезывать, Пульчинеллу, по-нашему — Петрушку. Понимаешь? А потом он подружился с хромым Паскуале. А потом кукольный спектакль они поставили для своего графа Гоцци по его пьесе «Любовь к трем апельсинам». И...

— А кто был Паскуале?

— А откуда там граф появился?

Тася растерянно замолчала.

— Вот что, давайте эту книжку вслух прочтем, тогда разберемся, что к чему,— сказал Коля.

Так мы познакомились с повестью **Е. Данько «Деревянные актеры»**.

В три вечера мы узнали историю тяжелого детства двух мальчиков, Паскуале и Пеппино, их знакомства с обедневшим графом Гоцци, знаменитым итальянским драматургом, и с резчиком кукол старым Джузеппе. Прочли мы и о том, как пострадали покровители мальчиков за дерзость, которую допустили ребята, вставив от себя в пьесу Гоцци сценку, высмеивающую аббата и его экономку. Да и самим мальчикам пришлось бежать из Италии.

Вместе с Пеппино и Паскуале начали мы путешествовать по Германии, подружились с семейством немецкого кукольника майстера Вальтера, побывали в замке Гогенау, вместе с мальчиками увидели, как плохо живется всем простым людям, как невыносимы издевательства дворян и попов над ними.

Особенно интересно было читать о встрече ребят с французскими бродячими актерами: метром Миньяром, дрессировщиком мышей, и его племянницей, танцовщицей Розали. Оказалось, что и во время революции могут пригодиться деревянные актеры: повстанцы, в лагере которых кукольники давали спектакль, с удовольствием смотрели веселое представление о короле и его приближенных и считали бродячих кукольников полезными для революции людьми...

Мы решили сделать к Новому году кукольный театр и показать малышам пьесу о приключениях двух так полюбившихся нам итальянских мальчиков.

Ведь в этой увлекательной повести, кроме всего прочего, очень подробно было объяснено, как делаются деревянные актеры: как, из чего вырезаются их головки, туловища, руки, ноги, как их одевают и, главное, как ими управляют кукольники.

В результате в один прекрасный день у дворников нашего поселка укоротились ручки лопат: они ведь были уже закруглены и почти отполированы рукавицами. Отпили — вот тебе и болванчик для головки марионетки!

За лопатами пошли в ход все лоскутки, краски, все мало-мальски яркое и драгоценное из ребячьих сокровищ.

У малышей от таинственных разговоров старших братьев и сестер загорелись глаза. И виной этого переполоха была все та же маленькая книжечка.

Мать Коли разрешила переоборудовать комнату в зрительный зал с условием, чтобы потом все убрали и чтобы малышей не задавили в суете. И вот 31 декабря в квартиру № 3 хлынула публика, самый высокий представитель ее был не выше стула.

Зрителей сажали прямо на пол. Сцену изображал стол. Мы не успели научиться хорошо водить марионеток, и куклы надевались у нас на руки. Перед картинами выступал рассказчик, во избежание недоразумений он рассказывал содержание сценки...

Однажды за занавесом вспыхнула громкая ссора, когда потерялась кукла и мы попрекали друг друга. Но, несмотря на все, малыши аплодировали по любому поводу. Спать никому не хотелось. В двенадцать часов мы все вместе слушали бой кремлевских курантов.

Так книжка «Деревянные актеры» скрасила трудный новый 1942 год.

Сейчас эту книжку снова переиздали. И теперь она может порадовать еще великое множество ребят.

Лариса Исарова

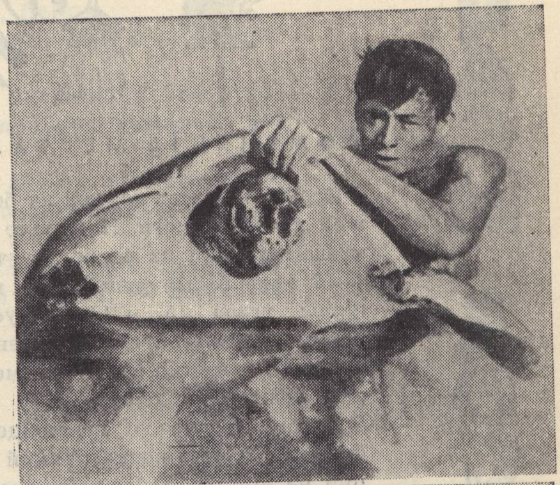

СЛАВА КОЖИ КАДЫРОВА

Дурная слава облетает свет быстрее, чем добрая. Это давно известно. И бывает, мечтаешь о доброй славе, а тебя преследует плохая. Вот так и с Кожой.

Да, вы же еще не знаете, кто он! Кожа — это казахский мальчик, который хочет стать знаменитым писателем, и, верно, благодаря этому мы и узнали о нем так много. Но мечта мечтой. А пока Кожа связался с одним бездельником и в своем ауле, в своей школе прослыл... Может быть, все-таки не рассказывать? Пойдет о Коже дурная слава, и те, кто еще не читал книжку Б. Сокпакбаева «Меня зовут Кожа», осудят его. А он не такой, как о нем говорят. Нет, пожалуй, не стоит рассказывать. А прочитать о нем? Стоит.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Чем заняты эти женщины? Что подбрасывают на обручах, затянутых сеткой? Может, это незнакомая нам игра? Увы, нет! Это работа, тяжелая, неблагодарная ручная работа на кофейных плантациях.

А что за чудище держит этот пловец? Не знаете? Гигантскую черепаху! Она весит больше, чем сам охотник.

А где находится этот красивый дворец, окруженный пальмами?

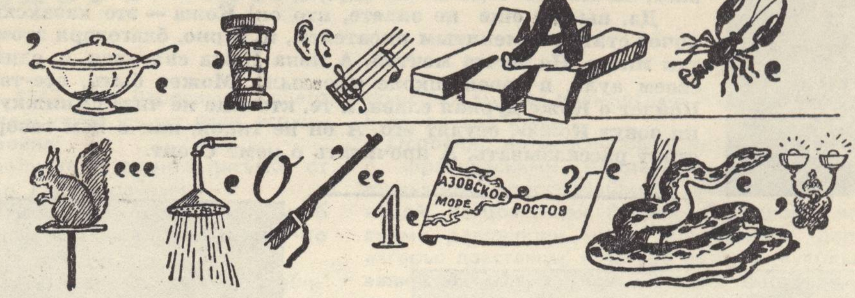
Все это и множество других интересных вещей можно узнать из книги Василия Чичкова «Под созвездием Южного Креста». Читая книгу, вы, словно новые Колумбы, будете открывать сегодняшнюю Америку.

В часы досуга

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Прочитайте текст народной пословицы, зашифрованный в этом ребусе.

Составил **С. Аюян.**

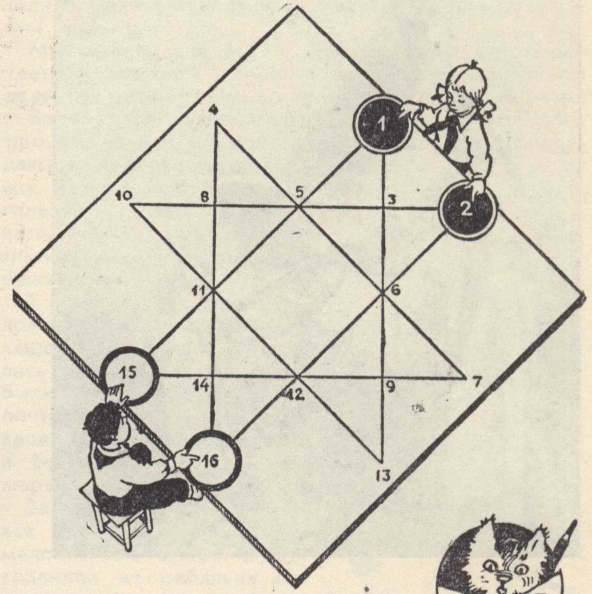

ПОМЕНЯЙТЕ МЕСТАМИ

Перенесите этот чертеж на большой листок бумаги. Поставьте две черные фишки на вершины углов 1 и 2, а две белые фишки — на вершины углов 15 и 16. Требуется черные и белые фишки поменять местами, затратив на это наименьшее количество ходов.

Ходом считается перемещение фишки с одного конца прямой линии на другой свободный конец.

Составил **Я. Алексеев.**

Ответы на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 3

КАКАЯ ПОГОВОРКА?

Халат	— Салат	Сказка	— Указка
Калина	— Малина	Клок	— Блок
Узда	— Езда	Стог	— Итог
Гарнир	— Шарнир	Доля	— Воля
Гектар	— Нектар	Крест	— Арест
Ясень	— Осень	Ода	— Еда
Ужи	— Ежи	Земляк	— Темляк

По начальным буквам новых слов читаем: «Смешное убивает».

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

Фигура разделена на четыре сектора, помеченных порядковыми номерами. Это порядок следования по окружностям. Точки показывают, какие буквы надо брать, следуя сначала по самой большой окружности, затем — по соседней с нею, и так далее, до самой маленькой. Последовательно собранные буквы составят текст загадки: «Висит сито, не руками свито» (паутина).

Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А.**, **Кассиль Л. А.**, **Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И.**, **Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П.**, **Сотник Ю. В.**, **Тимофеева Г. Я.**, **Шмаринов Д. А.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 03301. Подписано к печати 31/III 1959 г. Тираж 520 000 экз. Изд. № 612. Заказ № 455.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Пионер — друг и защитник зеленых насаждений

Растения — наши верные друзья. Они имеют огромное значение для жизни и здоровья людей.

Зеленые листья — это удивительные лаборатории, которые с помощью солнечного света создают необходимые для человека и животных сложные вещества: крахмал, сахар, белок.

Овощи, фрукты, ягоды снабжают нас витаминами и минеральными солями.

Растения пополняют в атмосфере запасы кислорода, без которого мы не могли бы существовать, и поглощают вредный для людей углекислый газ.

Многие растения вырабатывают особые ароматические вещества — фитонциды, а фитонциды убивают вызывающих болезни микробов.

Кто не знает, что чистый воздух необходим для здоровья! Зеленые друзья очищают воздух от пыли: она оседает на деревьях, кустарниках, траве.

Лесные засяоны предохраняют поля от засухи, задерживают суховеи, не дают мелеть рекам, делают климат более ровным и мягким.

Деревья защищают нас от ветров, дают прохладу летом, приглушают городской шум, вредный для здоровья.

Чарующая прелесть лесов и дубрав, парков и садов доставляет много радости людям. Среди зелени легче дышится, там хорошо отдыхать, набираться сил и бодрости.

Вот почему в законах юных пионеров Советского Союза написано: «Пионер любит природу, он защитник зеленых насаждений, полезных птиц и животных».

Пионеры! Сажайте деревья, разводите цветы! Озеленяйте дворы, улицы, дороги! Уничтожайте вредных жуков и гусениц, ухаживайте за посадками!

Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения

Цена 2 р. 50 к.

Настоящий мастер в один момент
Собрал бы из этих частей инструмент.
А этот рассыпал и собрать не может.
Ребята! Кто бедняге поможет?

Рисунок В. Андриевича.